SHOUT
SHARE
IT

- ИОСИФ КОБЗОН
  -
  - ТОМ ПЕРВЫЙ
  - ОТКРОВЕНИЕ ОТ ИОСИФА КОБЗОНА
  - Часть I
  - ПЕРВОЕ СЛОВО
  - ПЕРВАЯ ПЕСНЯ
  - ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ
  - ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ
  - В ПОИСКАХ СВОЕГО «Я»
  - ТРЕТИЙ БРАК
  - КТО И КАК НАСТУПАЛ НА ГОРЛО МОИМ ПЕСНЯМ
  - НОТКИ ЮНОСТИ
  - РАЗГОВОРЫ НА КОЛЕСАХ
  - Я ТРЕБУЮ СУДА… НАД СОБОЙ, ЕСЛИ ВИНОВЕН!
  - ПОЩЕЧИНА КОБЗОНУ?
  - Я И РАЗГОВОРЫ ВОКРУГ МЕНЯ
  - ОТКРОВЕНИЕ ОТ ИОСИФА КОБЗОНА
  - Часть II
  - ПЕСНЯ ДЛЯ СТАЛИНА
  - ГАГАРИН И ЦЕНЗУРА
  - ХРУЩЕВСКИЕ ТАЙНЫ
  - ГАЛЯ БРЕЖНЕВА
  - ТАЙНА ЖЕНЫ
  - ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ ИОСИФА КОБЗОНА С ФРЭНКОМ СИНАТРОЙ
  - ПОД МАСКОЙ ЕЛЬЦИНА
  - КРЕМЛЕВСКИЕ СОЛОВЬИ
  - ПУТИН И ДРУГИЕ ДЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
  - ВСТРЕЧИ С ПУТИНЫМ
  - ХОДОКОМ У ПУТИНА
  - О ВЛАДИМИРЕ ЖИРИНОВСКОМ
  - ОТКРОВЕНИЕ ОТ ИОСИФА КОБЗОНА
  - Часть III
  - КОНСТАНТИН СИМОНОВ (1915–1979)
  - РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (1932–1994)
  - ГЕРМАН ТИТОВ (1935–2000)
  - ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С ГАГАРИНЫМ (1934–1968)
  - МАРК БЕРНЕС (1911–1969)
  - ЮРИЙ НИКУЛИН (1921–1997)
  - ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ (1906–1975)
  - КОЗЛОВСКИЙ (1900–1993)
  - ЛИДИЯ РУСЛАНОВА (1900–1973)

- ЛЕОНИД УТЕСОВ (1895–1982)
- КАК ХОРОНИЛИ ВЫСОЦКОГО
- ТРИ МИХАЛКОВА
- ЖВАНЕЦКИЙ
- АЛЛА ПУГАЧЕВА
- КЛАВДИЯ ИВАНОВНА ШУЛЬЖЕНКО
- ЛУЖКОВ
- ТЯЖЕЛО ЛИ БЫТЬ КОБЗОНОМ?
- Я ПРИСЯГИ НЕ МЕНЯЮ
- ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ
- ОТКРОВЕНИЕ ОТ ИОСИФА СТАЛИНА
- Часть IV
- ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СЕСТРЫ
- КОБЗОН И ГОСДУМА
- ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА
- ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ЖВАНЕЦКОГО
- ЦАРЮ ПЕСНИ
- ШУТКА…
- ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ
- СИЛЬНЫЕ ТОЖЕ ПЛАЧУТ
- ЧЕЛОВЕК ПОБЕДЫ
- СОН АЛЕКСЕЯ ЛЕОНОВА
- ПИСЬМО ПАТРИАРХА
- ПИСЬМО САНЖАЙ ЛАМЫ Иосифу Кобзону!
- ПРИЗНАНИЕ БОРИСА МОИСЕЕВА
- КАК Я БЫЛА ЗАМЕСТИТЕЛЕМ КОБЗОНА
- ПРИЛОЖЕНИЯ
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31

ИОСИФ КОБЗОН
КАК ПЕРЕД БОГОМ
(Воспоминания и размышления)

Менялись времена, вожди, но
Одни и те же песни, потому что я пел
Не вождям и режимам… Я пел народу,
Перед которым и хочу здесь исповедаться,
Как перед Богом.

ТОМ ПЕРВЫЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Сказать, что Иосиф Кобзон известный человек, на мой взгляд, не сказать ничего. Давно и заслуженно он перешел в разряд легенд — из числа тех, которые навечно остаются в истории культуры страны, создавая неповторимый облик ее в конкретном временном преломлении. Меняются политический строй и общественный уклад, приходят и уходят лидеры и их свиты, постоянно мутирует, комбинирует и рекомбинирует отечественный бомонд, а он остается, и не тускнеет сиятельная мощь его признанного таланта. Именно по отношению к нему, бесспорно, звучит заезженное нашими борзописцами и шоуменами слово «звезда» — в отличие от тех фальш-стекляшек, которыми обклеен грязноватый и невысокий потолок современной отечественной попсы. Наблюдая его в тусовочных концертах-капустниках, где он иногда появляется в компании нынешних скороспелых и быстро преходящих «кумиров», диву даешься, насколько зримо выбивается эта глыбища из общей безликой шеренги, сразу и безоговорочно давая понять поведением своим, интонацией и голосом, безусловным вкусом отобранных к ислнению произведений, сценической культурой поведения, что он, Иосиф Кобзон, не даром, за глаза и в глаза титулуется мэтром. Великий Артист и великий Человек — вот кто такой Кобзон! Конечно, исключительность положения Иосифа Давыдовича не только в песенной массовке, но и в российском обществе в целом, не есть результат «высокого происхождения» или какого-нибудь «чудесного превращения». Труд упорный и жестокий, высочайшая требовательность к себе и самодисциплина, мучительный поиск того единственно истинного образа, который соответствует стихотворно-мыкальной композиции, понимание собственной ответственности перед зрителем — таковы основы его творческого успеха. Но еще более важен опыт всей нелегкой жизни Артиста, которой он живет истинно — полнокровно и размашисто, беспощадно расходуя себя на человеческую боль и человеческое же счастье. Об этом, собственно, и рассказывает предлагаемая вниманию россиян книга «Как перед Богом». На ее страницах читатель встретит не блистательного и успешного идола, но сложную, многогранную личность, не могущую застыть в ореоле собственного величия, погибающую и возрождающуюся из пепла сомнений и разочарований. И еще раз убедится в том, что талант истинно велик во всех своих проявлениях. В заблуждениях и откровениях,

в парении и падении всегда звучит и побеждает страстная мелодия выражаемых посредством таланта жизненных стихий!.. Итак, встречайте: на сцене книги — Иосиф Кобзон.

Генеральный директор ФГУП Издательство «Известия» Управления Делами Президента Российской Федерации **Э. Галумов**

ОТКРОВЕНИЕ ОТ ИОСИФА КОБЗОНА

Пришел Добрюха и говорит: «Возможно, вам впервые придется сказать то, что бы мне скажете. Не исключено, что именно по этим вашим словам будут судить: какой вы были на самом деле. Итак, чтобы остаться в Истории таким, какой бы есть, а не таким, каким вас рисует, кто во что горазд, постарайтесь, отвечая на вопросы, быть как перед Богом…» Такой подход предложил Добрюха. И я согласился.

Часть I

ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ

ПЕРВОЕ СЛОВО

Ну почему так безжалостно бежит время, бежит и отнимает у нас жизнь? Не успеешь начать жить, а тень смерти уже где-то рядом… Жизнь для меня началась со слова. Этим первым словом было слово «мама». Началась моя жизнь 11 сентября 37-го года. Смотрю я на эти, оказавшиеся для мира трагическими, цифры с высоты сегодняшнего дня. На календаре 30 апреля 2002 года. Смотрю и вспоминаю свое страшно бедное, но все равно счастливое детство. Счастливое. Несмотря на то, что по нему прокатилась Великая Отечественная. Война стала главным воспитателем моего поколения.

Родился я на Украине. В Донбассе. В небольшом городке. У нас называют их ПГТ — поселок городского типа. Городок с именем Часов Яр. Это моя историческая родина. Дальше семейные пути привели меня во Львов.

Там и застала нас война. Отец ушел на фронт, а мать с детьми (тогда их было еще пятеро), со своим братом-инвалидом и со своей мамой, нашей бабушкой, решила эвакуироваться. Я, когда возвращаюсь к памяти детства, совершенно четко помню эту нашу эвакуацию. Я помню этот вагон. Я помню переполненные станции. Я помню, как отстала мама,… Она бегала за водой для нас и… отстала от поезда. Я помню, как все мы — и бабушка, и дядя, и братья, и я, как самый младший, были в панике: пропала мама!. А у нас всегда вся надежда была на маму. Но… мама через три дня догнала нас… на какой-то станции. Так мы попали в Узбекистан, в город Янгиюль, в 15 километрах от Ташкента.

Я четко помню военное детство. Я помню, как мы жили в узбекской семье, в ее глиняном домике, где даже полы были глиняные. Мы все жили в одной комнате. Наша семьи разделяла только занавеска. Когда устраивались на ночлег, выкладывались тюфяки, и все ложились, что называется, штабелями. Так жили с 41-го по 44-й. Каждое утро взрослые поднимались на работу. Поднимали и нас, детей, чтобы покормить… Кормили в основном какой-то тюрей… И так, чтобы сытно было весь день. Варился так называемый суп… Мама моя была в этом деле находчивая женщина. Хозяйка. Она делала еду, казалось, из ничего. Все съедобное шло в ход: картофельные очистки, щавель, просто зеленые листья или какая-то кусачая лечебная трава, которую так любят, есть собаки и кошки, когда им не хватает витаминов или нападает какая-нибудь болезнь. Все это она добавляла в бульон, для которого покупала свиную голову и свиные ножки.

Вываривала их, и получался жирный бульон. Чистые, золотистые капельки жира в нем были такие, что текли слюни. Бульона хватало на всю выварку. А выварка была большая, алюминиевая. И этого нам хватало, чтобы жить целую неделю. Хлеба не было. Лишь иногда нас, детей, баловали узбекскими лепешками. Но, в основном, заедали мы всю эту тюрю жмыхом… Мы жили рядом с забором маслобойного завода. И вот там нам удавалось разжиться жмыхом, который делался из отходов семечек подсолнечника. Пахучий, до приятного головокружения, и такой твердый, что его можно было грызть бесконечно. Этот жмых был главным детским лакомством. Смешиваясь со слюной, он насыщал наши вечно хотящие есть желудки. Еще мы насыщались смолой, обыкновенной черной смолой. Мы жевали ее целыми днями. Ходили и жевали. Это была наша жвачка. И этим мы тоже утоляли голод.

Покормив, взрослые выгоняли нас гулять на улицу. Весь день и день за днем мы проводили на улице. Гоняли с мальчишками по ней босиком, устраивая обычные пацанячьи игры. Так что, можно сказать, моим детским сом была улица. Не сказать, чтобы я тогда всегда был заводилой, но всегда руководил всем как командир. Конечно, дрались. Но очень быстро мирились. И тем самым учились не держать друг на друга зла. Потрясающе добрый и гостеприимный узбекский народ останется в моей памяти навсегда.

…Скоро жить стало немножечко легче. Мама начала работать начальником политотдела совхоза. До этого, на Украине, еще с Часов Яра она работала судьей. Мы с братьями, как могли, помогали ей. Бегали на базар продавать холодную воду. С кружками. «Купи воду! Купи воду!» наперебой кричали мальчишки. И в жару, под палящим узбекским солнцем, ее охотно покупали. Правда, за какие-то копейки. Но и это помогало нам жить. И мы выживали и… выжили.

Мама моя родилась в 1907 году. Девушкой жила под фамилией Шойхет. Но вышла замуж и стала называться Ида Исаевна Кобзон. Мама моя любила меня. Любила очень. Любила больше всех. Потому что был я у нее самый младшенький. Это уже потом, когда в семье появился шестой ребенок — сестричка Гела. Гела стала самой любимой. Самой любимой еще и потому, что была девочкой. Мама никогда не звала меня по имени, а звала… всегда: сынуля. И я любил ее. Любил очень. И всегда, всегда, до последних дней… звал ее: мамуля. Делала для меня она все, что могла… Если оставалась одна конфета, то, конечно доставалась она мне. Если на Новый год маме удавалось достать мандаринку, то она стыдливо прятала ее от других, чтобы

накормить мандаринкой… меня. Не стало мамы у меня в 1991 году.

Как только в 44-м Донбасс освободили от немцев, мы тут же вернулись на Украину и поселились в городе Славянске. Жили в семье погибшего маминого брата Михаила, у жены его, у тети Таси, доброй русской женщины с двумя сыновьями. (У мамы моей два брата погибли на фронте…).

Жили у тети Таси. А почему? Да потому, что в 43-м с фронта вернулся отец. Контуженный. Но вернулся не к нам, а… остался в Москве, где лечился и… увлекся другой любимой. Звали ее Тамара Даниловна. Прекрасная такая дама, педагог. Отец, Давид Кунович Кобзон, как и мама моя, был политработник. (Я единственный, кстати, из всех детей, кто сохранил и размножил его фамилию). Отец честно признался маме, что решил создать другую семью… В общем — оставил нас.

До 45-го мы прожили у тети Таси. Там же мы встретили День Победы. Потом переехали в Краматорск. Мама работала в суде адвокатом. Здесь, в 45-м, пошел в школу. Все легло на мамины плечи. Бедная мама моя. Досталось ей горя! Но все она выдержала. А в 46-м встретился ей по-настоящему хороший человек — Михаил Михайлович Раппопорт, 1905 года рождения. И к нам в семью пришла радость — появилась сестричка Гела. Язык не поворачивается назвать этого человека — отчим. Я с гордостью звал его Батя. Мы все до конца дней безумно любили его. А он… рано ушел из жизни. Не хватило здоровья у бывшего фронтовика, чтобы жить. Воевать всю войну — хватило, а вот жить — не-а… Уже 32 года нет его. Но во мне он по-прежнему… есть! Батя. Мой Батя!

Вопреки распространившемуся теперь мнению о невыносимом притеснении евреев в СССР говорю, что лично я не ощущал того отношения, которое называют антисемитизм. А если иногда и ощущал, то происходило это не от государства, а от отдельных невежественных и обозленных неудачами личностей. Мне больше запомнилось другое: когда наши отцы шли вместе в атаку против действительно ненавистного всем фашизма, они не спрашивали друг друга какой они национальности. И одинаково помогали друг другу, де лились кровью для раненых, а если было надо, то и умирали друг за друга, не раздумывая, кто и какого рода. Это были настоящие советские люди, а не так называемые «совки», которые всегда прятались за спины других…

Я не прятался, потому что родился по-настоящему советским человеком и, наверное, умру им, потому что, прежде всего, я — интернационалист, а потом уже — еврей… Я хочу сказать об этом особо.

Меня спрашивают: а вас в детстве дразнили или еще как-то делали вам плохо? Отвечаю: меня очень тяжело было обидеть, потому что я был таким, что мог за себя постоять…

Говорят: это значит, если что — сразу в ухо или по зубам? Отвечаю: не так, чтобы сразу по зубам, но, во всяком случае, особых вольностей по отношению к себе не допускал. У меня были дружки, с которыми я был, как три мушкетера: один за всех и все за одного. И в школе, и в пионерском лагере я всегда был первым. Так что ни у кого не появлялось желания сделать мне какую-то гадость.

Снова и снова интересуются: не ощущали ли вы, особенно в детстве, антисемитизм? И я снова и снова, в который уже раз повторяю одно и тоже: нет. Потому что в СССР не было государственного антисемитизма, а был конкретный антисемитизм со стороны отдельных личностей, с которыми я боролся всеми доступными средствами. Сейчас, к сожалению, в этом вопросе приходится прибегать только к политическому диалогу или к какому-то общественному осуждению. А раньше за разжигание межнациональной розни можно было и срок получить. В крайнем случае, можно было просто… элементарно разобраться: услышал обзывание типа «жидовская морда» — подходил и…

Подсказывают: в ухо или в нос… Отвечаю: ну… принимал меры во всяком случае. Нет, в советские времена я этого ощущал. Не ощущал! В советские времена в этом отношении строже было. Безнаказанно никто рот не открывал. И в детстве, и в юности никто меня этой проблемой, как Жириновского, не замучивал. Да и рос я не в простой среде. Все-таки в Горном техникуме, где я учился, обучались в основном фронтовики, которые прошли суровую школу войны и всему знали цену. Ценили людей по их качествам, а не по национальности. Они в эти игры не играли сами и не допускали ничего подобного со стороны других. Никог-да!

Я вспоминаю детство. Еврейский хлопчик из Донбасса, которого, как Сталина, назвали Иосиф. Вот Добрюха спрашивает меня, имея в виду мою склонность к пению, не происходит ли моя фамилия… «Кобзон» от украинского слова «кобза», означающего струнный музыкальный инструмент? Красивая могла бы получиться легенда, если вспомнить великого кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко. Но… нет, не происходит. Скорее, если не обращать внимания на букву «б», случайно заменившую букву «п», то происходит она от слов «коп» и «зон». А они, по-еврейски, насколько я понимаю, значат «голова» и «сын». Стало быть, «голова сына».

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Странное дело. В детстве я всегда был отличник и… одновременно хулиган. Но не в том смысле, что антиобщественный элемент, а просто никогда не отказывался подраться, если драться нужно было, как говорится, за справедливость, то есть был я хулиганом иной породы — мне нравилась роль Робин Гуда. Для мамы я оставался «сынуля», а улица звала своего командира Кобзя. Улица, конечно, затягивала и меня, но никогда не мешала хорошо учиться. У мамы сохранились похвальные грамоты с «Лениным и Сталиным» — в основном за мою учебу. Но есть среди них и такие, которые свидетельствуют, что я был победителем и на олимпиадах по художественной самодеятельности. Одна из них — девятилетнему Кобзону «за лучшее пение»… Мне тогда, в 46-47-м, здорово нравилась песня Блантера «Летят перелетные птицы». Пел я ее просто от души… в Донецке, а потом и в Киеве. Когда через время показал эту грамоту Блантеру, старый композитор расплакался.

…Как певцу-победителю украинской олимпиады мне дали путевку в Москву. Я не помнил родного отца, но, когда пришло время ехать в столицу, мама сказала мне: «если хочешь, повидайся с родителем». И я повидался. Однако его отношение к маме и мое благодарное отношение к отчиму сделало наше общение очень формальным. Он отвел меня, как сейчас помню, в Детский мир на Таганку. Купил мне какой-то свитерок, еще чё-то купил. Я поблагодарил. А он сказал, что у него завтра будет хороший обед и… чтобы я приходил. Еще сказал, что у него и в новой семье уже два сына…

В следующий раз мы встретились, когда я стал известным артистом: просто мне до зарезу нужна была московская прописка. Я заканчивал Гнесинский институт. И чтобы расти дальше — необходимо было остаться в Москве. Весь Советский Союз распевал мои песни: «А у нас во дворе», «Бирюсинка», «И опять во дворе», «Морзянка», «Пусть всегда будет солнце»… Да мало ли было успехов, которых я успел добиться на эстраде, но, как назло, у меня не было московской прописки. И бывший отец не отказал мне. Это был 1964 год.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Все когда-то происходит впервые. Мою первую учительницу звали Полина Никифоровна. Хороший человек. Как звать — помню. Навсегда помню. А вот фамилию… забыл. У нее я научился писать и читать, рисовать и считать только на «пять».

А вот петь, пожалуй, научился сперва от мамы, а потом уже продолжил на уроках пения и в кружке художественной самодеятельности. Мама очень любила петь романсы и украинские песни. У нее был патефон и много пластинок.

Нравилась ей песня «Дывлюсь я на нэбо, тай думку гадаю…» И мне тоже понравилась. Я любил подпевать маме. Долгими вечерами при керосиновой лампе это было какое-то волшебное, какое-то завораживающее действо и зрелище. Тоску сменяла радость, слезы — веселье, когда пела свои любимые песни мама. И, вероятно, именно тогда я навсегда «отравился» пением. Песни стали моими наркотиками. Пройдет целая жизнь. И в 2001 году, когда часы начнут отсчитывать, быть может, мои самые трагические минуты, когда мое «я» будто маятник, будет колебаться между жизнью и смертью, а потом врачи скажут, что я все-таки останусь жить, первое, что я попробую сделать, — это проверить: а сохранила ли моя па мять хотя бы какие-нибудь песни? Я тяжело начну вспоминать незабываемые строки и с трудом, хотя бы мысленно, произносить отдельные слова, а затем рискну попробовать… петь, чтобы узнать: не отказал ли голос?! И узнав, что голос возвращается, и что я опять буду петь, я пойму, что жизнь моя действительно продолжается. И я опять смогу выходить на сцену и быть рядом с моей Нелей… с моим единственно верным до конца другом. Все когда-то происходит впервые.

С первого класса вела меня Полина Никифоровна. Добрая такая «мамка» была. Потом приходила она на концерт, когда я выступал в Краматорске. Как сейчас помню, конец 45-го… Странным образом тогда мы учились: когда нужно было писать, худющие, но горячие, отогревали мы под рубашками чернильницы с замерзшими чернилами и писали… между строк… на газетах. Чтобы не стучать от холода зубами, сжимали губы. В классах стоял мороз, но не в силах он был заморозить наши души, которые после Победы горели такими страстями и такими мечтами, что казалось ничто на свете не сможет их погасить. Все это было. И я помню это. Помню. Я хорошо это помню… 6-я мужская средняя школа… Быков Леня, будущий знаменитый Максим Перепелица, учился в моей школе. Был он старше меня

на два года. Но только позже мы обнаружили, что мы… из одной школы!

В 1950-м семья переехала из Краматорска в Днепропетровск. Я пошел в 6-й класс в 48-ю школу. Я всегда был отличником. Однако золотую медаль не получил. Потому что в 52-м, после 7-го класса, пришлось поступить в Днепропетровский горный техникум. Почему в горный? Мы жили очень скудно. Все время хотелось есть. И я решил, что пора самому зарабатывать харчи. Я никогда не увлекался горным делом, но в то время горняки зарабатывали очень серьезные деньги. И я решил заняться горным делом. Поступив, получил стипендию. И тут… произошла незабываемая история. Я побежал быстренько в магазин и, купив на первую стипендию маме клеёнчатый ридикюль (такую сумочку женскую), вложил в него первый свой рубль. Но прежде, чем подарок дошел до мамы, меня перехватили мои сокурсники. А в техникуме тогда учились и ребята после армии, и бывшие шахтеры, и даже фронтовики, нанюхавшиеся пороху. Одним словом, во всех отношениях самые настоящие мужики со своими, уже сложившимися, привычками. Ну и как они могли упустить такой случай и не обмыть мою первую стипендию? И вот затащили они меня в какую-то забегаловку и заставили совершить акт посвящения в шахтеры. Заставили меня, пацана, мне было тогда пятнадцать лет, выпить стакан водки, чего я до этого никогда не делал. Я сперва не захотел. Как не захотел когда-то сделать наколки, которые считались признаком настоящего мужчины. Но мне сказали: «Ты просто боишься! Ты еврей! Ты испугался». И тогда я сказал им: «Ах так… Ну-ка, давайте…» На моих руках и плечах появились «мужественные» следы иголок. Сейчас я их все свел, одну только оставил. Но тогда «раскололся». Как пришлось «расколоться» и при посвящении в одну из самых мужественных профессий… Я сказал: «Я не пью водку!» А они сказали: «Ну, какой же ты шахтер, если не пьешь водку? Ты должен выпить… хотя бы в честь посвящения». И тогда… я выпил целый стакан… и больше ничего не помнил. Но они были молодцы. Они меня не бросили. Они меня на руках… беленьким… занесли в трамвай, довезли домой, и сбросили маме. И когда я оклемался, я еще получил порцию. Веником! Такой была моя первая водка. А ридикюль, купленный с первой стипендии, они передали маме. И она хранила его всю жизнь. Хранится он и сейчас с этим моим рублем у сестры…

Еще больше запомнилась мне первая моя сигарета. Она была, когда я стал студентом горного техникума. Все курили на переменах, и я закурил… Но батя однажды поймал меня… Я спрятал сигарету от него в кулак, а он физически был очень

сильным человек и сжал мою руку так, что я заорал от ожога. И тогда батя сказал: «Хочешь курить — кури открыто, но этого, чтобы я больше не видел». С тех пор прошло 50 лет. И я, если, что-то делаю, то делаю открыто, а не тайком, не исподтишка.

Не меньше почему-то запомнился мне и мамин веник, хоть и била она им не очень больно. Но сам факт такого воспитательного воздействия почему-то по сей день не выходит у меня из головы… Помню, как впервые по-настоящему влюбился. Это было в 6-м классе. Была Людочка Литвинова. Я учился в 6 «б». Она в 6 «а». Какое чудо была эта девочка! Я писал ей записки. А она мне писала и… передавала через друзей. Я с волнением ходил провожать ее на улицу Володарского. И стыдливо смотрел вокруг, не смея остановить глаза на ней, хотя именно на нее хотелось смотреть больше всего. Это была моя первая любовь. И с ней был у меня первый мой поцелуй. Сегодняшним молодым даже не понять, что перед первым поцелуем, может быть, трепет… Я бывалый уличный хулиган боялся даже дотронуться до нее… Не то, что поцеловать. Такая дрожь была во всем теле. А она… она была еще стеснительнее. Но… все-таки мы как-то реши лисьи… поцелуям нашим, казалось, не будет конца. Однако все почему-то проходит. Прошло и это. Дальше, в техникуме, были у меня уже просто увлечения. А это… Это была самая настоящая первая любовь!

…Когда у меня появились дети, я рассказывал им, как мама моя — мой бог и моя религия, воспитывала меня, когда я поздней ночью возвращался с гулянок домой.: как она отчитывала меня, как трещал веник на моей голове… А я, на сто процентов зная, что (!) ждет меня, всякий раз не мог остановиться, словно кот, учуявший весну среди февраля. Я знал, что буду избит веником, но… что было делать(?): молодость не могла не брать свое! Все это я раз за разом рассказывал своим детям, когда они возвращались с полуночных московских дискотек. Я говорил им: «Ну, что это такое? Посмотрите на часы! Уже почти четыре часа ночи! Вы чего, обалдели, что ли?» А они отвечали мне: «Папа, ну что ты такой несовременный? Какая разница, сколько сейчас времени?» И тогда я говорил: «Да! Жаль, что нет моей несовременной мамы. Она бы вас так веником отгуляла, что вы забыли бы про свою современность!» Но, видимо, у каждого времени свои веники…

ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Художественная самодеятельность всегда была моей стихией. А в Днепропетровске я начал заниматься еще и спортом. Футболом и боксом. Особенно боксом. И скоро стал чемпионом среди юношей Днепропетровска и области, а затем и всей Украины. Первый свой бой я выиграл. Потом выиграл второй. Выиграл третий. Выиграл и четвертый. Ну и… меня понесло, словно я непобедимый. Однако пятый бой уже в первом раунде закончился для меня… нокаутом. Да-а-а. Я, как дурак, вознесся оттого, что выиграл четыре боя. И вот дальше оказалось, что нет мне весового партнера. Есть партнер меньше меня по весу на категорию, но выше меня разрядом. Да к тому же левша. И хотя я с левшой никогда не работал, я сказал: «Какая проблема? Я согласен…» И вы шел на ринг. И он меня тут же нокаутировал, что бы я больше не воображал, что 1 м 81 см роста, большой, 70 кг, вес и дурную силу можно противопоставить лучшим знаниям и умению. Бокс — как жизнь — не тот случай, когда… если сила есть — ума не надо! Было у меня всего 18 боев, 4 из них я проиграл…

В ПОИСКАХ СВОЕГО «Я»

Не успел я стать выпускником горного техникума, как в июне 56-го очутился в солдатах. Знаменитый целинный урожай того года нуждался в рабочих руках. И мы, не оформив толком, дипломные работы без принятия присяги прибыли на 2 месяца в Казахстан в составе армейских частей, направленных на уборку хлеба. А уже оттуда в «телятниках» нас стали развозить по местам службы. Так я попал в артиллеристы в полусотне верст от Тбилиси. Благодаря своему боксу, футболу и умению петь, я скоро вышел в число людей, которые постоянно должны были на разных смотрах представлять лицо дивизии. Это, в конце концов, и определило мою судьбу. Меня заметил и взял к себе художественный руководитель и главный дирижер ансамбля песни и пляски Закавказского Военного округа, а впоследствии и народный артист Петр Мордасов. Взял он меня в хор с прицелом сделать солистом. Но отпускать из части меня не хотели. Я мучительно долго ждал. Мне устраивали всякие пакости. То во время караульной службы подсовывали неприятности, то провоцировал старшина, да так, что мне пришлось его бить. За что отправили на гауптвахту. А когда из центра стали выяснять: почему же я до сих пор не отбыл в Тбилиси — сказали, что за недостойное поведение Кобзон серьезно наказан. В конце концов, все эти палки в моих колесах были сломаны, и я впервые запел в профессиональном ансамбле. Тут-то мне и дали понять, чем должен я заниматься в жизни, и как можно совершенствоваться в этом деле.

В апреле 58-го я демобилизовался и вернулся. в Днепропетровск. Дома все рассчитывали, что я поеду работать на буровую по специальности «разведочное бурение»… куда-нибудь в Воркуту или Донбасс. Я же сказал маме, что хочу ехать учиться в Москву. Это вызвало совершенно жуткий гнев среди моих братьев. Дескать, только — только стали вставать на ноги, а ты вместо того, чтобы помочь семье, учиться вздумал. Тоже артист нашелся… Только отец промолчал. Потом сказал: «Сынок, ты уже взрослый и поступай, как считаешь нужным!» А мама заплакала «Сынуля, надо же…»

Здесь я прервусь, чтобы сделать примечание. Дело в том, что в армию я ушел в весе 70 кг, а возвратился с весом 90. Я жутко окреп. Продолжал заниматься спортом и был физически здоровым невероятно. Но вопрос был в другом: из одежды-то я вырос, а покупать новую было не за что. Поэтому я по-прежнему вынужден был ходить в форме. В форме поехал я и в Москву. Но

не потому, что хотел вызвать снисхождение экзаменаторов или жалость приемной комиссии, а потому, что, правда, нечего было надеть. Вот поэтому и заплакала мама моя. И тогда, чтобы снять хотя бы эту проблему, я пошел лаборантом в химико-технологический институт и заработал себе деньги на одежду и на поездку в Москву. Угнетало ли меня такое безодежное и безденежное положение, когда не в чем идти даже на свидание? Говорю: не угнетало! Нормально все было. Брюки-то у меня, которые можно вечером надеть, имелись. А потом и «сокблочка» была Безрукавка такая. Так что… ничего страшного. Тем более что из-под нее виднелись хорошие бицепсы. А девчонки тогда больше смотрели не на одежду, а на то, что под ней.

И вот я приехал в Москву… поступать сразу в три места в Гнесинский институт, в Консерваторское училище, в Мерзляковку, и в ГИТИС. Все знали, что мы настолько бедны, что заплатить за поступление в Москве у нас даже мысли не было и… возможности, если бы даже мысль была. Поэтому, когда приехал из Москвы, и вдогонку мне в Днепропетровск пришло сообщение, что я принят в Государственный музыкальный институт имени Гнесиных, от полной неожиданности радости мамы и огорчению братьев не было предела. Но так уж случилось.

И вот началась моя жизнь в Москве. В общежитии на Трифоновке в одной комнате нас было 9 человек. В те времена учеба в Москве начиналась с уборки картофеля на полях подмосковных совхозов. Меня назначили бригадиром. В бригаде у меня работали «неслабые» ребята вроде Давида Тухманова и Карины Лисициан. Обычно мне удавалось заработать два мешка картошки. Я привозил их на Трифоновку, 59 в двухэтажную такую развалюху, которая называлась общежитием, складывал под кровать, и мы с моим соседом и земляком Толей Сумским были с едой в полном порядке. А мама моя присылала в фанерном ящичке сало. И вот утром, — а у нас потрясающий режим был, — выходишь на общую кухню, ставишь свою сковородку, нарезаешь сало… Как только сальцо расплавилось — сверху картошечку. И жаришь. Хлеб, естественно, черный из гастронома у Рижского вокзала. И вот каждое утро картошечку с салом (а я ее до сих пор такую только и люблю) ели и запивали холодной водой. Тогда еще можно было пить из- под крана. Заправимся, как следует, и двумя трамваями и троллейбусом на целый день на учебу. Желательно, конечно, было проскочить весь этот путь «зайцем». Стипендия-то была 180 рублей в старых деньгах или с 61-го — 18.

Тогда в столовых еще недорогие были обеды. Ну и хватало: или на суп, или на котлеты с макаронами. Зато каждое воскресенье мы устраивали себе праздник. Почему в воскресенье?

Да потому, что в течение недели шла жесткая экономия, например, на транспорте. Потом мы складывались, чтобы на душу приходилось порядка 250 грамм водки. Покупали, как сейчас помню, десяток котлет по 50 копеек или по-новому по 5 копеек за штуку и десяток яиц. Покупали для таких случаев белый хлеб, минеральную воду или ситро. А из своего брались картошка и сало. И у нас был пир. И начиналось общение с девушками… Было замечательное время. А по ночам наши «разведчики» бегали на Рижский вокзал. И, если там находилось что загружать или разгружать, мы моментально бросались туда и подрабатывали. Чуть позже, в 59-м году, я начал работать в цирке на Цветном бульваре в программах Марка Местечкина. В прологах и эпилогах надо было петь. И вот я пел. Пел сам и в составе квартета. Пел песни «Мы артисты цирковые» и «Куба — любовь моя» из спектакля с музыкой Александры Пахмутовой. Так я стал работать по специальности и получать за выступление по 3 рубля. Выступлений было, как минимум, 9 в неделю. Можно представить, каким я стал сразу богатым человеком. Я стал получать до 100 рублей в месяц. Так для меня наступила совсем другая жизнь. Ко всему этому надо обязательно добавить, что в промежутках между моими выходами на сцену в начале и конце спектакля я бегал в Большой театр, Консерваторию или в какой-нибудь концертный зал, чтобы послушать знаменитостей. В то время для этого были условия — бесплатные билеты для студентов творческих вузов. Эти билеты распределял вузовский комитет комсомола. Я как член комитета комсомола попросил, чтобы меня сделали ответственным именно за этот сектор. Поэтому все билеты сходились ко мне. И я их распределял. Естественно, себя не обижал. И так каждый вечер. За счет этого удалось резко поднять свой культурный уровень. Козловский, Лемешев, Лисициан, все премьеры, все выдающиеся музыканты страны и мира (такие, как Марио Дель Моно) заочно становились моими учителями. Я жадно вбирал в себя их лучшие уроки. Для этого подходило все: и амфитеатр, и балкон, и даже место за сценой… С детства, сколько себя помню, я всегда любил слушать, как поют другие, и всегда пел сам. Откуда во мне это взялось? Не знаю. Мама моя — юрист. И хотя она и пела, пела, как тогда пели почти все. Других развлечений почти не было. Долгими вечерами при керосинке ничего не оставалось, как только пить и петь. Но у нас почти не пили. Зато много пели. И все-таки искать какие-то «гены пения» именно в этом нельзя. Потому что тогда такие гены обнаружатся почти у всех людей того времени. А других генов я что- то не нахожу. Правда, по моим стопам пошла и моя сестра. Закончив тот же Гнесинский институт, стала дирижером

Единственное, что я ощущал, так это то, что пение всегда было моей естественной потребностью. Откуда во мне это взялось? Ума не приложу…

Как бы там ни было, но я нашел свое «я». И стал по-настоящему своим среди по-настоящему профессиональных артистов. Мне везло на запоминающиеся гастроли с большими мастерами. Выступали однажды на стадионе. Интернациональная концертная бригада. И вот запела среднеазиатская певица. Запела так, что один солдат с восточным лицом, прорвав все заслоны, вскочил на сцену и, упав к ее ногам, стал умолять, чтобы она приняла от него его наручные часы, как знак выражения его чувств, потому что на цветы у него не хватило денег… Было трогательно до слез. Затем запела Лидия Русланова. И тогда с трибуны сошла красивая такая русская женщина в цветастом платке. Подходит к Руслановой, плачет: «Матушка, какое же счастье, что ты есть». Снимает с пальца дорогое кольцо и говорит: «Возьми, матушка, хоть что-то на память!» А сама плачет, остановиться не может. И тут наш легендарно находчивый конферансье Гаркави на весь стадион произносит: «Вот Русь великая — все с себя! Но только за любовь! За любовь!» Потом поворачивается в мою сторону и говорит: «Кобзон, приготовься! Сейчас евреи мебель понесут…» И вот эта шутка становится для меня как знамение: значит и среди настоящих артистов признали меня своим

Когда мои студенты в Гнесинском институте спрашивают: «Как вам 40 лет удается сохранять такую популярность?» — я говорю: «Видите, вас волнует этот вопрос, а меня — нет. И никогда меня не волновало, кто популярней меня? Но я всегда стремился быть не ниже профессионального уровня тех артистов, с которыми мне приходилось выступать. Иначе меня перестали бы приглашать для совместных концертов. А потом… каждый раз не кому-то, а самому себе я стремился доказать, что я — Кобзон, т. е., что то-то и то-то у меня было не случайно, и что я могу это сделать снова и снова. И сделать даже лучше, чем это было прошлый раз. Короче говоря, — говорю я студентам, — когда вы будете меньше думать о популярности, а больше делать что-то хорошо и очень хорошо или делать что- то по-настоящему новое и нужное, тогда из вас, возможно, действительно что-то получится».

Я крайне редко бывал, доволен своими выступлениями. Крайне редко. Иной раз даже думаю: и за что мне так аплодируют? Ведь ничего выдающегося я не сделал. Может быть, просто мне удается в нужное время, в нужном месте сказать и сделать то, что именно в этот момент только и нужно? Здесь мне вспоминается один случай. Однажды приехал я выступать в

Одессу. На афише было написано: «Заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР (а я тогда, в 64-м, только получил это звание), лауреат международных конкурсов (и в скобках — Варшава, София, Берлин), лауреат Всесоюзного конкурса (и в скобках — Ленинград), лауреат Всероссийского конкурса (в скобках — Москва), еще чего-то такое и… Иосиф Кобзон. А какой-то, видно, очень остроумный одессит приписал жирным таким шрифтом „Лучший друг Рабиндраната Тагора…“ Дескать, чё ты выдрючиваешься? Если не умеешь петь, все равно это никого не взволнует. И я ощутил то, что так ярко, как мне поведал Добрюха, выразил автор песни „Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой“ поэт и философ Евгений Михайлович Винокуров: „Толстому не нужно было добавлять, что он писатель. И так все знали, кто он такой…“

ТРЕТИЙ БРАК

Сразу, как только в 1964 году мне разрешили прописаться, я приобрел себе двухкомнатный кооператив на Проспекте Мира, 114а. И начал жить в своей квартире. Правда, на первом этаже, так как это была единственная квартира, которая оставалась непроданной. И как только она у меня появилась в 1965 году, я женился на Веронике Кругловой — солистке Ленинградского мюзик-холла, которая прославилась песней Островского "Возможно, возможно, конечно, возможно…" и песней Фельцмана "Ходит песенка по кругу". Вероника была красивая женщина. Очень. Но жизнь наша не сложилась. Она работала на гастролях со своим коллективом, а я гастролировал со своим. Так, в постоянных разъездах, мы прожили около 2-х лет, выясняя при съездах: с кем спал я, и с кем спала она? Разумеется, ничего не выяснили и… в конце концов, расстались.

Хотя ничего хорошего не принес мне первый брак, в 1967 году я решился на второй актерский брак и женился на… Людмиле Марковне Гурченко. И опять приключилась та же история. Только, конечно, Людмила Марковна намного серьезней женщина. Во всех смыслах. Женщина с характером Она, естественно, требовала ответственности перед семьей, перед домом. И остро реагировала на какие-то, так сказать, деликатные вещи, которые возникали по жизни…

Тут я сказал: "Давайте примеры, чтобы было яснее, что имеется в виду". "Какие примеры? Что? Я должен в постель вас приглашать?" — не выдержал Кобзон. "Да нет, не в постель", — среагировал я. "А какие тогда могут быть здесь примеры? — не согласился Кобзон. — Просто было много проблем, связанных именно с этим. В отсутствие. Ты с кем? А ты с кем? А вот мне сказали… А мне сказали… Ну, вот и начиналось выяснение отношений… Когда мы встречались в Москве, то есть, когда я возвращался, и она в Москве была… То она задержалась, то я задержался. Постоянные такие подозрения…" Мне снова показалось не все ясным, и я спросил: "А кто поводов больше давал?" "Я не могу сказать, что я больше давал поводов! Просто, может быть…" — он задумался, а я по инерции заметил: "Я помню, какой Кобзон был красавец. Горел просто. Ходил и сжигал женщин глазами…" "Ни чё я их не сжигал, — неуверенно сказал Кобзон и… добавил, — сжигали женщин все, кто хотел… Вопрос в другом Она тоже очень яркая актриса… Популярная была… У нее тоже было достаточно возможностей, так сказать, поддаваться соблазну…" "Ну да! Не прибедняйтесь, — перебил я, — она тогда

уже перегорела, а вы еще…" "Ничего она не перегорела, — набирая скорость, пошел в наступление Кобзон, — ни тогда, ни позднее… В общем… Короче говоря, не сложилось… Не сложилось. Но, к сожалению… к огромному, не сложилось до такой степени, что по сей день мы никогда еще, так сказать, не поздоровались друг с другом, хотя и прожили три года с 67-го по 70-й… Может быть, если бы у нас появился общий ребенок, это изменило бы наши взаимоотношения, но… у нее была очаровательная дочь Мария, с которой у меня сразу сложились добрые отношения…" Тут секретарша Кобзона прервала эти горячие воспоминания каким-то срочным сообщением, и я так бы и не узнал, что было дальше, если бы при следующей встрече мы не заговорили про автомобили. "Какой автомобиль был у вас первым?" — поинтересовался я. "Старый американский "бьюик", который я купил, пижонства ради, в 1970-м году, когда мы расстались с Людмилой Марковной. Мне хотелось показать ей свою независимость. И я купил автомобиль, который ломался через каждые сто метров. Зато внешне был красивый. Длинная такая коробка. Вот на ней я и разъезжал, — усмехнувшись, подвел итог первым горьким воспоминаниям Кобзон. — А вообще, не люблю я автомобили и не люблю сидеть за рулем. Просто была тогда такая необходимость… После Людмилы был какой-то тяжелый год… Не то… что поисков и раздумий, но какая-то депрессия была. Да. Тяжело мы с ней расставались…" "А инициатива от кого исходила?" — спросил я. "Ну, я думаю, что она… Впрочем, взаимная была инициатива. И потом много еще было проблем, связанных с тем, что в 67-м году мама, сестра и отец без предупреждения приехали жить в Москву. Я-то думал, что они хотят погостить, а оказалось, что они решили остаться в Москве навсегда. У нас в Днепропетровске было полдомика". (Кобзон незаметно перешел на другую тему, а мне как-то не по себе стало копаться у него в душе, и я решил, что дальше рассказ его пусть идет, как идет. Ведь в какой-то момент он уже успел сказать, что его третий актерский брак, брак с Нелей, в прямом смысле не оказался третьим браком, а стал наконец-то тем, что нужно: они поженились в 71-м, и вот уже 31 год вместе. У них дочь Наташа и сын Андрей, да еще четыре внучки (в 2004 году стало пять!). В семье полный достаток. А что еще нужно для нормальной жизни? Я не успеваю ответить себе на этот вопрос, как слышу неожиданное продолжение…)

Мама, ни с того, ни с сего приехав со всей семьей в Москву навсегда, не представляла, что это для меня может значить?! Она считала, что ее сын достиг таких высот и такого положения, когда у него не может быть особых проблем по жизни. Поэтому она и

приехала, ничего предварительно не сказав мне. Более того, они продали свои полдомика в Днепропетровске, собрали вещи, в том числе и множество любимых маминых пластинок, и приехали в Москву… Я возвращаюсь с гастролей, а у меня в доме — мама, папа и сестра. Я говорю: "О! Какая радость, батя. Молодцы, что приехали. Давно не виделись… Какой же я счастливый человек!" И тут мама моя загадочно так говорит: "Сынуля? (Я говорю: "Что?") Ты действительно счастливый человек?!" "Действительно, мамуля!" — спешу радоваться я. И тогда мама моя объявляет: "Мы приехали навсегда…" "Чево? Как навсегда?…" — у меня сводит челюсти. После такого моего удивления, они, увидев мое лицо, удивляются еще больше. Они не могли даже представить, что значит, в Москве получить прописку, да еще сразу для трех человек, когда я еле-еле получил ее для одного себя. Лишив сами себя прописки в Днепропетровске и, не имея прописки в Москве, они обрекали себя на подвешенное и во многом бесправное состояние.

…Потрясающая была история. Я просто сжался от создавшегося положения. "Господи, что же мне теперь с ними делать?" — говорил я себе. И что я только не вытворял, чтобы прописать их! Я разводил мать с отцом. Какие слезы были! Как я выдавал замуж сестру за своего конферансье! Их же нужно было всех легализовать в столице. Казалось, это невозможно. Но я все это сделал. Когда женился на Неле, мы с ней переехали на Переяславку в трехкомнатную квартиру, а двухкомнатную на Проспекте Мира оставили сестре и маме. Позже там же я купил маме однокомнатную квартиру… (После этих слов я почему-то взглянул на руки Кобзона и… вдруг увидел, что они совершенно не соответствуют его почти 65 годам: тонкие, абсолютно интеллигентные, изящные музыкальные руки 30-летнего человека… Тут я не выдержал и говорю: "А у вас руки не боксера вроде бы… Да?" "Нет… Нормальные руки…" — неожиданно, а может, мне это показалось, смутился Кобзон.

"Да-а-а, такие руки у боксеров не бывают", — заключил я и, спохватившись, что перебил, стал извиняться и просить рассказывать дальше. Кобзон, выдержав мое "лирическое отступление", продолжал…)

Приехала мама. Приехал отчим. Приехала сестра. И наступили для меня каторжные дни, потому что я любил их, но понимал, что я не знаю, что делать. К счастью, нашлись находчивые друзья и говорят, что надо разводить маму с папой и мать, как одинокую, прописать к себе, а из Днепропетровска, из нотариата, сделать справку, что там у нее никого нет, и по старости лет она нуждается в опеке. Хотя оставались еще родной

брат и два двоюродных брата. Ну, в общем, родня там была. А маме было всего 60 лет. Ну и… я начал действовать. А отец, отчим, все никак не мог понять, почему я хочу их развести. Он думал, что на старости лет я хочу от него избавиться. "До чего я дожил?" — плакал он. Это была для него настоящая трагедия, хотя я убеждал его: "Батя, ну ты что? С ума сошел… так думать? Все это формально". "Как формально?" — не верил он. "Да так, что без этого не пропишут вас в Москве. И все. Что вы тогда делать будете?" — не унимался я. А он спрашивал: "Как не пропишут? Ты ведь наш сын?" Долго я убеждал его: "Не волнуйся ты! Ты, как живешь здесь, так и будешь жить всегда…" Были совершенно жуткие сцены. Но… мне все-таки удалось развести мать с отцом и привезти из Днепропетровска справку, добытую, конечно, левым путем, о том, что мама у меня одинокая. Так маму я прописал к себе. А в Пушкино, в Московской области, где у меня живет старший брат, мы прописали батю. Однако… то ли все это на него плохо подействовало, то ли силы были уже не те, но через 3 года, в 1970 году, его не стало, хотя мы все его так любили… Любили, как самого родного человека…

Чтобы прописать сестру, ее пришлось выдать замуж за моего конферансье Гарри Гриневича. Дело в том, что он как раз нуждался в отдельной квартире, но купить ее на одного тогда было нельзя. И поэтому и ему понадобился фиктивный брак, какой они и заключили с моей сестрой. А я ему купил за это квартиру. Сестру прописали у него, хотя все продолжали жить, как и жили, у меня в двухкомнатной. Вот так мы и стали опять жить вместе. Жить-поживать и добра наживать. А вскоре, как уже сказал, я женился опять. Женился на Неле. И мы с ней в первый, в самый медовый, месяц нашей брачной жизни съехали оттуда и прожили его с помощью академика и моего друга Палеева Николая Романовича в клинике МОНИКИ… в больничной палате, которую он нам выделил. И жили так, пока я лихорадочно искал кооперативную квартиру. И снова началась обычная жизнь: я гастролировал 8–9 месяцев в году, а когда возвращался, вновь был до предела загружен записями и съемками. И на гастролях я выкладывался по полной. Я, можно сказать, родоначальник этого зверства, когда артист давал 2–3, а то и 5–6 сольных концертов в сутки. Причем, всегда работал живым голосом. Тогда вообще не знали, что такое фонограмма.

Здесь стоит вспомнить, как и сколько тогда певцы зарабатывали себе на жизнь. Если сейчас каждый зарабатывает столько, за сколько договорится, то в советские годы об этом можно было только мечтать. А кто пытался устраивать договорные или так называемые "левые концерты", кончал обычно

плохо. Эта участь с плохими последствиями особенно грозила Магомаеву, Лещенко, Леонтьеву и Пугачевой. За ними был особый глаз. И если не они сами, то их директора основательно погорели, а администратор Муслима, кажется, и вообще получил срок за "левые дела" в Норильске. Сам же Муслим, как в свое время и я, был около года под запретом

Что толкало названных "звезд" на такие нарушения? Да, прежде всего то, что их заработки ни в какое сравнение не шли с доходами государства от их концертов. Скажем, Алла Пугачева собирала по рублю за место целые стадионы, а получала за концерт всего 62 рубля 50 копеек. Ну как тут не задумаешься о дополнительных доходах?

У меня необходимости в "левых концертах" не было, так как я, во-первых, получал за концерт 202 рубля 50 копеек (у меня была самая большая ставка в СССР), а во-вторых, как я уже говорил, я очень много работал, редко ограничиваясь одним концертом в день. Поэтому я и был одним из самых богатых людей в стране. Кроме меня еще несколько десятков артистов, в том числе и человек, пять из Большого театра, имели такие большие гонорары.

КТО И КАК НАСТУПАЛ НА ГОРЛО МОИМ ПЕСНЯМ

Прошла весна. Кончилось лето. За это время мы встречались и говорили по телефону много раз. Но все как-то больше на общественные темы. А тут на Дне города вдруг вновь заговорили о его артистической судьбе.

- Послушайте, — сказал я, — Иосиф Давыдович, а что это была за история с отлучением Вас от телевидения?

- Неужели это еще кого-то интересует? — искренне удивился Кобзон.

- Еще как интересует, — подтвердил я. — Даже слухи ходят, что в свое время на горло Вашим песням наступил никто иной, как сам Лапин — чуть ли не самый одиозный глава Гостелерадио Советского Союза…

- Это не соответствует действительности, потому что с Лапиным мы были в хороших отношениях до конца. И, насколько я знаю, он ни разу не сделал ничего такого, за что бы я мог на него обижаться. А вот то, что в советские годы меня отлучали от радио и телевидения — это правда. И, причем, отлучали дважды.

Первый раз это случилось в 64-м году. Мне было 27. Я увлекся известной тогда певицей и красавицей Вероникой Кругловой. И она, как Вы уже знаете, ответила мне взаимностью. Но между нами встал один журналист из "Советской России". (Имени я его не помню.) Вероника ему отказала. Однако, видимо, он решил, что третий лишний все-таки не он, а я. И чтобы я это понял, а заодно, чтобы убедилась в этом и Вероника, мой соперник насобирал таких подробностей о моей личной жизни, что не отмахнуться от меня могла только такая же пьющая и гулящая особа, как я сам. И все это он опубликовал в "Советской России" под заголовком "Лавры чохом". Мало того, там же задался вопросом: "Как такой аморальный тип мог получить высокое звание Заслуженного артиста Чечено-Ингушской АССР?" А мне как раз присвоили это звание…

Таким образом, меня сделали самым выдающимся молодым советским алкоголиком тех лет, который только и знает, что поет да пьет, да по бабам шляется "и у нас во дворе", "и опять во дворе", и у всех во дворе… Короче, выходило, что надо сделать все, чтобы ни одну порядочную советскую девушку не смог обмануть этот ненасытный и коварный пьяница, и сердцеед Кобзон. А для этого надо запретить ему выступать в Москве и Ленинграде, ну и, конечно, по радио и телевидению. Так меня

отлучили от ТВ в первый раз…

Ну что я могу на это сказать? В те годы я действительно выпивал и действительно трепетно относился к девушкам. Но что-то я не помню, чтобы позволял себе лишнее настолько, чтобы можно было сказать: Кобзон — отвратительный алкоголик и гадкий бабник, беспринципно отравляющий и разрушающий женские сердца. Это — неправда. Да вы и сами могли убедиться в этом, поскольку бываете на тех же приемах, что и я. И, разумеется, не можете не видеть, кто и как себя ведет. Ну и что? Было за мною такое? Да если бы я так пил и гулял, я бы по несколько концертов в день да еще на протяжении почти всей творческой жизни не выдержал. Я бы сдох уже через пять лет, как это происходит с теми знаменитостями, которые позволяют себе лишнее. Пьяное сердце постоянных гастрольных перелетов не вынесет, не говоря уже о сольных концертах, на которых, если хочешь оставаться востребованным, должен всегда работать в живую и на полную силу… и сбрасывать за концерт, быть может, столько, сколько старательный футболист за матч. Поэтому, по моим наблюдениям, живущие в загулах артисты долго не протягивают. Их просто физически сама жизнь вычеркивает из жизни. Какие еще к черту могут быть сплошные бабы? А этот, так сказать, журналист, тем не менее, смог организовать на меня поклеп на весь Союз. И я целый год, пока разбирались, не имел права выступать, как прежде.

В те годы, если газета припечатала, это было хуже приговора, потому что приговор дается на какой-то срок, а выступление газеты могло действовать, пока не отменят, хоть до конца жизни, что с некоторыми и бывало. Это сейчас газеты могут писать что угодно. И чаще всего — никаких оргвыводов. А тогда… Тогда, если бы не группа выдающихся композиторов во главе с Вано Мурадели, я уж, может быть, и не поднялся бы.

Вано Мурадели пошел к главному редактору "Советской России" и стал доказывать, что целый ряд знаменитых людей, которые хорошо знают Кобзона, возмущены написанным, потому что оно совершенно не соответствует действительности. На что главный редактор ответил: "Наверное, вы правы. Но мы — правда!" Это на языке тогдашних газетчиков означало, что наши газеты просто по определению не могут писать неправду!

Вот таким было мое первое отлучение от ТВ. (Кстати, на это время меня заменили срочно выписанным из Ленинграда Эдуардом Хилем.) А второе случилось 20 лет спустя. И Лапин здесь снова не причем. Тайна второго отлучения от ТВ в другом. Хотите, расскажу все, как было? Тогда слушайте. Все началось с моего сольного концерта в Израиле в 1983 году…

(Стоит потрясающая теплая и нежная последняя летняя ночь 2002 года. Хочется пить. Я прошу 3-й стакан воды, а Кобзон — 3-й бокал пива. Сегодня с небольшими перерывами мы разговариваем уже 5-й час. И, кажется, переговорили уже обо всем. И вдруг новое откровение… Но прежде, чем оно случается, происходит следующее. Неожиданно появляется Лужков. Мы встаем из-за стола и приветствуем мэра. Юрий Михайлович сегодня в ударе. Веселый. Много, просто, но очень душевно шутит. Он заметно рад, что День города удался. Все центральные улицы столицы переполнены гуляющими. Больше всего народу у бесплатных концертных площадок. Лужков и сам подключался к этому театрализованному действу и ко всеобщему ликованию спел с Кобзоном на украинском языке для гостей из Крыма свою "премьеру" песни "Ридна маты моя…". Спел, а позже, уже сидя с нами, пошутил: "Хорошо, Иосиф, что ты во время пения не танцуешь, а то бы у меня точно духу не хватило допеть". Все хохочут. А вездесущий московский мэр спешит встречать гостей. Вскоре приезжает Путин. Праздник в Лужниках в разгаре. Лужков ведет Путина к своему столу. Все опять встают. На этот раз — чтобы приветствовать президента. Путин какой-то стеснительный. Он никак не может привыкнуть к такому большому вниманию? Или, как профессиональный разведчик, понимает, что при обычном общении такая стеснительность только подкупает окружающих? Праздник Путину явно нравится. Божественные наездницы и божественные лошади как бы спорят между собой своею красотой…

Наш стол в трех метрах от путинского. Мы хорошо видим, как конный спорт захватывает президента. Он радуется, как мальчишка. Однако через какое-то время Лужков показывает на часы, и они с Путиным уходят, а мы с Кобзоном возвращаемся к нашему разговору. И я становлюсь "свидетелем" ошеломляющих подробностей второго отлучения Кобзона от телевидения.)

Мои первые сольные гастроли в Израиле в 1983-м были встречены антисоветскими демонстрациями. Но что удивительно: свободных мест не было! Одни протестовали, а другие радовались от души. И это означало успех.

Когда я вернулся в Москву, мне предложили выступить в Колонном зале Дома Союзов на торжественном вечере Союза советских обществ дружбы. Я уже спел, кажется, несколько песен, когда увидел в зале Иорама Гужанского, генерального секретаря "Движения Израиль — СССР". И тогда я объявил в качестве подарка и запел еврейскую народную песню "Хава-наги-ла". И тут произошло непредвиденное: 16 арабских делегаций встали и покинули зал. Это был скандал…

Меня вызвали в горком, потом — в ЦК. Объявили, что я проявил политическую недальновидность и… в конце концов, исключили из партии.

Я пытался доказывать, что пел для евреев, которые не являются врагами арабов, хотя бы уже потому, что вместе с арабами приглашены на этот торжественный вечер дружбы всех народов. Пытался напомнить и о том, что по партийному заданию ЦК ездил с гастролями в Израиль петь для еврейских друзей Советского Союза по приглашению товарища Вильнера, генерального секретаря ЦК израильских коммунистов. Но… меня никто не хотел слушать. Вновь было дано указание отлучить меня от телевидения и признать нецелесообразными мои выступления в Москве и Ленинграде. Лапину ничего не оставалось, как выполнить это чрезмерно строгое указание. Он был в этом деле только стрелочником. За что же я должен на него обижаться?

Прошел год, прежде чем в 1984-м не без поддержки самого Густова Ивана Степановича (заместителя председателя комитета партийного контроля при ЦК КПСС) мне заменили исключение из партии строгим выговором и опять вернули в эфир мой голос. После этого никто серьезно на горло моим песням не наступал.

НОТКИ ЮНОСТИ

- Как самостоятельный человек, — а без этого нельзя стать личностью, — я начал формироваться к концу моего обучения в Горном техникуме города Днепропетровска. В техникум я поступил в 14 лет и уже к 17-ти годам был достаточно взрослым юношей, потому что условий для баловства у меня не было. Учился, серьезно занимался спортом, а вечерами (в отсутствие увеселительных заведений в сегодняшнем понимании) мы ходили по проспекту Маркса. Бездумно ходили от Карла Либкнехта до Садовой. Это был у нас такой променад. Ну, с девушками, конечно, ходили. Держась за ручки. Тогда другие были взаимоотношения. Мы дружили. Мы не говорили: "Я с ней сплю". Или: "Это — моя". Мы говорили: "Мы дружим". "Дружим" — это обозначало, что мы вместе ходим в кино, вместе гуляем по бульварам. А на бульварах… Как сейчас помню, как мы, мой сокурсник Жора Чебаненко (он на гитаре хорошо играл) и мой друг Володя Магилат, ходили на бульвар. Пели. Нас уже знали. Собиралась молодежь. Мы рассаживались на лавочках и пели любимые песни…

- А сами играли на гитаре? — интересуюсь я.

- Нет. И жалею очень… — отвечает Кобзон.

- Жалеете? — переспрашиваю я.

- Да, — говорит Кобзон.

- А почему не научились? — спрашиваю я.

- А черт его знает. Вот так вот трудно ответить — почему?! Я всю жизнь мечтал научиться играть на гитаре и выучить английский язык. И ни то, ни другое не осуществил, — задумчиво и грустно произносит Кобзон, и я, словно наяву, вижу картину его юности, щемящую душу картину…

- А когда вы пели на бульваре, много собиралось народу?

- Ну, конечно, — протяжно подтверждает Кобзон. — Была целая компания. Меня уже знали, потому что я пел в хоре студентов в Москве.

- А что вы пели? Не можете напеть? — прошу я.

- Могу, — говорит Кобзон и, не ломаясь, начинает просто и задушевно напевать: "Как часто, милый друг, с тобою на берегу Днепра седого мы любовались красотою Днепропетровска нам родного. И как приятно нам светили лучи надежды и любви и в первый раз его любили, любили вместе, я и ты. Любили мы его бульвары, сады, цветы и тротуары, и ряд скамеечек кленовых, что предназначен для влюбленных. И Карла Маркса, и Садовая, и та скамеечка кленовая… Тебя, как девушку, любили мы, ты наш

родной Днепропетровск…" Вот такие песни мы пели. Слова-то, какие жгучие. Очень красивый город. Днепр там красивый, а парки Шевченко, Чкалова… — сдерживая дыхание, спешит договорить все, что чувствует, Кобзон.

И тут ни с того, ни с сего из меня вырываются слова: "А блатные песни пели?"

- Блатные? Я не помню таких блатных песен, которые бы я пел, — с каменным лицом смотрит на меня Кобзон, дескать, такую сказку испортил. — Нет, я был приверженцем других песен, песен военного и послевоенного времени. Тогда это был пласт самых честных и человеческих песен. И я их много знал и много пел.

- Ну а что вы еще пели? — допытываюсь я.

- А еще была такая жгу-ча-я-я-я песня, — с южным каким-то темпераментом процеживает конечные звуки Кобзон и… поет: "Есть в Индийском океане остров. Название его Мадагаскар. Негр Томми саженого роста на клочке той суши проживал. В лодку с рыбаками он садился, когда закат на небе догорал. И диск солнца в океан клонился. Под гитару тихо напевал: "Ма-да-гас-кар, страна моя. Здесь, как и всюду, живут друзья. Мы тоже люди, мы тоже любим, хоть кожа черная, но кровь у нас светла…" Вот что мы пели. А сейчас — что поют? "Убили негра…"

Интересная у нас жизнь была. Любили кино в летних кинотеатрах. Трепетали далее от одного взгляда, а не хватали девушек сразу в койку. Теперь люди, особенно молодые, очень много теряют от того, что делают это сразу. Многие сейчас даже не представляют, что такое дрожь при первом поцелуе. А с чем сравнимо ожидание близости, они вообще не знают. Жаль их, обворованных и ограбленных так называемой сексуальной революцией. Вместо человеческих чувств подсунули им животные ощущения.

…Потом с июня 1956-го была армия. Она еще быстрее помогла росту моей самостоятельности. Скажем, старшина. Вот кто повлиял на мой воспитательный процесс. Я (после техникума) был уважаемой среди пацанов личностью. Еще бы: чемпион по боксу, отличник, знал уже горячие аплодисменты за исполнение песен… И ростом, и телосложением вышел так, что на меня поглядывали многие девушки… И вдруг — старшина, земляк из Донбасса. Фамилия его была Лысько. Небольшого такого росточка — метр пятьдесят с чем-то. И вот он над нами: "А-а-а… Обра-зо-ван-ные прый-ихалы. (А мы все после техникума.) Ну, шо? Побачим, чим можно способствовать вашему образованию". И начал нас ломать. Я переживал… жутко! Однако потом был ему благодарен, потому что научил он меня внутренней дисциплине,

коллективизму, выдержке, терпению. Армия, конечно, великое дело. И хотя старшина был для меня самым тяжелым человеком, со временем я понял, что значил он как наставник…

Я никогда не чувствовал себя особенным. У меня никогда не было ощущения, что я буду известным человеком. И, слава Богу. Это только мешало бы моему развитию. Вместе с тем я всегда хотел быть первым, понимая, что единственный для меня путь к лидерству — это научиться делать то или иное дело заметно лучше других. И поэтому можно представить, как мне безумно понравилось, когда я вдруг услышал по радио свою фамилию. Я был буквально потрясен этим. Но еще больше меня потрясло, когда я прочитал свое имя на афише. Мне было 23 года.

Есть люди, которые считают: "А! Кобзон ищет приключений. Хочет, чтобы думали, что без него ничего не обходится. Хочет покрасоваться". Нет. Дело в другом. Я стремлюсь в экстремальные ситуации, прежде всего потому, чтобы узнать: а как могут вести себя люди, когда они попадают в особо сложное положение, потому что в обычной жизни такими людей не увидишь. А здесь они показывают все, на что они способны, показывают, какие они на самом деле, какие они в действительности.

- Да вы же чистейшей воды экзистенциалист! — не выдержал я. — До сих пор мне приходилось лишь читать о существовании такой философии у Сартра и Хайдеггера Мне казалось, что это что-то выдуманное, что такого в жизни нет и быть не может. И вот вы — живой пример этой философии XX века Вы в натуральном виде представляете собою идею о том, что настоящая жизнь проявляется только в экстремальных ситуациях. Я много слышал об этой философии, но, пожалуй, впервые встречаю человека, который показал ее на примере собственной жизни. Это, оказывается, существует не только на словах.

- Не знаю, то это или не то, о чем вы говорите, но я столько раз убеждался, что смотришь, бывало, на кого-то в нормальной обстановке и видишь: обычный, я бы сказал, даже серый человек. И вдруг что-то происходит, и он так раскрывается, и становится таким необыкновенным, что дух захватывает от его особенности. Или наоборот… И не хочется после этого, чтобы он тебе даже на глаза попадался. Вот, скажем, депутат Немцов, когда ему ничего не грозит — яркий и находчивый человек, а случись чего, как это было, когда понадобилось идти на переговоры с боевиками, захватившими зрителей "Норд-Оста", и он скис, не пошел, пропустил впереди себя, как настоящий джентльмен, женщину-депутата Ирину Хакамаду, а сам назад-назад и затерялся где-то между машинами. А потом еще оправдывался, дескать, он срочно понадобился в Кремле.

Между тем люди, противоположные депутату Немцову, не редкость. Поговорите откровенно с воинами-афганцами. И они признаются вам, что хотели бы вернуться в Афганистан военных лет, потому что там все было настоящее: и люди, и жизнь, и дружба, и смерть… И я их понимаю.

Они не считают себя героями. Просто именно в этом для них смысл жизни.

Армейские привычки пригодились мне на всю жизнь. Они помогают мне по утрам вставать, организованно собираться и постоянно заниматься делом. Благодаря ним я успеваю восстанавливать силы за 5–7 часов и работать по 16 часов в сутки. Я привык вставать, потому что надо. Звенит будильник. Я, конечно, не вскакиваю, как солдат, но и не задерживаюсь в постели, как лежебока. У меня в туалетной комнате всегда стоит кассетный магнитофон и телевизор. Я включаю либо телевизор, чтобы узнать новости, либо магнитофон, чтобы прослушать предлагаемые мне песни. И начинаю себя постепенно реанимировать. В течение дня в сон меня не клонит. Да и может ли клонить, когда чуть заканчиваю одно дело, как тут же приходится браться за другое. Когда наступает время сна, засыпаю не сразу. У меня есть любимая телепередача "Анимал-планета". И я еще час, а то и полтора успеваю что-то посмотреть из жизни животных или ночной футбол. Что касается еды, то завтрак, обед и ужин у меня все сразу. Завтракаю очень плотно и обязательно с первым горячим блюдом. Это может быть борщ или суп, или еще что-то такое. И на целый день. И так сутки за сутками. Желудок и сердце такой мой порядок пока устраивает. Бывают, — не знаю уж из-за чего, — тяжелые состояния по утрам, однако и они быстро проходят, потому что частые выходы на сцену особо расслабляться не дают.

Услышав эти слова, я решил понаблюдать за его выходами на сцену. И вот что увидел. Кобзон каждый раз выходит на сцену, как солдат, как рядовой сцены, а уходит с нее — как генералиссимус.

РАЗГОВОРЫ НА КОЛЕСАХ

- Поскольку много самых невероятных слухов о моих взглядах на окружающий мир, я считаю, что будет лучше, если я расскажу о них сам. Вот моя философия жизни…

Мы едем в машине Кобзона на очередную его встречу. Я приглашен, чтобы своими глазами увидеть, как это обычно происходит. Едем довольно долго, и поэтому есть время поговорить о жизни. Я вспоминаю его сегодняшние дела и задаю вопрос:

- У кого еще такой расписанный день, как у вас?

- Из артистов? Ни у кого!

- Даже среди политиков, которых знаю лично, я не наблюдал такой занятости, — говорю ему я.

- А может быть, они очень умные люди, — предполагает Кобзон, — и умеют организовывать свою жизнь таким образом, чтобы не перенапрягаться? Я этому всегда удивляюсь. Особенно удивляюсь, когда звоню какому-нибудь начальнику, и мне говорят: "А Иван Иванович на обеде… но скоро будет!" Звоню в назначенное время и слышу: "Иван Иванович отдыхает после обеда, но вот-вот должен быть…" И вот я думаю: "Ну… твою мать! Надо же — люди обедают, а потом еще и отдыхают… после обеда".

У меня так не получается, а вместе со мной не получается и у моих помощников: у Сергея, Паши и Родиона. Вот так они "пашут" со мной каждый день и каждую ночь уже не один год. Точнее, они живут в таком идиотском режиме по сменам: двое суток работают и двое суток уходит на то, чтобы восстановиться. Я же — как бессменный часовой на своем посту: репетиции, концерты, деловые поездки, депутатские вопросы, общественная работа, семейные заботы, проблемы друзей… Такая вот у меня жизнь. Но другой я ее просто не представляю. Усталость чувствую, только когда прихожу домой. Спать ложусь чаще всего за полночь. Однако в восемь обычно уже на ногах.

- Да-а-а. Мои наблюдения подтверждают ваши слова. И все-таки я не перестаю удивляться, как вам в вашем возрасте удается так напряженно жить и работать. Меня, например, аж завидки берут. Я, кажется, не встречал ничего подобного, хотя знаю лично людей, как говорится (извините, конечно), и по известней вас…

- Кто это по известней "нас"? Не нравится мне это… "по известней вас"… (В голосе Кобзона появляется нотка недовольства и готовность идти в атаку.)

- Сейчас скажу, — не отступаю я. — Вы не обижайтесь!

- Я не обижаюсь. Просто интересно: кто это "по известней нас"?

- Я, я, я… имею в виду не артистов, а политиков, — едва сдерживаю я сбивчивыми словами натиск Кобзона

- Среди политиков… Политики… Причем тут политики? — тоже сперва сбивчиво, а потом все увереннее начинает разряжаться Кобзон. — Какие сейчас политики? Эти политики почти все педерасты… Вот далее Борис Николаевич ходит сегодня, и никто, извините меня, не обращает на него внимание. Конечно, любопытно посмотреть: все-таки столько лет правил такой державой и имел ее, как хотел… То же самое и Горбачев: весь мир всколыхнул, полпланеты поставил на колени… И тоже ходит теперь совершенно спокойно: ходит по концертам, по всяким там презентациям, пьет вино, толкается в толпе вместе со всеми, а окружающие… его словно не узнают! Так что это все проходящие… личности.

- Но ведь есть и такие люди, которые, как Лужков, например, навсегда останутся в истории.

- Кроме Ленина и Сталина в нашей стране никого нет, чтобы навсегда остались. (Я говорю о тех, кто был после царя Николая.) Только эти два человека. А больше никто. Единственный кто еще может остаться, как вы правильно сказали, это Лужков! Дай ему Бог здоровья… И то, если ему удастся уйти не затоптанным в грязь и в полном здравии после тех укусов, которые, как от бешеных собак, постоянно сыпятся на него и справа, и слева. Еще и памятник ему воздвигнут. Впрочем, он уже его сам себе воздвиг своими делами: Москва стала неузнаваемой. Сразу столько красоты за 850 лет никогда в ней не строилось! Я горжусь, что Лужков мой друг. А вообще… у меня три друга: Руслан Аушев, Борис Громов и Юрий Лужков. Есть, конечно, и другие друзья, но это — самые близкие.

…Кстати, есть анекдот по поводу нашего разговора… Внучка спрашивает бабушку: "Бабушка, а дедушка Ленин хороший был?" Бабушка говорит: "Нет, внученька, он был плохой!" "А дедушка Сталин?" "Он тоже был очень… очень плохой!" "Ну а Хрущев, бабушка, хороший был?" "И Хрущев был плохой!" "А Брежнев?" "И Брежнев плохой". "А Горбачев — тоже плохой?" "Тоже плохой, внученька, он всю державу развалил". "А Ельцин?" "И Ельцин был плохой, пьяница был". "Ну а Путин, бабушка, какой?" "Путин? Вот когда умрет — тогда и узнаем какой…"

…Смотрите! Без единого выстрела развалена великая супердержава. Кто это сделал? Это сделал Михал Сергеич. Почему? Как собрать механизм, он догадался. Но когда этот механизм стали разрушать, он ничего не смог противопоставить

разрушительным силам. И все равно остался в памяти многих, как яркая политическая личность. Так и будет проходить по истории эта его линия. По дороге в будущее забудут всех промежуточных деятелей, забудут Маленковых и Андроповых, забудут Хрущевых, Брежневых, Горбачевых и Ельциных. Но не забудут Ленина и Сталина. Наоборот, будут вспоминать их все чаще и чаще. Больше того: уже вспоминают! В чем дело? К огромному сожалению, но(!) народ в общей массе своей стал жить несравнимо хуже, чем жил благодаря планам Ленина и Сталина. Более того, не стало патриотизма, на котором стоит Америка. Не стало дисциплины, на которой держится Германия… Зато столько обездоленных, столько безнадежных беженцев, столько наглых массовых заказных убийств, что они… ни в какое сравнение не идут даже с репрессиями 30-40-х годов. Народ уже даже не стонет от бесправия. От ужаса и от незнания, что делать — он просто безмолвствует. Он вынужден — бездействовать! И пока нет тех сил, которые бы вдохновили его — действовать.

И вот это отсутствие уверенности в себе и в своем завтрашнем дне потянуло почти поголовно к сильной личности. Ведь в представлении народа сильная личность — это не просто пресловутая сильная рука, а такая сильная рука, которая направляется колоссальным государственным умом, который не на словах, а на деле знает, как ощутимо и быстро улучшить жизнь большинства и восстановить соблюдение правил безопасности для всех! На каждой улице и в каждом доме. Люди же истосковались по спокойной жизни. И не только у нас, но и в Европе… и даже в Америке. И поэтому даже там, даже на Бродвее сегодня обращают взоры к личностям Ленина и Сталина, которые знали, как сделать так, чтобы все народы дружили.

Не случайно все чаще слышатся разговоры: "Путин? — да! КГБ? — да! Ну и что? Очень хорошо! Наконец-то, может, хоть порядок наведет…" То же самое и на Западе. Все эти террористические акты, которые современные правительства даже самых цивилизованных стран предотвратить оказались неспособными, как цепная реакция распространяются по всей планете и уже, кажется, нигде от них невозможно найти спасение. У людей (и не только у простых людей) остается одна надежда: надежда на пути, которые знали Ленин и Сталин. Даже в среде движения антиглобалистов эти имена звучат с все большим уважением. А ведь движение антиглобалистов явно не советского происхождения. Но успешный опыт Ленина и Сталина, и особенно Сталина, порождает всемирный обмен опытом в деле наведения порядка, но не фашистского, не гитлеровского, а такого, чтобы свобода каждого не мешала жить свободно другим,

чтобы благополучие отдельных наций не строилось за счет остальных народов!

…То, что произошло 11 сентября 2001 года в Америке и могло произойти в Германии, готовилось не в Афганистане, а в Европе. Европа и Америка собирают в себя весь негатив современного человечества. Ну как иначе можно оценивать то, что происходит сейчас в Голландии, где чуть ли не официально продаются наркотики: подходи — покупай, кури — колись — делай, что хочешь… И никто тебе слова не скажет. Никто тебя не удержит от этой беды, поскольку здесь никому не позволено вмешиваться в свободу, в свободный выбор другого. А то, что эта свобода, доходя до абсурда, нарушает и разрушает на каждом шагу свободы других — в расчет не берется. В поиске за свободами для меньшинства здесь перечеркивается свобода для большинства. Это извращение, а не свобода. Свобода не может быть настоящей, если она не для всех! Это понимали Ленин и Сталин. Поэтому и возрождается интерес к ним именно теперь и именно там, где понятие свободы доведено до абсурда. Так что мне понятен живой интерес многих молодых людей Запада к Ленину и Сталину. А вот откуда у нас среди воинствующей молодежи такой интерес к Гитлеру, как вы думаете?

- Ума не приложу. Без наблюдений и исследований боюсь зря рот открывать… А вы это чем объясняете?

- Гитлер — это сволочь, которая должна была уничтожить всю Россию. И вдруг… ни с того, ни сего к нему обращается недовольная теперешней жизнью молодежь, как к символу. Возможно, в этом есть и антисемитская генетика, но главное, по-моему, в том, что, как Гитлер говорил: "Все для немцев!", — так и они говорят: "Все для русских!" Им надоели оккупировавшие все самые доходные места, и прежде всего рынки, лица кавказской национальности, которые, как им кажется, ничего не делая, наживаются на рэкете и на перепродажах того, что произвели своим тяжелым трудом люди со славянской внешностью. Им надоели чеченцы и их бандформирования, которые держат в узде всю Москву. Им надоели таджики, азербайджанцы, которые, задирая непомерные цены, незаслуженно сдирают с коренных жителей последние копейки. Жидов они вообще всю жизнь ненавидели, ну и т. д. Поэтому Гитлер со своим призывом "Все для коренной нации!" и стал для них символом

- А почему не Сталин? — спрашиваю я.

И Кобзон коротко, но исчерпывающе отвечает:

- Сталин не боролся против других наций. Сталин был интернационалист!

У меня и прежде было, а тем более сейчас, о советском

времени самое хорошее впечатление по одной простой причине… Не лилась кровь на моей земле. Пели душевные песни. Были настоящими патриотами своей страны. Несмотря на многие ошибки и заблуждения, в стране были благородная идеология и настоящая интернациональная идея. Мы, все народы СССР, дружили и дружили искренне. 15 республик Союза жили, как одно целое, и переживали все и радовались всему все вместе. И никаких серьезных конфликтов не было ни на Северном Кавказе, ни в Средней Азии, ни в Прибалтике. Все, независимо от национальности, жили нормальной жизнью. И все имели возможность учиться, лечиться, работать и отдыхать. Все имели возможность заводить семью и детей. Всем было гарантировано нормальное жилье. Пусть не быстро, но всем! А сейчас — на каждом углу жуткая нищета, страшное бесправие, да и сам образ жизни не идет ни в какое сравнение с тем, полным сбывающихся надежд, временем. И не беда, что не все надежды тогда сбывались так скоро, как хотелось бы. Много, конечно, было и очень плохого, но хорошего было гораздо больше… во всяком случае, гораздо больше, чем сейчас. За что же мне не любить советское время?

- А вас никогда не тянуло уехать навсегда на историческую родину в Израиль или в Америку?

- Нет. Может, потому что и в советские годы я имел возможность много ездить по всему свету. Бывая за границей, я четко уяснил себе, что артист моего эстрадного жанра нужен за рубежом только за тем, чтобы показать лучшие образцы своей национальной музыкальной культуры. К сожалению, многие наши певцы и певицы чаще всего ведут себя за кордоном, как обезьяны и обезьянки, решив: приеду в Америку и выдам там такой "спиричуэл-с", чтобы все сразу были от меня в экстазе. Наивные. Там это делает любой ребенок на улице, да так, что нашим и не снилось. (Здесь, слушая Кобзона, я вдруг отчетливо вспомнил детсадовские потуги знакомой по дачным посиделкам "джазистки" Ларисы Долиной, потуги "выдавать джаз" в стиле легендарной Эллы Фитцжеральд. Жалею, что обладательнице яркого запоминающегося голоса готов сказать это только сейчас. После убийственных слов Кобзона стало стыдно, что смолчал на этот счет сразу… Не хотелось как-то ранить хозяйку редких голосовых связок! Между тем, сказав про обезьяничанье, Кобзон добавляет…) Петь российским певцам джаз в Америке все равно, что играть на скрипке при Паганини. Я это понял. Поэтому, приезжая в другую страну, пою наши народные песни. И это людям действительно нравится. Однако такие концерты за границей лишь эпизоды в моей творческой судьбе. Когда я

выступаю с концертами у нас в стране, я чувствую себя не музыкальной экзотикой на чужом поле, а по-настоящему востребованным нужным человеком, песни которого ждут, потому что живут ими.

Потому, отвечая на вопрос "Не хотели бы вы уехать?", я говорю: "Я бы уехал, если бы со мной перевезли мою публику. И хотя я люблю нашу природу, и особенно природу украинскую, природу моей детской родины, я бы с удовольствием уехал: знаете, невыносимо больше беспомощно смотреть, как бедствует народ, который любит и поет твои песни. Противно жить там, если говорить абстрактно, где народ, достойный лучшей жизни, живет недостойно. В связи с этим я нередко вспоминаю ужасно циничный, но в то же время и очень примечательный анекдот… Стоит у пивного ларька ветеран. Вся грудь в орденах и медалях… Стоит и пьет пиво. Подходит молодой и спрашивает: "Ну, чё, бать, пиво, небось, теплое?" "Да-а-а… не прохладное!" "Небось, и кислое?" "Да-а-а… и кислое!" "Вот. Не нужно было так воевать — щас бы "Баварское" пил". Такой обидный, но очень точный анекдот, если сравнить, как красиво живут побежденные немцы, и как жалко — наши победители.

Кстати, никто и нигде нас не ждет. Поэтому надо возрождать жизнь здесь и возрождать самим, как это удивительно быстро сделали после войны наши матери и отцы, не дожидаясь помощи со стороны. Нам, конечно, могут чуть-чуть помочь, но в основном все придется делать самим, хотя бы потому, что у других стран и своих забот хватает. Не надо надеяться на президента, не надо надеяться на губернатора, не надо надеяться на мэра. А надо рассчитывать, прежде всего, на себя. Недаром мудрые люди говорят: на Бога надейся, но и сам не плошай!

Да! Чтобы выйти из создавшегося положения, все делать надо самим, потому что мы сами породили эту порочную демократию. Мы сами обрадовались, что вместо того, чтобы лучше работать, причем, работать на себя, а не на дядю, можно хоть каждый день ходить на площадь и в микрофон ругать всех и вся, кому и как вздумается. Прежде всего, мы(!) виноваты во всех наших бедах. Мы сами позволили отравить себя эйфорией демократии. Наша демократия оказалась с двойным дном. Мы, не стыдясь безделья, потеряв голову, всерьез рассчитывали, что можно хорошо жить, не работая, а, только митингуя, потому что должны же найтись (согласно завлекательным речам доморощенных демократических апостолов) добрые западные дяди, которые все принесут нам на блюдечке с голубой каемочкой. Но… не сложилось. Обманулись! Хватит лить слезы. Чем быстрей возьмемся за дело, тем скорее выйдем из упадка, пришедшего на смену застою. Смогли же в 45-

м наши отцы и деды. Почему же не сможем мы?

И давайте не будем больше позволять одурачивать себя тем, кто под видом помощи России едет сюда, чтобы в который уже раз поживиться за наш счет. Особенно бдительно надо относиться к тем людям, в том числе и к евреям, которые вдруг вновь захотели иметь российское гражданство, одновременно сохраняя гражданство тех стран, куда они успели эмигрировать. Не верьте этим людям, заявляющим, что они решили вернуться из соображений ностальгии… Они не собираются возвращаться навсегда из своей Америки, из Израиля, из Канады, из Австралии, из Германии, из Франции и т. д. Они приезжают сюда на время. Зачем? Возвращаются они по одной простой причине. Ведь они не рвут с этими странами и с удовольствием продолжают иметь паспорта этих стран. Их очень устраивает двойное гражданство потому, что у них там нет возможности зарабатывать так, как здесь. Здесь процветающий бизнес. Здесь украсть легко, а там нельзя. Здесь можно налоги не платить, а там нельзя. То есть так они устраивают себе более вольготную жизнь. Сейчас это разрешено, а раньше… уехал и все. Нет возврата!

- Может, вы ошибаетесь? Может, все-таки главное это — ностальгия? Поэтому и тянет назад…

- Да нет. Нет — нет. Ничего никого не тянуло. Никогда! Штирлиц смотрел на карту и его рвало на Родину… Конечно, я не верю тому человеку, который, находясь, длительное время за рубежом, говорит, что у него нет ностальгии. Вранье! Не может такого быть. Спать ложится — и все снится. Снится родная улица. Друзья снятся. Но… с другой стороны, как только он подумает, что тут ему в любой момент могут дать, как жидовской морде, пинком под зад… Как только он подумает о том, что здесь могут убить в подъезде и… вспомнит прочие подобные прелести, сразу говорит себе: "Зачем мне эта страна?" Однако когда он там поживет (а жить там хочется хорошо, тем более что возможности там очень большие для людей, у которых есть деньги, но денег там он чаще всего заработать не может) тогда ему приходит в голову мысль, что надо бы съездить в Россию… Металл там подешевле куплю, а продам дорого здесь… Нефть куплю и продам Химические удобрения куплю и продам. Надо только подсуетиться: найти на Западе людей с деньгами и стать им посредниками для таких покупок и продаж. Или обменять все это на залежалый и пропавший товар, выдав его за новый. Короче, едут они сюда не от ностальгии по дому, а от ностальгии по деньгам, еще точнее: едут грабить нашу страну. (Кобзон не говорит "эта страна", а говорит "наша страна", "моя земля"…) А поимев, таким образом, сумасшедшие деньги, прекрасно

начинают чувствовать себя там. Там у них все замечательно. А по положению, если ты не проживал полгода в стране, скажем, в Израиле или в Америке, можешь уже там налоги не платить. Вот он и находится полгода здесь, грабит нашу страну, налоги здесь не платит и, возвращаясь, не платит их там, и… живет в итоге — припеваючи. Это главная подоплека всех этих ностальгических возвращений. Крайне редко чувство патриотизма возвращает сюда кого-либо. Это когда жизнь там не сложилась полностью! Таких называют "дважды еврей Советского Союза". Ну не прижились они там. Молодые моментально адаптируются, а старики — нет. Старикам нужна улица. Нужны соседи по коммуналке. Им нужно все, что было здесь, и чего не может быть там. И поэтому они возвращаются. Страдают. Живут здесь плохо. Их не обеспечивают. Но они все равно возвращаются. Это не те, что хотят у Родины утянуть. Эти готовы отдать последнее, только бы вернуться в бывший Союз…

Эти слова Кобзона о нашей демократии и о том, куда она нас завела, будут иметь продолжение, когда на торжественной встрече с генералами Всемирного Казачьего войска произойдет следующая сценка. Один генерал горько вздохнет: "Родина — по-прежнему наша, а вот государство — уже не наше". Эта фраза потрясет Кобзона настолько, что он вдруг скажет, как по сей день укоряет своего друга боевого генерала Бориса Громова за то, что тот, командуя дивизией имени Дзержинского, не ввел ее в Москву, чтобы прекратить весь этот лжедемократический шабаш у так называемого Российского Белого Дома в августе 91-го… "Пострадало бы несколько сотен, большая часть из которых — разные отщепенцы, — говорит Кобзон, — зато не было бы тех страдающих миллионов соотечественников, которые теперь, не зная, куда деть себя, днем и ночью, бесправные, бродят по улицам страны и городов мира…

Когда Зюганов подошел ко мне с предложением поддержать объявление импичмента Ельцину, я, не раздумывая, поставил подпись, потому что все, что они, Горбачев с Ельциным, сделали с нашей великой страной, всегда у меня перед глазами!!!"

Однажды я шесть часов подряд наблюдал, как Кобзон проводит свой день. Меня, медлительного, как почти все российские ученые и писатели, это наблюдение ошеломило… Кобзон, по его словам, проснулся примерно в полдевятого и до половины одиннадцатого мылся, брился, завтракал, готовил себя к выходу в люди. Параллельно (в эти два часа) прокручивал магнитофонные записи предлагаемых ему песен, отмечал, какие могут подойти, учил слова, принимал звонки (в том числе и мой), планировал встречи и т. д. В 11.00, как штык, ему надо было быть

у Вечного огня, чтобы чествовать героев Советского Союза, а потом петь им на приеме в "России". После этого запись в студии новой песни Александры Пахмутовой специально для города Комсомольск-на-Амуре. Затем, в 15.00, в Театре Эстрады репетиция нескольких песен с Александром Журбиным Примерно в 15.30 встреча со мной и работа "на колесах" в его машине над этой автобиографией, пока мы ехали в Крылатское в ресторан "Ермак", где Кобзона уже ждало командование Всемирного 33-миллионного Казачьего войска для посвящения в почетные казаки с присвоением звания казачьего генерала. Далее — большой праздничный обед в честь этого дела с вопросами, на которые Кобзону, как я убедился, пришлось отвечать далеко не в первый раз. Я наблюдал и думал: "Как ему не надоедает отвечать на них? Мне и то было тошно, когда спрашивали одно и то же". Однако для каждого из задававших вопросы людей это было волнительно, поскольку было это для них в первый раз. И Кобзон, очевидно, понимая это, терпеливо отвечал на все эти одни и те же вопросы. Мне вспомнился Евгений Евтушенко после вечера поэзии в Лужниках из середины 70-х. Броский, в шикарном черном лайковом плаще, продираясь через кучу поклонников, он вдруг заорал не своим голосом "Дайте наконец, пройти! Я жрать хочу, как собака…" Толпа оцепенела и… дико озираясь, расступилась.

Ничего подобного, во всяком случае, при мне, Кобзон не допускал. А наблюдал я его много раз, в том числе и тогда, когда мы еще не знались… Закончив фотографирование на память с атаманами, мы продолжили работу "на колесах". Где- то около 20.30 расстались. Ему еще надо было до концерта подучить слова и заскочить куда- то по личному делу. А впереди, около 22.00, был вечер музыки Журбина и торжественный ужин с массой деловых встреч…

И так каждый день. Тяжело быть Кобзоном, но, кажется, ему это нравится. Я бы такое долго не выдержал. На что жена мне сказала "Вот потому ты и не Кобзон…"

Я ТРЕБУЮ СУДА… НАД СОБОЙ, ЕСЛИ ВИНОВЕН!

Экскурсия над "Пекином"

Журналисты обычно интересуются "солеными" фактами… Не столько их интересует главное в человеке, сколько дающее волю такой фантазии, от какой мало никому не покажется. И вот я всегда возмущаюсь, когда печатают мои фотографии с людьми, так сказать, как бы сомнительной репутации. Я говорю: "Посмотрите! Сколько других фотографий, а выбрали именно эти… Не выбрали те, где я с Патриархом Всея Руси, с Папой Римским или с Гагариным, с поэтом Евгением Евтушенко, с актрисой Лайзой Минелли, с певцом Хулио Иглесиасом, с музыкантами Башметом или Спиваковым… Но выбрали те, где я рядом с кем-то, как бы порочащим меня…" Почему прессу интересуют именно эти фото? Неужели, чтобы вызвать интерес к своим изданиям и поднять тиражи, журналисты не в состоянии придумать ничего, кроме таких сомнительных поводов?

…А ведь я фотографируюсь в день по десятку раз. Любой прохожий подходит: "Иосиф Давыдыч, можно с вами сфотографироваться?" "Пожалуйста, — отвечаю я, — если пленки не жалко…" Я — артист! Где только не приходится петь! И везде возникает желание сфотографироваться с исполнителем понравившейся песни. Вы посмотрите на мой офис! Он весь в фотографиях с представителями чуть ли не всех профессий, которые встречаются на Земле. Вот вы — не журналист, вы — писатель, занимающийся исследованием судеб всемирно известных людей, вы- то покажите все, как есть, а не только то, что интересует большинство журналистов… Мой офис над рестораном "Пекин". Я не возражаю, если захотите осмотреть все, что в нем есть. Смотрите и задавайте вопросы. Я на все отвечу…

Кто-то, войдя сюда, подумает: мещанский какой-то офис — все стены в фотографиях. Причем, большей частью в фотографиях людей, с которыми меня уже давно ничего не связывает: ни дружба, ни какие-то отношения. Есть даже целая, так сказать, "покойницкая стена". С нее напоминают мне о себе ушедшие из жизни… друзья. Для чего я это делаю? Да просто… это моя биография — фотобиография. И каждый раз, когда я прихожу к себе в офис, я смотрю на них и вспоминаю наши встречи и особо запомнившиеся слова и взгляды…

Вот, в правом углу от входа, в моем кабинете: моя жена Неля, моя дочь Наталья и зять Юра (она замужем за австралийцем), мой сын Андрей и невестка Катя, мои внучки, моя мама, моя сестра. Здесь вся моя семья.

Вот еще совсем молодой Отари Квантришвили. Тогда все были моложе… Вот наш самый лучший дрессировщик зверей — Запашный. Это я вместе с ним в цирке. Рядом с его тиграми — и не боюсь, потому что со мной он.

("А что он вам тут написал? Прочесть можно?" — говорю я. "Да!" — отвечает Кобзон. Читаю: "Самому смелому певцу российской эстрады и цирка Иосифу Кобзону. Горжусь нашей дружбой. Я всегда и вовеки с тобой. До конца! Запашный".)

Это — художник Илья Глазунов. Дальше — Борис Моисеев… Боря после концерта в "России". На спуске к Москва-реке. Рядом фото Юрия Михайловича Лужкова. Аллегрова, Валера Леонтьев, Брегвадзе, Газманов. Правительство Москвы — на моем концерте. Урмас Отт — своеобразный телеведущий. Ну а это — Крутой… композитор. Исполнитель самых народных песен Юрий Богатиков. Следующий — писатель Жванецкий. Скульптор масштабов Церетели. Несравненный певец танца Махмуд Эсамбаев. Градский — одна из первых звезд русского рока. Звезда Большого театра — Соткилава. Ширвиндт, Державин и Пуговкин — веселое фото. Незаходящее солнце театра "Ленком" — Марк Захаров. Розенбаум. Лучшие концертмейстеры моей творческой биографии — Оганезов и Евсюков. А это (в уголке) Анзори Кикалишвили, заглянувший в "XXI век". Здесь я с Руцким и Игорем Николаевым. За пианино композитор Георгий Мовсесян и я — еще совсем молодые. Поем. Народный артист кино — Евгений Матвеев. Исполнительница главной роли в фильме "Просто Мария" — Виктория Руфа. Незабываемая была встреча… Я с космонавтами. На первом плане Савицкая, Аксенов, Шаталов, Волынов, Севастьянов, Терешкова и др. Лева Лещенко. Алла Пугачева. Это мы с ней поем на моем концерте. Главный "песняр" Белоруссии Мулявин. Жаль его. До сих пор лежит после автоаварии. Наверху — Зыкина Алла Баянова Выдающиеся: Оскар Фельцман и Никита Богословский. Тамара Гвердцетели — поющая Грузия. Композитор Морозов. Наш режиссер — Люба Гречишникова. Гена Хазанов. Это опять моя Неля… Это Лариса Долина и Лолита. Выше — Таня. Знаменитая Татьяна Васильева. Пенкин. Хулио Иглесиас. Снова Алла. А вот это я с легендой советской песни — с Козиным. Специально ездил к нему (повидаться и вместе спеть) в Магадан. Башмет. Джорджи Марьянович. Незабываемый "Мимино" — Вахтанг Кикабидзе… Горячева, Зюганов, Лукьянов. Затем Березовский. Потом Сережа

Лисовский. Дальше — Якубович с "Поля чудес". И — Ельцин… Буратаева — диктор ТВ, теперь депутат Госдумы. Всемирно известный Ростропович. Это я пою молитву для верующих (хоть сам и неверующий) в синагоге на улице Архипова в Москве. Это на приеме у Патриарха Алексия II. Это встреча в Ватикане — мы с Нелей у Папы Римского. Режиссер Станислав Говорухин и актер Сергей Шакуров — талантливые, хорошие люди. Асы смеха — Петросян и Задорнов. Гении, укротители клюшки и шайбы: Павел Буре и Фетисов. Мой друг Руслан Аушев. Организатор великих побед советского хоккея — тренер Виктор Тихонов. Чемпионка среди чемпионов Ира Роднина. Первая женщина-космонавт — Валентина Терешкова. Главный строитель новой Москвы, правая рука Лужкова — Владимир Ресин и организатор финансовой "Системы" столицы Владимир Евтушенков. Я у моряков на "Петре Великом"… еще до трагедии на "Курске"… Президент Всеукраинского Еврейского Конгресса

Вадим Рабинович и я. Это мы с Евгением Евтушенко выступаем в Киеве. Черномырдин у меня на концерте. Шаймиев и я. Шеварднадзе и я. Кучма и я. Николай Иванович Рыжков… ("А здесь, — говорю я, как бы напоминая сказанное Кобзоном раньше, — три друга: Борис Громов, Кобзон и Юрий Лужков". "Было… было — три друга, в нашем полку", — поправляет Кобзон. "Почему вы так говорите?" — не понимаю я. "А потому что… губернатор Громов, которого я полюбил в далеком Афганистане, которого я считал младшим братом и гордился им, к сожалению, теперь отдельно живет…" "Отдельно?" — переспрашиваю я. "Отдельно…" — вздыхает Кобзон и переходит в третий угол). А жаль, моя семья очень любила и продолжает любить семью Громовых. Но что делать? Жизнь диктует свои обстоятельства… Бисер Киров — звезда болгарской эстрады. Президент Израиля Моше Кацав. Финансист Задорнов. Бывший вице-премьер России и гитарист-любитель Сысуев. Один из шахматных королей мира Анатолий Карпов… Бывший мой партнер по бизнесу Гликлад, я и Михаил Черный. А внизу — Вячеслав Кириллович Иваньков, Феликс Комаров и я. ("Это слева тот самый Иваньков, а посредине Комаров?" — уточняю я. "Да!" — говорит Кобзон.)

Это в Питере на мой концерт пришли мои приятели — грузинские евреи. Есть такая очень серьезная диаспора в Израиле. Это Квантришвили Отарик и Тахтахунов Алик, которого любовно зовут "Тайванчик". ("Когда вы с ним последний раз виделись?" — спрашиваю я. "Виделся последний раз в апреле 2000 года. В Париже", — отвечает Кобзон, и мы переходим в четвертый угол его кабинета.)

Это мама моя. Здесь ей уже за 70. Сестра. Гала. Слева дочка

Наташа. Наша невестка. А это самая близкая подруга жены… Это зять Юра. Это родители моего зятя: Феликс и Аня Раппопорты…

Всех не покажешь и не пересмотришь. Особо берет за душу — "покойницкая стена". На ней, что ни имя, то поворот судьбы. Вот Гагарин — Юра Вот Титов — Герман… Мы были почти одногодки. Дружили. Вообще, так сказать, с космосом у меня настоящая дружба была, особенно с первым отрядом космонавтов. Не было еще Звездного городка, и мы, бывало, по вечерам собирались в Чкаловской. Отрадные это были вечера, когда мы все съезжались вместе, разговаривали на все темы, спорили, пели песни. Мы тогда восхищались подвигами и по-человечески любили друг друга. Мы гордились страной. Мы гордились собой. Ведь было нам, чем гордиться!

Мы любили петь. Пели чаще всего фрадкинские и пахмутовские песни. Чаще других — "А годы летят, наши годы, как птицы летят…" Больше всех любил петь и… хуже всех пел Гагарин. Но это не мешало ему и нам всем вместе радоваться жизни. Любил петь и Герман. Он среди космонавтов был самый интеллектуальный. Стихи читал, пел. Хорошо пел… Почему-то звали мы его Степан. С чего это приклеилась к нему эта кличка — "Степан", может, потому, что сперва из уважения звали его по отчеству — Степанычем, а потом просто — Степаном?! Не знаю. Еще очень любил петь мой земляк с Украины Паша Попович…

Словом, что не фотография… есть что вспомнить. Короче говоря, фотографии эти — не просто биография, а жизнь моя. Как же могу я расстаться с ними, если даже действительно это плохой вкус — вывешивать их все на стены?! Такой плохой, что кто-то, нисколько не сомневаясь, назовет его мещанским. Ну и пусть… называет. Из песни все равно слова не выкинешь!

Наболело

(Здесь я почувствовал, что Кобзон хочет высказаться, рассчитывая, что я обнародую его, говоря словами Твардовского, "так, чтоб не убавить, не прибавить, как это было на земле". И я сказал: "Я, конечно, помню то, что вам обещал, когда мы ехали на машине в Театр Эстрады, и вы начали рассказ о том, как неожиданно горько для вас стала складываться судьба, когда произошла пренеприятнейшая история, в результате которой, как вы говорили, "я пришел к жене и сказал: "Теперь, Неля, ты наркобаронша…" Я обещал вам тогда написать это так, как вы хотели бы показать это сами, а не так, как это показывали и показывают жаждущие скандалов журналисты. И вот сегодня я

готов услышать и оставить в Истории то, что именно вы считаете правдой". Я сказал это и Кобзон заговорил…)

Началось все в 1992 году, когда вдруг стало обнаруживаться противостояние между администрацией президента Ельцина и мэром Москвы Юрием Михайловичем Лужковым. Много шуму тогда наделала знаменитая история с "Мост-банком" Гусинского. Вызывающая статья "Падает снег"… Скандалы. Конфронтация. Я, естественно, как друг Лужкова, не мог не реагировать на эти вещи. И я реагировал откровенно и принципиально. В своих выступлениях и интервью я открыто всегда и везде говорил: "Это беззастенчивое гонение и несправедливые нападки, которые мешают любимому москвичами мэру созидательно работать". Верхам это не нравилось. И они искали и нашли выход. Они решили скомпрометировать мэра особым способом, колмрометируя больше, как бы невзначай, не его самого, а его окружение, его опору. И прежде всего: Гусинского, Церетели, Кобзона, то есть тех, кто был, что называется, рядом с ним. Пошли покусывания в прессе. А потом, когда убили Квантришвили, трагически убили отца четверых детей…

Квантришвили последние годы занимался спортом, возглавлял спортивный фонд имени Яшина по оказанию помощи спортсменам-вете- ранам и хотел создать Спортивную партию, т. е. партию спортсменов России, которую сейчас создали, и лидером ее стал Вячеслав Фетисов. Но в то время Отарик помешал чьим-то вполне определенным планам… И его убили. А когда его убили и стали печатать в газетах, что "Кобзон следующий!", то эта травля против окружения

Лужкова и, конечно, против меня приняла какой-то уже ажиотированный характер: якобы кроме Кобзона нет в России более "темных личностей". А я как раз прилетел тогда на похороны Отарика из Америки. Я был в Америке на гастролях. Я специально прервал свои гастроли в Соединенных Штатах буквально на один день. У меня была тогда многократная мультивиза, которая позволяла сразу вернуться и продолжить выступления. Я похоронил Отарика и на следующий день улетел в Америку, так сказать, до певать свои концерты. Похоронили Отарика в марте 94-го, а летом случилось непредвиденное. В газете "Вашингтон пост" появилась статья под названием "Царь…", не босс, не король, а именно: "Царь русской мафии № 1 певец Иосиф Кобзон, в банду которого входит мэр Москвы Юрий Лужков, заместитель министра обороны Громов, банкир Гусинский и другие".

Я сразу взял эту статью, бросился к Юрию Михайловичу и сказал, что хочу возбудить судебный процесс против газеты. Он

говорит: "Я тоже". И Громов сказал, что готов. Гусинский же был хитрее и умнее. Он заявил: "Не-е-ет. Я с Америкой судиться не буду. Пусть пишут, что хотят. Надо наплевать и забыть. Иначе — дороже выйдет!" И оказался прав. Как только я подал в суд, я тут же получил из американского посольства сообщение, что я приглашаюсь для ликвидации мультивизы. Я, естественно, потребовал объяснить мне причины. Что я нарушил, что меня лишают такого права? Консул, а им оказалась дама, сказала: "Хорошо! Если вы настаиваете, мы дадим вам ответ". И они дали мне ответ, что на основании статей таких-то и таких-то мне отказывают… Короче говоря, заявлялось, что Кобзон подозревается в возможности организации на территории Соединенных Штатов торговли наркотиками и оружием и в связях с русской мафией. Причем, тот же самый ответ был дан и моей супруге. Я был оскорблен до глубины души. Был в шоке. Рассказывая все это жене, горько пошутил: "Так что, Неля, я наркобарон, а ты, стало быть, наркобаронша…"

Суд с Америкой

После этого, естественно, я начал судиться уже с госдепартаментом, наслушавшись о демократии, которой так гордятся на весь мир Соединенные Штаты. Я говорил: "Если я в чем- то провинился, я готов предстать перед вашим судом и нести ответственность. Если же это клевета, я прошу и настаиваю, чтобы передо мной извинились и сообщили об этом так же широко, как обвиняли".

И что вы думаете? Тут же, словно в пику моим требованиям, газеты пошли писать все, что только могли хоть как-то привязать к моему "Делу". Печатались фотографии: "Кобзон — с Тайванчиком", "Кобзон — с Япончиком", "Кобзон — Бог знает с кем"… Пороли всякую чушь собачью о моих связях. Сообщалось, что я продавал МИГи, продавал алкоголь, что я владею сетью казино, гостиниц и супермаркетов, т. е. издевались, как хотели. Казалось бы, это было общественное мнение. Однако, к счастью, в жизни все было по-другому. За все эти 8 лет я не получил ни одного, ни единого подметного письма. Мне никто не написал: "Как же так? Мы тебе верили, а ты — вон какой… проходимец!" Повторяю, никакой той грязи, которая была в газетах, я не наблюдал в личных отношениях. И поэтому благодарен судьбе, что все сложилось именно так. Думаю, люди прекрасно понимали: если его обвиняют в этих тяжких грехах, и если это действительно имеет место, то почему уже не первый год не

принимаются меры? Нет. Скорее всего, здесь не все так просто…

Я в свою очередь начал обращаться и в ФСБ, и в МВД, во все силовые структуры. Переписка. Запросы. Расследования. Ответы. Сложились уже целые тома этих документов. И вы, если захотите, все можете использовать для своих исследований. Я не буду ничего скрывать. Я хочу, чтобы обо мне знали всю правду…

Я обращался даже в "Интерпол": если Кобзон в чем-то провинился — накажите! Никаких действий. Ни "за"! Ни "против"!..

- Скажите, — не удержался я, — но чем же закончился американский суд, в который вы подали заявление?

- Чем-чем? Да ничем! Большими деньгами, которые я потратил на его ведение за полтора года… Они, — возмущается Кобзон, — замыливают этот вопрос. Как? Очень просто. Ссылаются на то, что мое "всемирное дело" представляет собой секретный файл. А секретный файл может раскрыть только комиссия американского Конгресса. Однако чтобы создать такую комиссию, кто-то из конгрессменов должен ее инициировать. Только никому до этого нет дела!

- Простите! Если вы так уверены в своей правоте, давайте я попробую обратиться к Слиске, которая имеет выход на лидеров американского парламента. Скажу: "Любовь Константиновна, найдите, пожалуйста, случай поднять там вопрос насчет того, что ваш коллега Кобзон готов по полной нести ответственность, если за ним что- то имеется… Потому что не может человек так дальше жить!"

- Попробуйте, если можно. Я уже не знаю к кому обращаться? Дело дошло до того, что в свое время разговаривали и с Клинтоном, и с Гором. Была комиссия "Гор — Черномырдин". Так вот Черномырдин еще Гору говорил: "Вы понимаете, надо кончать эту канитель с Кобзоном…" Да. Да. И все по-прежнему. Кстати, я считаюсь заслуженным человеком. Но если так обращаются с заслуженными людьми России, то представляю, что делают с нашими обычными гражданами… Это с одной стороны. С другой — бездоказательно, т. е. без суда, унижая почетных людей государства, унижают и само государство. На самом деле: чего тогда стоят все мои награды, звания и заслуги? А ведь я — почетный гражданин 26 городов; у меня все высшие артистические звания: народный артист России, Украины, многих кавказских республик, народный артист СССР. Я — лауреат Госпремии, трижды профессор, действительный член семи Академий наук. Награжден за заслуги перед Отечеством высшими орденами России и Украины. Я отец многочисленного семейства. И пятно, которое "посадили" на меня, лежит теперь на всей

семье… и даже на четырех моих совсем маленьких внучках…

Кто судей судит?

И все-таки суть не в этом… Какие основания меня так опускать? Если есть серьезные основания, надо безотлагательно принимать меры против Кобзона. Тем более что он член российского парламента… А если это пустые клеветнические слова, то покажите всему народу, как вы бережете честь своего гражданина. Покажите, как это не раз показывали другие страны. Например, как это было с каким-то американским негодяем, которого посадили в Тамбове на 5 лет. Нашел же возможность президент Буш на встрече с президентом Путиным просить за него, понимая, что он уже законно осужден, просить о помиловании. И Путин помиловал. А ведь шел разговор о каком-то аспиранте, который продавал наркотики. Что же Путин не сказал: "Простите, я готов его помиловать, но как же вы относитесь к моему уважаемому гражданину, которого народ в который уже раз избрал депутатом российского парламента, а депутаты назначили заместителем председателя комитета Госдумы по культуре?!

Что это? Президент забыл или у него не нашлось желания защитить своего гражданина? Или, быть может, что-то не нравится в Кобзоне администрации президента? Или нашли генетическое продолжение в новой администрации старые отношения? Кстати, при встрече я спросил у Владимира Владимировича: "Когда эта неприязнь закончится? Разве для нее есть причины? Я что… призываю к перевороту, к смене власти или что? Почему ко мне так относятся? Почему меня никогда не приглашают на официальные приемы и т. д.?" На что он мне сказал, вроде бы доброжелательно: "Ну… исправим, исправим! А вы… проверьте свой бизнес!" Но я ведь 5 лет, будучи депутатом, не занимаюсь бизнесом. И если президенту дали ложную информацию, по его же указанию ее легко проверить…

Между прочим, мой проект "Закона о защите чести и достоинства гражданина России", который я пытаюсь провести в жизнь уже 3 года, до сих пор не находит поддержки не со стороны президента, не со стороны правительства. Впечатление, что не нужен такой закон, согласно которому любой гражданин, в том числе и я, будет защищен в своей стране и за рубежом. А пока дела обстоят подобным образом, проблемы наших граждан за границей заканчиваются так, как закончился мой американский суд, после которого моим адвокатам в посольстве США сказали:

"Пусть он причины ищет не у нас в Америке, а у себя в спецслужбах". Больше того… сказали, что именно наши органы сбросили в Америку информацию против меня. И произошло это в том же 94-м году. Сказали даже откуда это пошло… От РУБОПа, которым руководил тогда Рушайло. У меня был разговор с Рушайло по этому поводу дважды. Однако Рушайло сказал, что он никогда этим не занимался.

…После такого ответа из США я сказал: "Ну, все, бесполезно дальше судиться с Америкой, надо искать правду здесь, раз американцы направили нас сюда".

С этого момента и начались мои визовые проблемы, потому что американцы, обидевшись, что я подал в суд на их госдепартамент, разослали "мой" секретный файл во все страны мира. Последнюю попытку защитить мои права, мою честь и достоинство сделали мои адвокаты, обратившись в Международный трибунал в Гаагу. И адвокатам ответили: "Мы не можем принять дело к слушанию по той простой причине, что Кобзона Америка не обвиняет. Она его подозревает. А подозревать она может любого человека. Это ее право".

За 8 лет из подобных переписок у меня сложились вот такие тома, представляющие материал для интереснейшего политического детектива мирового значения. У нас считают, что Россия самая бюрократизированная страна. Я же на собственном опыте, о котором свидетельствуют данные тома, убедился, что тот бюрократизм, который сложился на Западе, и особенно в Америке, нашим бюрократам даже не снился.

Между тем, по американским законам, если подозрения, "повешенные" на человека в секретном файле, не подтверждаются на протяжении 7 лет, то они автоматически снимаются. У меня прошло уже 8 лет, но американские законы словно сломались или, быть может, стали носить выборочный характер. Во всяком случае, в отношении меня они не действуют, потому что для меня ничего не изменилось.

Я в том же положении, что, скажем, и в 96-м году, когда меня с супругой на Новый год задержали в Израиле. Мы просидели по 10 часов в разных камерах. Чем это объяснили? Сейчас скажу — чем. Благодаря настойчивому заявлению нашего посла Бовина, который тут же выдал ноту протеста, моим делом занимался премьер-министр Израиля Рабин. Рабин тогда спросил свои службы: "На каком основании мы задержали известного еврея в Израиле, что уже само по себе вопиющий случай?" Ему ответили: "Так у нас на этот счет есть секретный американский файл…" На что Рабин заметил: "Это проблемы Америки и Кобзона… У нас в Израиле к нему есть претензии? Он у нас в Израиле был много

раз… Он позволял себе что-то незаконное?" "Нет!" "Тогда немедленно извинитесь перед Кобзоном и впустите его в страну!" Так они и сделали: извинились и впустили. Я там же в "Хилтоне" собрал пресс-конференцию и в сердцах сказал все, что о них думаю. Дескать, нельзя так пресмыкаться перед Соединенными Штатами Америки. Будьте гордыми. Будьте самостоятельными. Я понимаю, что похлебку вы получаете оттуда, но все-таки совесть иметь надо. Сказал и вернулся домой. После этого я сразу получил трехгодичную мультивизу в Израиль. С Америкой же все осталось, как было.

Сорванные концерты

…7 июля этого, 2002, года я должен был петь концерт в Торонто, в Канаде, но мне опять отказали и снова по той же "американской причине": невъездной! Какие там права одного человека? Сорвав мой концерт, нарушили права не одной тысячи человек! И не где-нибудь, а в "самой демократической стране мира", как американцы любят сами о себе говорить, считая Канаду, между прочим, всего-навсего своей деревней…

Кстати, по этой же "американской причине" мне и "шенгенская виза" не полагается. Вот, например, завтра я лечу в Испанию, но в моем загранпаспорте "стоит" какая-то, кастрированная что ли, "шенгенская виза" с пометкой вверху "только для Испании". Вот такая со мной история получается. Очень обидно.

Все это вынудило детей, живущих под моей фамилией, условно говоря, "бежать" из страны или искать другие возможности для свободы передвижения. На них тоже лежит "американское проклятие" моей фамилии. Однако дочка сказала, что она даже под страхом смерти принципиально не поменяет фамилию Кобзон на другую. А для того, чтобы свободно, как все, передвигаться по миру, она специально поехала в Израиль, прожила там год и получила свободный от "американского проклятия" паспорт. Теперь она живет по израильскому паспорту. Хотя, казалось бы, могла этого и не делать, поскольку она жена австралийца и имеет от него двух детей. После этого она, правда, в Америку не ездила, но, скажем, во Францию ее пустили, как всех.

- А как же вам удалось в этом году в апреле съездить в Париж?

- Мне всюду удается, но… только через МИД! Дело в том, что я обратился во все силовые структуры нашей страны… Вернее,

даже не я обратился… Я обратился в Госдуму… В марте я написал коллегам письмо, дескать: как можно сотрудничать с депутатом, которого обвиняют в самых тяжких грехах? И предложил запросить все службы о возможно имеющихся компрометирующих меня материалах. Дума обратилась в инстанции. Потом на основании этого Чилингаров, Говорухин, другие депутаты поставили мой вопрос на пленарное заседание, которое проголосовало за обращение к президенту Путину о защите чести и достоинства депутата И. Д. Кобзона.

Однако по сей день ни Госдума, ни я полагающегося ответа не получили. Правда, из администрации президента сообщили, что президент по поводу моего обращения в Думу о защите чести и достоинства дал соответствующее указание Министерству иностранных дел… И все!

В мусорном ведре Америки

Теперь каждый раз, когда для получения визы я подаю документы в то или иное посольство, я звоню в наш МИД министру. И он, по мере возможности, помогает мне пробить визу. На основании упомянутых официальных документов Игорь Сергеевич Иванов уже неоднократно пытался решать мой вопрос с госсекретарем США Колином Пауэлом. На что Колин Пауэл ему раз за разом отвечал, что этот вопрос очень сложный, что миграционные службы не хотят давать добро, пока не раскроется злополучный "секретный файл" на Кобзона. "А сколько это может продолжаться?" — спросил Игорь Сергеевич. В ответ Колин Пауэл только развел руками так, словно этого никто не знает, а может, и не узнает до конца дней своих.

И тогда я сказал: "Игорь Сергеевич, я готов написать заявление, что я никогда не буду просить Соединенные Штаты о выдаче мне визы. Но! Я настаиваю, чтобы Соединенные Штаты отозвали свой файл против меня изо всех стран мира, куда они его распространили". Ведь меня не пускают даже в безвизовые страны, даже в Турцию и на Кипр не пускают. Везде торчит этот американский файл… согласно которому я якобы связан с русской мафией. Как они это объясняют? Удивительно объясняют. Та же газета "Вашингтон пост", вероятно, имеющая выход на спецслужбы США, объясняла это, например, тем, что, когда я в 94-м отдыхал с семьей в Пуэрто-Рико, это был не отдых, а конгресс русской мафии в Пуэрто-Рико. Почему они так считают? Да потому, что у меня в гостинице в мусорном ведре… А я там отдыхал не один: отдыхали я, жена, сын, дочь, невестка;

рядом с нами отдыхали наши друзья из Америки — Саша Донской с семьей (с женой Аней и дочкой Макси). Мы все вместе там были, когда к нам на один день подъехал, пролетая через Нью-Йорк, Анзор Кикалишвили…

И вот американцы у меня в мусорном ведре нашли (это же надо! рыться в мусорном ведре народного избранника)… нашли спичечный коробок (а я никогда спичками не пользуюсь, я всегда только зажигалкой пользуюсь)… спичечный коробок, на котором был написан телефон Япончика! И зачем мне писать его на спичечном коробке? Не понимаю! Если спичками я вообще не пользуюсь: ну чушь собачья! Тем не менее, последовал вывод: связан с русской мафией!!! И вот эту чушь они разослали во все страны мира. И теперь, когда я собираюсь куда-то ехать, я связываюсь с министром иностранных дел РФ Игорем Сергеевичем Ивановым, а он связывает меня со своими службами, и уже они контролируют выдачу мне визы. Так были осуществлены, скажем, мои гастроли в Германии и на Кипре. Этими вопросами в то время занимался министр иностранных дел Евгений Максимович Примаков…

Но всякий раз, когда я, так сказать, въезжаю в любую страну, мне при всех учиняют такой досмотр, который больше похож на "шмон". Я это уже знаю. Поэтому, чтобы не собирать зевак, всегда в очереди на выход становлюсь последним. Мерзко. Унизительно. Противно. А что поделаешь? Вот и становлюсь последним, чтобы никто не видел этого позора. Когда подходит моя очередь, и я подаю свой паспорт, я знаю, что меня все равно обязательно задержат. Не надолго. На полчаса, на час, но задержат "выяснить отношения". Поэтому дипломатические службы отрабатывают этот вариант. Они предупреждают принимающую сторону, говорят: "У вас будет проходить наш гражданин, на которого у вас есть такой-то американский файл. Имейте в виду, этому файлу уже 8 лет, и он фактически утратил юридическую силу, но существует политический заказ, согласно которому этот файл на гражданина Кобзона США не отзывают… Ваш МИД знает это, потому и выдал визу. Поэтому не смейте его задерживать!" И те отвечают: "Да. Мы в курсе. Мы постараемся". Но как только я пересекаю их границу, и пропускающие натыкаются на известный файл, они меня сразу — оп!

- Постойте! Но если сейчас все обстоит именно так, то, если поставить вопрос ребром, где все- таки нужно начинать решение этой проблемы: у нас или там? Вы сами это представляете?

- Конечно, представляю. В этой ситуации, каких только людей не подключали. Примаков с Олбрайт дважды разговаривал. Черномырдин с Гором разговаривал. Послы разговаривали. Кто

только этим не занимался!

Кто это сделал?

- Кто же такой всесильный, что останавливает все эти попытки?

- Всесильная американская бюрократия! Она не снимает свои файл.

- Но у нас, если бы Путин сказал, все бы сделали…

- Правильно. Путин, как современный разумный человек, мог сказать. Буш этого не скажет. Более бюрократической страны, чем Соединенные Штаты нет и не будет никогда. Поэтому Буш никогда не сможет этого сказать. Он только может попросить Конгресс отреагировать на эту ситуацию по просьбе президента России создать комиссию и раскрыть файл, потому что это был заказ. И я даже знаю, кто его выполнил!

- Можете назвать?

- Конечно! Сэм Кислинг. Наш эмигрант. Который провинился здесь. Мне все рассказали, потому что за деньги интересовались одной фигурой, а попали на мой файл. Он здесь провалился. Проводил многомиллионные сделки и попался на неуплате налогов. И ему сказали: "У вас выход только один: либо работать на ФСБ, либо вас оставят здесь…"

- А кто у нас этим руководил? Догадываетесь?

- Не догадываюсь, а знаю. Но я дал слово не называть его.

- Он жив, он при власти?

- Нет. Он уже не при власти… т.е. он, конечно, при политической части… Но суть не в этом. Кстати, этот вопрос хорошо знает бывший директор ФСБ, а ныне депутат Думы Николай Дмитриевич Ковалев. Он занимался этим вопросом очень скрупулезно. Более того, был очень огорчен, когда он, не сказав предварительно мне, "поменял" меня на молодого американского шпиона-фотографа, которого посадили у нас как раз перед Новым годом… Он сказал им "Хорошо. Я его отпущу. А вы дайте визу Кобзону". И американцы согласились… Николай Дмитриевич, радостный такой, звонит мне: "Можете подавать. Все будет в порядке". Ну, я и подал. Получаю ответ: "Да. Мы дадим Вам визу в том случае, если мы будем знать минимум за 3 недели о вашем маршруте, о месте проживания… Но лишь тогда, когда вы будете приглашены политическими или административными кругами Америки… Всякие частные и деловые приглашения не в счет!"

Кстати, мало кто знает, но… я был после этого в

позапрошлом году в США в Бостоне в составе нашей парламентской делегации. Я пробыл там 3 дня, а должен был пробыть 19. Мне быстро все надоело, потому что за мной, во-первых, подглядывали даже в туалете. Во-вторых, нам, 26-ти российским парламентариям, поставили молодого ЦРУшника читать менторским тоном, как дикарям, лекции, что такое Америка, какая у нее выдающаяся демократия, какая совершенная политическая система, и как она отличается от всех диких стран типа России… Мне это надоело. И через 3 дня я сказал: "Большое спасибо! Я полностью удовлетворен услышанным. Мне необходимо вернуться в Москву". Они: "Мы вас не отпускаем!" Я говорю: "Что значит — не отпускаете? Что за разговор?"

Это — Америка…

- А вы не боялись судьбы Бородина, что вас там арестуют?

- Нет. Не боялся. На Бородина был швейцарский запрос. А насчет меня не было никаких оснований. Просто вот этот Сэм Кислинг написал для файла гадость, дескать, он знает, что я продавал оружие арабским странам Африки, что я торговал алкоголем, что я полностью связан с русской мафией, живущей в Америке, что в России я заместитель руководителя банды, которую возглавляет Анзор Кикалишвили… Я еще, помню, пошутил с Анзором: "Почему это я у тебя заместитель? Сказали бы уже, что ты у меня заместитель, потому что ты все-таки моложе". Короче, написал всякую чушь. И вот теперь я настаиваю, чтобы это рассекретили и в Америке, и у нас. Чтобы раз и навсегда вся наша страна знала, что я чист. А если нет, пусть меня накажут. Я требую суда над собой, если виновен. Тем более что опять под тем же самым предлогом в июле 2002 года были сорваны объявленные в Канаде мои концерты. Я снова позвонил Иванову. Говорю: "Игорь Сергеевич, ну очередной раз оплеуха…". Он говорит: "Иосиф Давыдович, я знаю. Разговаривал со своим канадским коллегой, пытался выяснить… Но, к сожалению, к огромному, он сказал, что ничего не может сделать, потому что канадские миграционные власти категорически против!"

- Неужели они такие всесильные? Тогда к миграционным властям надо обращаться! К их главному человеку…

- Это Америка. Это Америка. Это же — Америка. Не бередите душу!!! Все…

ПОЩЕЧИНА КОБЗОНУ?

Кандидаты в члены НАТО считают песни Кобзона взрывоопасными.

Кобзона опять не пустили заграницу. На этот раз в Латвию. В Прибалтике опасаются политических волнений и нарушений общественного порядка, причиной которых могут стать новые выступления Кобзона с концертами…

(Из сообщений в средствах массовой информации)

Как День Победы стал днем беды

Мы вместе ехали в машине с лермонтовского праздника в Тарханах, когда Кобзону позвонили и сказали, что в связи со случившимся МИД России заявляет Латвии протест. Я спросил: "Что случилось?" И вскоре стал свидетелем следующего рассказа

- Когда посол России обратился ко мне с просьбой выступить перед соотечественниками в Риге 9 мая в День Победы и 10 мая в Даугавпилсе, у меня не было никаких сомнений.

Правда, в прессу просачивались какие-то слухи, что в Латвии не хотят моего приезда. Но я счел это отголоском моих отношений с Соединенными Штатами Америки, которые мне не выдают визу много лет. Получив приглашение, я в мае беспрепятственно въехал в Латвию и замечательно провел два дня в любимой мною Прибалтике. Съездил в Юрмалу, погулял с супругой по городу, встретился с моими друзьями, с Раймондом Паулсом. Ну и, конечно же, дал эти посвященные Дню Победы концерты для наших соотечественников, которые остро переживают свое состояние. И не только социальное, но и, скорее всего, политическое — т. е. отношение к ним со стороны новой власти Латвии.

Эти вопросы мы не обсуждали. На концертах я пел песни. Не более того. После моего отъезда было много публикаций по поводу тех эмоций, которые испытали наши соотечественники, давно уже не слушавшие моих гражданских песен, песен о войне, песен о Родине. Писали, что я вернул им Россию, вернул страну. Это не я писал. Они писали. В интервью я ничего плохого о Латвии не говорил. Этот вопрос достаточно деликатный. А я член парламента России. Поэтому вмешиваться в политическую жизнь, находясь там, не должен. Я могу инициировать что-то в Государственной Думе, но, будучи гостем республики, я не

должен делать какие-то замечания, чего собственно я и не делал.

Был только разговор с Паулсом и с Игорем Крутым о предстоящем фестивале "Юрмала- 2003", куда меня пригласили в качестве почетного гостя. Меня и Розенбаума. И вдруг я узнаю, что Латвия мне отказала во въезде. Причем, причина не солидная для такой европейской страны, как Латвия. Якобы в целях безопасности… Но как я могу нарушить безопасность страны своей песней? И еще: якобы во избежание волнений. Каких волнений? Я приезжаю в качестве гостя на песенный фестиваль и не более. Должен был приехать… Так мне запретили Юрмалу. И сказали, что больше никогда мне не выдадут латвийскую визу.

Это официальное сообщение было заявлено в средствах массовой информации Латвии и России. Я еще не знаю, как на это отреагировать. Конечно же, это порождает всякие слухи: "А! Опять Кобзона не пустили! А! Опять что-то не так!"

Между тем, я горжусь, что моих песен боятся. Великая Отечественная война, победа над "коричневой чумой" унесла 20 миллионов жизней. Поэтому нельзя 9 мая называть Днем оккупации, а не Днем Победы. С этим мириться нельзя. Я, конечно, могу не приезжать в Прибалтику, но я не думаю, что это правильная политика.

Это пока политика Латвии. В другие прибалтийские республики я приглашения не получал. Однако так может случиться и с другими. Меня больше волнует не то, как себя ведет Латвия по отношению к гражданину России. Меня больше волнует то, как защищает гражданина России сама Россия. Если гражданин России нарушил закон в чужой стране, он обязан нести за это ответственность. Но если нарушают права гражданина России в любой стране, за него должна вступиться Россия. Протокольно, официально это МИД, но это заявление может быть и более громким.

Потому что установившаяся дискриминация — это нарушение прав не только моих, как гражданина, но и нарушение прав всех наших соотечественников, которые там проживают.

Ведь они имеют полное право общаться с тем, с кем хотят. Их лишают такой возможности. А меня демонстративно наказывают. И пытаются дискредитировать мое имя в глазах общественности.

В других странах, прочитав о том, что Латвия в целях безопасности и во избежание волнений не выдала визу гражданину Кобзону, не разобравшись, тоже могут поступить так же. Если я подам заявление с просьбой выдать мне визу в любую европейскую страну, там тоже могут сослаться на этот прецедент. Они могут просто сказать: "Ну, а нам-то Кобзон зачем? Если латыши его не пускают, зачем нам рисковать? Значит за ним что-

то есть, раз они так испугались за свою безопасность". Вот такая неприятная история. Неприятна она по многим причинам. И потому, что я не смогу встретиться со своими друзьями на песенном фестивале в Юрмале, и потому, что я не защищен своей страной за рубежом. В мои 65 лет, будучи профессором, академиком, будучи отцом двоих детей и дедушкой четырех внучек (теперь их у меня уже пять), как- то тяжело осознавать, что с каких-то пор страна не может тебя защитить. Эта пощечина больше не Кобзону, а пощечина России. Поэтому пока я жду развития событий…

Однако если уж заговорил о России, выскажусь до конца. Сколько можно говорить о национальной идее и ничего не делать, чтобы она существовала, Ее пытаются сочинять или искать там, где ее нет. В то же время откровенно не замечают того, что уже есть и лишь требует своего продолжения. 6 июля в Тарханах был праздник в честь 175-летия начала поэтической деятельности русского гения Михаила Юрьевича Лермонтова, но центральные телеканалы, как один, отказались упомянуть об этом даже в выпусках новостей. Когда на празднике я видел действительно единый, непридуманный, порыв народа, его тягу к творчеству нашего величайшего поэта, я думал: разве это не наша национальная идея в действии? Зачем придумывать ее, а не собирать из того, что уже есть и без всяких указаний свыше поддержано простыми людьми?!

Между тем, наши СМИ переполнены куражами новых русских и смакованием антинациональных выходок олигархов. Андропов сразу бы поставил точку на всех этих незаконнорожденных миллиардерах. Я никогда не скрывал, что еврей, и что люблю свою нацию, но я против таких евреев, которые родились в России, выкормились от груди России, и теперь, незаконно став собственниками богатств России, направляют работать эти богатства на самодовольную Америку и сытую Европу, тогда как отечественному крестьянству, отечественным заводам, отечественной культуре не хватает денег.

Пора уже делать то, что полезно нашей стране, и не думать о том, как на это посмотрит Америка или объединенная Европа. Почему, если мы действительно хотим, чтобы не уничтожались миллионы наших сограждан, мы не уничтожаем как заразу, как отрицательный генофонд, сотни тех, кто распространяет у нас наркотики?! В США, если хотят, не отменяют смертную казнь и не боятся, что их осудит остальной мир. А мы, действуя с оглядкой на Запад, только загоняем наши болезни внутрь вместо того, чтобы, подобно Китаю или Ирану, враз искоренить наркодельцов, устроив им смертную казнь на глазах всего народа. Как же надо

не любить вскормившую тебя землю, чтобы в угоду сохранения жизни преступному меньшинству обрекать на смерть судьбу нормального большинства?!

Я И РАЗГОВОРЫ ВОКРУГ МЕНЯ

Обо мне невероятное количество грязных слухов. Дошли они даже до Америки. И вот удалось выяснить, что эти сообщения о моем криминальном имидже поступили в Соединенные Штаты не откуда-нибудь, а из России, из силовых структур. В свое время начальник РУБОПа Москвы Климкин Николай Иванович подтвердил, что были отправлены такие данные. И заместитель Алмазова, начальника налоговой полиции, генерал Яновский (если правильно помню его фамилию), относившийся ко мне с уважением, тоже по секрету показал мне закрытую информацию. Это был такой печатный листочек с указанием "Секретно. Для служебного пользования", где было написано: "Кобзон Иосиф Давыдович, 1937 года рождения, еврей, трам-тара-рам владеет…" И перечисление, чем я владею в Москве. Получилось, что пол-Москвы — это мое имущество. То, о чем говорилось в американском файле, повторялось и здесь, а именно: наркотики, публичные дома, казино, гостиницы, супермаркеты и прочее.

Увидев это, я сказал: "Какой ужас! Да ведь за каждую строчку этого письма меня можно сажать и расстреливать". А генерал в ответ: "К сожалению, я не могу сказать, где еще находятся эти письма". Я говорю: "А у Вас-то оно… как появилось? Не с неба же оно упало?" "Нет, — говорит он, — это есть во всех кабинетах силовых и правоохранительных структур". Тогда я спросил: "И что… никто не может меня защитить от этого? Или, наоборот, посадить меня?" Он говорит: "Ну что Вы? Вы нормально свободно можете работать…"

Тогда министром внутренних дел России был Дунаев, и я пришел к нему обсуждать это письмо: "Это ужас какой-то, Андрей Федорович! Займитесь, пожалуйста, этим". А он мне: "Понимаете, Иосиф Давыдович, к сожалению, не только мы должны заниматься этим". Я ему: "Ну, пусть, кто должен, и займутся. Нельзя же так жить — под колпаком все время! Или посадите меня или защитите!" (Я тогда уже был председателем Общественного Совета Главного Управления внутренних дел и президентом фонда "Щит и лира", помогающего семьям сотрудников, погибших и пострадавших при исполнении своих обязанностей.) На что он мне сказал лукаво: "Иосиф Давыдович, Вам легко сказать: "Посадите Кобзона!" Был бы у нас еще один Кобзон, мы бы посадили…" Вот и все. Мне ничего не оставалось, как сказать: "Спасибо за хамство!"

…А однажды, — дело было в достаточно неофициальной компании, — мы встретились с Куликовым Анатолием

Сергеевичем, который был в то время министром внутренних дел. Компания была такая непринужденная. И вдруг Анатолий Сергеевич мне рассказывает: "Знаете, Иосиф Давыдович, я вот недавно из Парижа, где встречался с директором Интерпола. Он показывал нам здание Интерпола. После чего пригласил в мозг Интерпола. Фантастическое место, туда нужно проходить через несколько пропускных систем. Это такая шарообразная комната, представляющая собой мозг Интерпола. "Здесь, — объявил вдруг директор, — вы можете через 15, максимум через 30, секунд получить информацию на любого человека в мире". И я, не знаю уж почему, Иосиф Давыдович, — рассказывал мне Куликов, — назвал Вашу фамилию". Я спрашиваю: "Ну и что?" "Мы ждали где-то секунд 20, - продолжал Куликов, — и вот на табло высвечивается ваша фамилия, а вокруг нее — чистое поле… И тогда директор Интерпола Кендал говорит: "У нас ничего нет на этого человека!" Я так обрадовался", — завершил свой рассказ Куликов. И тут я спросил: "А почему Вы мою фамилию назвали? Ну, назвали бы свою…"

"Я даже не знаю почему, — смутился Куликов, — ну, наверное, потому, что разговоров вокруг Вас много ходит, и я подумал: раз у нас ничего нет, может, у них что-то есть…"

Это ответ министра внутренних дел России.

И так каждый раз, когда разговор обо мне заходит на эту тему. И каждый раз, когда я смотрю на говорящего со мной об этом, я вижу в его глазах немой вопрос: "Ну, дыма ведь без огня не бывает? Раз говорят и пишут про него, значит что-то за ним есть…"

Вот я и сам хочу знать — что?

Вот эти, к сожалению, обывательские суждения и отравляют жизнь часто совершенно невинным людям.

А вокруг по-прежнему шепчут: "Ну не пишут же про Лещенко, пишут про Кобзона…" И все начинается сначала. Не дай Бог, кому-то попасть в мое положение.

Да! Я встречался, — царство ему небесное, — с Отари Квантришвили, я много лет дружен с Тахтахуновым… И не скрываю этого. Если они в чем-то повинны, почему их не судит суд? Если Квантришвили обвинялся в каких-то мафиозных делах, почему Вы его не судили? Если Тахтахунов, гражданин России, замешан в каком-то коррупционном скандале с судейством на Олимпийских играх, почему его должны судить в Америке, а не в России? Я никогда не скрывал своих взаимоотношений с теми людьми, с которыми общался. Как-то мой сын задал мне вопрос, который, как я думаю, вертится на языке у многих: "Папа! Что это у тебя за странное такое окружение: министры, генералы,

народные артисты и лица, подозреваемые в преступлениях?" Я ему ответил: "Андрюша, я дружу не с должностями, а с людьми. И для меня не важно, кто они — водители, афганцы, министры и т. д. Если кто-то мне симпатичен и мне интересно с ним общаться, я с ним общаюсь!" Но, наверное, исходя из принципа "скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты", это кого-то все-таки наводит на мысль о моих связях с русской мафией. А если у меня друзья и те, и другие? Тогда что?

Я знаю практически всех, так сказать, популярных лиц, подозреваемых в криминалитете, но в отличие от моих коллег по певческому цеху, которые тоже их всех знают, которые тоже все с ними фотографировались… в отличие от них я никогда не скрывал, что знаком с этими лицами. Тем не менее, из этого многие делают вывод: "А-а-а… раз он с ними знаком, значит, они вместе что-то делают". И все- таки я никогда в жизни с профсоюзами, не относящимися ко мне, ничего не делаю и не делю.

ОТКРОВЕНИЕ ОТ ИОСИФА КОБЗОНА

…Если Ленин слушал "Аппасионату", а Сталин по нескольку раз приезжал на одни и те же произведения в Большой театр, то, скажем, следующие вожди по своему интеллекту… спасибо, что слушали хотя бы таких, как я…

Часть II

ОТ СТАЛИНА ДО ПУТИНА

ПЕСНЯ ДЛЯ СТАЛИНА

…Когда мне еще не было 11 лет, в 48-м году я выступал в концерте перед Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Я как победитель Всеукраинской олимпиады художественной самодеятельности школьников был награжден недельной путевкой в Москву и участием в концерте Всесоюзной олимпиады школьников.

Перед выступлением нам сказали, что на нашем концерте будет Сталин. Это было в Кремлевском театре. Тогда в Кремле еще был театр. Сталин сидел в ложе среди членов правительства. Рядом с ним сидели Молотов, Ворошилов, Булганин. Берии и Маленкова не было. Я видел Сталина только со сцены, когда пел. Ложа находилась метрах в десяти от меня. С правой стороны от сцены. Когда нам сказали, что будет Сталин, мы боялись выступать. Не потому, что боялись Сталина, а боялись, что, как увидим его, так язык, ноги и руки перестанут слушаться, и мы выступать не сможем. Тогда не было принято записывать фонограммы, как это делается сейчас по принципу, как бы чего не вышло, чтобы, не дай Бог, что-то непредвиденное не произошло при президенте, на случай, если кто- то слова забудет или, что еще хуже, лишнее скажет… Тогда, слава Богу, было другое время. Все должно было быть настоящим. И поэтому мы, чтобы не ударить лицом в грязь, все тщательным образом репетировали. Прогон концерта шел по нескольку раз, но мы все равно жутко волновались… Я пел песню "Летят перелетные птицы". Я пел, и Сталин слушал меня. Я не мог долго смотреть на него, хотя очень хотелось. Дело в том, что перед выходом на сцену меня предупредили, чтобы я долго ни на кого не смотрел, чтобы естественно смотрел на все части зала. И хотя очень хотелось рассмотреть Сталина, я сделал, как мне говорили. Очень мало я видел его, но, помню, успел разглядеть, что был он в сером кителе. Я спел и поклонился, как видел, кланяются в кино любимому царю. И поклонился уважаемой публике. Я спел и имел большой успех. Спел и на ватных детских ногах ушел за кулисы. Спел самому Сталину. Так начиналась моя карьера. Я был еще маленький и толком не понимал еще, что такое "вождь всех народов"… Его называли Иосиф. И меня мама моя назвала Иосифом Я думаю, остальным выступавшим, кто был постарше, было намного сложнее. К сожалению, в подробностях я не помню, как реагировал на мое выступление Сталин. Поскольку не помню, не хочу рассказывать, что кричал он "браво", поддерживая нескончаемые аплодисменты, или улыбался мне… Сейчас я бы

мог сказать, что угодно, но не хочу соврать. Просто такого не помню. Помню, что иногда смотрел на него. Еще помню, как за год до этого, приезжая в Москву, тоже на смотр художественной самодеятельности, я 1 Мая на Красной площади участвовал со всеми в демонстрации перед Мавзолеем. Помню, как все мы влюбленно и восхищенно смотрели на руководителей партии и правительства, которые организовывали и вдохновляли мировую победу над фашизмом, и особенно во все глаза глядели мы на нашего героического, но простого вождя. Все это я хорошо помню. Навсегда остался в памяти салатовый занавес в Кремлевском театре.

Вот сказал это и подумал, а ведь мне довелось жить при всех советских и после советских царях, кроме Ленина… Сколько их было? Сначала Сталин. Потом Маленков, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин и вот теперь — Путин. Девять человек… И все это время я пел. Пел самому Сталину, пел перед Хрущевым, перед Брежневым. Пел перед остальными. Неужели я уже такой старый? (Кобзон замолчал. Я обратил внимание, как он сказал, что пел самому Сталину и… пел перед остальными. Стало быть, Сталин заслуживал, чтобы пели именно ему.)

ГАГАРИН И ЦЕНЗУРА

К Никите Сергеевичу Хрущеву я был, можно сказать, приближен дважды. Больше всего запомнилось, когда вернулся из космоса Гагарин, и мы выступали на приеме в его честь с композитором Аркадием Ильичем Островским. Тогда я еще пел в дуэте с Виктором Кохно. И хотя мне уже приходилось выступать перед Хрущевым, тот прием позволил находиться особенно близко, чтобы можно было рассмотреть, как Никита Сергеевич поднимает рюмку за рюмкой…

В тот день, кажется, 14 апреля 1961 года, мы пели любимую песню Гагарина "Мальчишки, мальчишки" и… написанную специально для этого случая космическую песню "На Луну и на Марс". В этот же вечер мы познакомились и с самим Гагариным на "Голубом огоньке" на Шаболовке. Но тогда еще особой дружбы не случилось, а вот, когда в августе полетел Титов, с Германом мы подружились сразу.

И я стал приезжать к ним в гости. Они жили тогда в Чкаловской. Звездного городка еще не было. Я приезжал к ним. Они — ко мне. Я тогда снимал комнату в коммунальной квартире на Самотечной площади. Дружба наша разрасталась. Мы познакомились с еще не летавшими космонавтами: с Лешей Леоновым, с Пашей Поповичем, Валей Терешковой, Валерой Быковским и Андрианом Николаевым. Перезванивались, договаривались, когда встретимся. Звонит как- то Герман. Говорит: "Приезжай. Научишь нас петь свои новые песни. Особенно нравится мне "Девчонки танцуют на палубе". Я, конечно, обрадовался: а кому неприятно такое услышать? Тем более от героев космоса. Это сейчас их забыли. Тогда же это была особая честь иметь возможность просто разговаривать с этими людьми. А когда все вместе они приезжали ко мне на концерт — для меня это был неординарный успех и необыкновенный подарок. Не забуду, как встречали Новый год на квартире у Юры в Чкаловской. Он только вернулся из Латинской Америки и разыгрывал всех заморскими штучками, например, исчезающими чернилами, взрывающимися сигаретами. В общем, хулиганили мы нормально. Душу отводили так, что никто себя не чувствовал одиноким.

В одну из таких встреч на квартире Германа зашел разговор о поэте Евгении Евтушенко. Приближался Новый год, и космонавты обсуждали, как устроить себе новогодний вечер. Вдруг Герман говорит: "Я так люблю стихи Евтушенко. Хотелось бы, чтобы он у нас выступил на вечере. Но… что-то он там наговорил плохое про

Советский Союз, когда был в Париже…"

- Герман! Ну что ты веришь всему этому дерьму, — вступился я за Евтушенко. — Это все ложь, гундёж и провокация. Евтушенко сам мне рассказывал, как все было. А было так. Журнал "Пари-матч" напечатал разговор с Евтушенко под названием "Интервью рано созревшего молодого человека". Ему задавали вопросы типа: "А, правда, что женщины в Советском Союзе не носят нижнего белья, а ходят в ватных штанах и телогрейках на голое тело?" "Правда, — отвечал Евтушенко, — но не забывайте, что эти женщины ни перед кем в мире не встали на колени и все, что могли, израсходовали на то, чтобы восстановить заводы, фабрики, сельское хозяйство, школы, больницы, одним словом, страну. И у них не было возможности подумать о себе, о своем теле и о своих нарядах. Ведь у них война убила или искалечила мужей. И им, чтобы выжить, ничего не оставалось, как многое взять на свои плечи. Еще и сейчас сказывается разруха. И многим из них приходится по-прежнему ходить в ватных штанах и телогрейках…" Вот в таком духе, Герман, были вопросы. И вот так, понимаешь, Герман, отвечал Евтушенко. Вот после этого он и стал опальным поэтом.

- Ну, раз такое дело, — говорит Титов, — приглашай его к нам. Только предупреди — мы можем задавать неприятные вопросы.

Я к Евтушенко. Говорю: "Женя, как ты смотришь на то, чтобы встретиться с космонавтами?" А он как раз заканчивал поэму "Братская ГЭС".

- С радостью! — сказал Евтушенко и лихорадочно начал писать целую главу о космосе, которую вставил потом в свою "Братскую ГЭС".

Когда Евтушенко приехал в Чкаловский Дом офицеров, он стал нервно ходить за кулисами, как-то дергался, словно опасался какого-то нежелательного развития событий. И действительно, появился подполковник. По-моему, он был тогда начальником Дома офицеров. Подходит ко мне и говорит: "Иосиф, ты должен сказать Евтушенко, что ему нельзя выступать". В ответ я сказал, что у меня язык не повернется говорить такое. "Если у вас, — говорю, — хватит совести, подойдите сами и скажите". Он подошел и говорит: "Вас просили не выступать". И тут с Евтушенко случилось такое, что я толком, и передать не могу. Он оцепенел. Он побледнел. Открыл рот: "Как?!" "Ну… так начальство распорядилось". Он бросился из этого ДК… У него был, как сейчас помню, голубой такой "москвичок". Сел в машину. Я выскочил. Говорю: "Женя! Милый, подожди…" "Да пошли вы все…" — и уехал.

Ну, я выступил, когда пришла моя очередь, а потом был банкет. Подхожу к ребятам и спрашиваю: "Кто дал команду запретить Евтушенко выступать?" Мне говорят: "Гагарин…" Подхожу к Гагарину: "Юра, вы же сами пригласили Женю почитать вам стихи. Что случилось, чтобы так вдруг все повернулось?" Оказывается, когда Евтушенко ходил и нервничал за кулисами, кто- то из приехавших ответработников ЦК КПСС увидел его и спрашивает: "А что… у вас Евтушенко будет выступать?" "Да!" — отвечают ему. Он: "Странно". И больше ничего не сказал. Не сказал: "Нельзя". Ничего не запрещал. Просто сказал: "Странно". А Гагарин, чтобы перестраховаться, решил, что лучше будет сказать, чтобы Евтушенко не выступал, и попросил это передать через подполковника. Дескать, нам не нужны неприятности. Короче, Гагарин нехорошо себя повел. И я ему сказал об этом. "Юра, — говорю, — так не поступают…"

- Ты что, замечания мне делать будешь?

- А почему тебе нельзя делать замечания, если ты поступил не так, как договаривались?! Вы же сами просили его пригласить. Если бы я вам его навязывал, тогда другое дело. Что ж ты поставил меня в такое положение?

- Слушай, не замолчишь (что-то он такое сказал) и ты у нас выступать не будешь.

- Ну, если так, сделай милость. Я и сам сюда больше не приеду. — Мы поссорились. И я уехал.

Время спустя вся "космическая компания" и я столкнулись в гостинице "Юность". Нас начали мирить: "Да что вы, ребята, бросьте! С кем не случается?" Мы помирились, но узелок, как говорится, остался на всю жизнь…

Однако пора вернуться к выступлениям перед Хрущевым. Итак, в честь того, что первым покорил космос советский человек, на банкете Хрущев был безудержно веселым. Одетый в светлый костюм, он буквально излучал восторг от гагаринской победы. А я был в коричневой такой "тройке", в костюме с жилеткой. Почему это запомнил? Потому что тогда у меня и было-то всего два костюма. Аркадий Ильич Островский объявил свою новую песню. И сказал, что споет ее молодой певец Иосиф Кобзон. И я запел. Волновался я жутко. Впрочем, замечу, что артист, который потерял чувство волнения перед выступлением, перестает быть артистом. Во всяком случае, для меня!

- Мне Павел Слободкин говорил, что Марк Бернес также чувствовал необходимость волнения для артиста. Перед выходом на сцену он даже специально пытался с кем-нибудь поругаться, чтобы выйти заведенным, — поддерживаю я вывод Кобзона своим воспоминанием.

А Кобзон говорит: "Да-а-а. Марк Наумович любил ругаться…" И неожиданно добавляет: "Мы звали его Марк сам себе Наумович… Ну да ладно… Вернемся снова к концерту в Кремле, который шел, но… был никому не нужен, потому что все смотрели на Хрущева и Гагарина".

…Однако больше мне запомнилась другая встреча с Хрущевым. Это, когда было его 70-летие. Я был искренне восхищен, когда он в ответном тосте вдруг говорит (а перед этим его уже так облизали со всех сторон)… И вдруг он говорит: "Вот вы говорили, какой я хороший. А я себя сам знаю хорошо. И если бы мне сказали, что бы ты отметил к своему юбилею из своей жизни важного и интересного, я бы отметил три дела. Первое это то, что мне удалось спасти московскую партийную организацию. Дело было так. Уже после того, как был уничтожен цвет ленинградской партийной, организации, меня вызвал Сталин и дал список. В списке было 200 фамилий самых лучших людей Москвы. Сталин сказал, что эти люди подлежат уничтожению. Они — враги народа. Я в то время был секретарем горкома партии Москвы. "Пожалуйста, подпиши и передай Лаврентию", — сказал Сталин. На что я ответил: "Хорошо". Забрал список и ушел. Я был в шоковом состоянии, потому что не мог даже предположить, что такие люди могут быть уничтожены. Я знал, что Сталин ничего не забывает. Поэтому, когда прошел месяц, раздался звонок. Звонил Сталин: "Ну что, Никита? Принял решение?" Я пришел к нему и приписал 201-ю фамилию "Хрущев

Никита Сергеевич". Отдал. Сталин посмотрел и говорит: "Ну что? Смело. Смело. Хорошо. Иди. Разберусь". Так были спасены лучшие силы Москвы.

Второе дело — это то, что я колхозникам дал паспорта. До этого они были привязаны каждый к своему месту работы, как крепостные крестьяне, и никуда не могли уехать. Крестьяне в России вообще всегда жили без паспортов. И я, можно сказать, дал им волю.

Третье дело, конечно, — карибский кризис…"

Мне так понравилось это выступление Никиты Сергеевича, что я буквально влюбился в его личность. И теперь каждый раз, когда слышу плохие разговоры о нем, я думаю: "Господи, какие мы неблагодарные люди! Человек сделал столько интересного и значительного, а мы выискиваем только то, почему он плохой". Почему плохой? Ты же понятия не имеешь, что это за человек, а у тебя готово определение "плохой". Разве так можно? (Последние слова Кобзона я принял на свой счет, хотя никогда он не разговаривает со мной на "ты". Принял и подумал: "Скорее всего, в этом вопросе Иосиф Давыдович из-за своей доверчивости больше находится под впечатлением, нежели знает. Ведь вряд ли он знает, что за человек Хрущев Никита Сергеевич. Недаром в своих автобиографических высказываниях с неподдельной горечью признался, что из- за напряжения постоянных гастролей сильно отстал от жизни: "Я — дикарь на сегодняшний день. У меня есть профессия, в которой я что-то представляю, в которой я что-то знаю и могу… Я человек без всякого интеллектуального развития, я замерз, меня заморозили, ничего не могу. Я не успеваю читать новые романы. Когда мне читать? Мне даже сплетни о себе читать некогда Я не живу, а "ухватываю". От этого становится грустно. Я начинаю комплексовать".

Между тем, если бы он имел возможность изучить те страшные (уже опубликованные) документы о "бурной деятельности" Н. С. Хрущева, которые можно найти в архивах Старой площади и в разных "особых папках", Иосиф Давыдович убедился бы, что "хрущевская поднятая целина" означала для страны экономическую и экологическую катастрофу, закончившуюся расстрелом голодного Новочеркасска. Хрущевское откровение о своей находчивости при спасении лучших людей Москвы можно было бы считать гениальным шагом, если бы оно соответствовало действительности, а не вызывало сомнений из- за того страшного хрущевского послания Сталину, которое 19 ноября 2002 года обнародовала "Комсомольская правда", а именно: "10 июля 1937 года Политбюро рассмотрело и утвердило 12 заявок (о создании

внесудебных "троек", причем, с указанием, по личной инициативе авторов заявок, желательных масштабов репрессий), которые пришли первыми. Только за один этот день было дано разрешение подвергнуть репрессиям почти 100 тысяч человек. Причем, примерно половина пришлась на Московскую область, далеко не самую большую. В образованную здесь "тройку" вошел, прежде всего, первый секретарь Московского обкома партии Н. С. Хрущев. Рядом с его подписью везде подпись Реденса — начальника НКВД по Московской области. Хрущев и Реденс по собственной инициативе представили следующую заявку-запрос в Политбюро: "К расстрелу: кулаков — 2 тысячи, уголовников — 6,5 тысячи; к высылке: кулаков — 5869, уголовников — 26936". Вот так Хрущев "спасал" Москву и Подмосковье от репрессий!

Что же касается роли Хрущева в "карибском кризисе", то именно его непоследовательное поведение, по признанию самого Хрущева, которое передал мне бывший председатель КГБ Семичастный, едва не довело планету до третьей мировой войны. Всего этого обладатель знаменитого голоса XX века не мог знать тогда и, к сожалению, не имеет возможности знать до сих пор. Но, к счастью, как я понимаю, с горечью осознает это и стремится избавиться от этого.)

ГАЛЯ БРЕЖНЕВА

…Со следующим советским царем Леонидом Ильичем Брежневым встречи у меня были намного интереснее. Их было очень много, но есть запомнившиеся особо. Был такой конферансье Эмиль Радов. У него мне довелось познакомиться с дочерью Брежнева Галей. Семья Радовых вообще любила принимать именитых гостей. У них устраивались многие важные знакомства того времени. Радовы держали салон или, как тогда говорили, "варили салон". Кстати, со своей Нелей я тоже познакомился в доме у Радовых…

- А вы сразу влюбились в Нелю Михайловну или, так сказать, долго присматривались? — уходя от темы, спрашиваю я.

- Сразу. Абсолютно, — улыбается, что- то вспомнив, Кобзон.

- А то я написал, — продолжаю я, — "мало- помалу", а мне Неля Михайловна говорит: "Да вы что… "мало-помалу"? Он сразу, уже через три дня, готов был сделать мне предложение".

Абсолютная правда. Оно было такое выстраданное, потому что после расставания с Гурченко… Людмилой Марковной я был в неопределенном тяжелом депрессивном состоянии. Скороспелые неутешительные романы шли у меня один за другим. У меня был роман с Ксенией Рябинкиной, с Наташей Варлей, еще с кем-то… Но все это было на какой-то непостоянной основе. И когда вдруг я увидел Нелю, понял, что она та, которую я совершенно спокойно могу привести к маме. Мама моя очень переживала, что сыну скоро 33, а он все никак не определится. Встретив Нелю, я понял, что поиски мои закончились навсегда… Однако до Нели было знакомство с Галей Брежневой.

Как-то днем летом 68-го года Галя позвонила мне и говорит "Зная твое пристрастие к пиву (а я и до сих пор кроме пива почти ничего не пью), давай, — говорит, — пойдем в Парк Горького". Там в то время было, чуть ли не единственное место, где можно было попить вкусное пиво со шпикачками. Чешский такой пивной ресторанчик был. Ну, пошли. Когда, так сказать, пивка попили, Галя мне говорит (а она, кроме пива, еще кое-что пила): "Слушай, проводи меня, пожалуйста, домой. Сейчас за мной машина приедет…"

- В молодости Галя симпатичная была? — интересуюсь я. — А то, когда в конце 80-х я встретил ее в ЦДЛ после "литературного ресторана", она выглядела уже грубой, обрюзгшей, спившейся бабой.

- Когда мы познакомились, она была в хорошей форме, заметно похудевшая. Но главное — она была очень добрым

человеком, и поэтому ее все любили.

- Но выпить она уже тогда любила, да?

- Нет. Чурбанова, ее будущего мужа, с которым она тоже у Радовых познакомилась, еще и в помине не было, — загадочно отвечает Кобзон и продолжает. — Галя попросила проводить ее домой. И я поехал к ней на Рублевку, где была дача Брежнева. Доехали мы до ворот. Я говорю: "Ну, все. До встречи. Меня довезут назад, до Москвы?" А Галя мне: "Ну, проводи меня в дом, что ты боишься?" Я говорю: "Не боюсь. Просто неудобно". Она: "Удобно". И мы с ней пошли. Заходим в ее комнату. Галя включает магнитофон, тогда это была еще редкость. Сидим мы с ней, слушаем музыку. Вдруг открывается дверь. Без стука. И входит сам. Ну, я до этого так близко его не видел. Конечно, вскочил. Он посмотрел на меня: "О! По-моему, Кобзон у нас в гостях?" Галя говорит: "Да, папа, Кобзон!" Он говорит: "Ну, хорошо". А я, как вскочил, так и стою, словно шпагу проглотил. Членом партии я тогда еще не был, но генетика-то у меня советская…

Короче, Брежнев говорит: "Зайди ко мне, Галя". Когда она вернулась, я ей: "Добилась того, чего хотела?" А она: "Ты чего? Такой трусливый, что ли?"

- Галя, — говорю я ей, — просто ты в других измерениях живешь. Я совсем не трусливый, но… пойми меня правильно… я не хотел бы подвергаться ненужным разбирательствам.

- Да не волнуйся ты! Отец — нормальный мужик. Все будет нормально.

- Ну, ладно… пора ехать, — говорю, хотя на часах только около семи вечера. А Галя, хотя и не пьяная, но уже слегка выпивши, была,

- …Это она как раз после развода была? — уточняю я.

- Да какой развод?! Она еще не была с Урбановым…

- А вы знаете, что мне Семичастный рассказывал? — не соглашаюсь я. — Рассказывал, что Галя с кем-то там тайно вступила в брак, и поэтому ей пришлось развестись…

- А! — неожиданно вспоминает Кобзон. — Это, наверное, после развода с артистом Милаевым. Я его хорошо знал. Как-то даже в концертной программе вместе работали.

- Нет, — опять возражаю я. — Это история была у нее с Игорем Кио.

- А-а-а… Точно. Это с Кио было, — соглашается Кобзон. — Когда они в Москве поженились и поехали…

- …В Одессу, — продолжаю я. — Там у них сотрудники КГБ изъяли паспорта и вывели штампы о браке… да так, что никакая экспертиза не установит. Так мне Самичастный рассказывал…

- Не-е-ет. Прилетели они в Сочи и поселились в цирковой гостинице. А вслед за ними тут же прилетел самолет с работниками в штатском, которые зашли к ним в номер и потребовали у них паспорта Игоря Кио строго предупредили. Дескать, если что-нибудь подобное повторится, с ним будет другой разговор. Документы забрали, Галя стала возмущаться: "Как вы смеете? Буду жаловаться отцу…" А они в ответ: "Вот мы и выполняем поручение вашего отца. Так что можете жаловаться кому угодно…" В итоге, выдали новые паспорта. И на этом дело кончилось. Так сказать, "кавказская пленница" не состоялась.

- А мне Семичастный говорил, что ему доложили, что штампы о браке из паспортов вывели.

- Нет-нет. Конечно, царство ему небесное, но пусть он не сочиняет… — после небольшой паузы, как бы восстанавливая в памяти, что было дальше, Кобзон говорит, — по дороге от Гали товарищ, который на спецмашине вез меня домой на проспект Мира, сказал: "Иосиф, послушай моего совета. Забудь, пожалуйста, этот адрес. Тебе же лучше будет". Я говорю: "Хорошо, спасибо". И неприятный холод прошел по всему моему телу. Хоть и был я еще довольно "зеленый пацан", однако уже вполне осознавал, что я ей не могу быть парой. Кто я? Еврей… да еще безродный…

- Извините, — перебил я, — но ведь и Виктория Петровна, супруга Леонида Ильича, тоже была еврейкой…

- Ну и что, что она была еврейкой? Они поженились, когда были еще молодыми людьми. А попробовал бы он жениться на ней, когда стал генсеком… Кто бы ему дал это сделать? Вот так закончился мой неожиданный визит в дом Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева…

Много позже, когда Галя пришла в дом Радовых уже с Чурбановым, как-то получилось, что того рядом не было, и она с какой-то обидой, что ли, словно не очень была довольна моим поведением тогда, бросила упрек, что не думала, что я такой трусливый. Она не могла, да и не хотела понять, что подобные советы просто так не давались.

- Вы знаете, Иосиф Давыдович, вы зря думаете, что с вами поступили так, потому что вы еврей. Я со многими поклонниками детей высокопоставленных лиц разговаривал, и всех их предупреждали, независимо от национальности. Я учился в МГУ на одном курсе с Леной Мазуровой. Отец у нее, как вы знаете, был членом Политбюро. И вот ребята, которые пытались к Лене "клинья подбивать", рассказывали, как их предупреждали: дескать, нам бы не хотелось, чтобы у вас были проблемы. На этом все кончалось. Так что вы не думайте, что это касалось только

евреев.

- Я не думаю. Я это по себе знаю… Ну да ладно. Дело прошлое. А тогда наш разговор с Галей закончился тем, что я сказал ей: "Галя, тебе все это сложно объяснить. К тому же я женат. И те, кому надо, это знают…" Я отлично понимал: каким может быть представлен мой моральный облик, тем более что моей женой была тогда Людмила Марковна Гурченко. И они с Галей очень дружили. Были очень близкие подруги…

Кстати, здесь самое место рассказать поподробнее о том, как и что у меня было с Люсей… Прошу прощения, с Людмилой Марковной Гурченко!

Как-то я был на гастролях в Куйбышеве. (Теперь это опять Самара.) И ко мне прилетела Людмила Гурченко. Мы жили тогда вместе, но расписаны не были: как-то все времени не хватало, да и не считали это обязательным. И вот после ужина в ресторане, в первом часу ночи поднимаемся ко мне в гостиничный номер (кажется, это была гостиница "Центральная"), а дежурная нас не пускает. Я говорю: "Я — Кобзон". Она говорит: "Вижу". "А это, — говорю, — Людмила Гурченко, известная киноактриса, моя жена". "Знаю, — говорит, — что актриса, но что жена — в паспорте отметки нет. В один номер не пущу. Пусть снимает отдельный и там живет". Смотрю, у Людмилы Марковны истерика начинается, слезы ручьем Что делать? Звоню среди ночи домой директору филармонии Марку Викторовичу Блюмину: так, мол, и так, извините, едем в аэропорт, гастроли придется отменить. Он выслушал: "Приезжайте ко мне". Переночевали у него. Утром, после кофе, он везет нас в филармонию, ведет к себе в кабинет, а там уже ждут — дама из загса, свидетели и все такое. Так он нас с Людмилой Марковной и поженил. А через два года мы расстались.

Люсю я всегда вспоминаю с большой благодарностью, потому что считаю, что за короткий период нашей совместной жизни я получил от нее много хорошего. Гурченко — человек талантливый и, как женщина, извините за подробности, не похожа ни на кого. Она индивидуальна во всем… Но невозможно было нам вместе находиться, потому что, кроме влечения, кроме любви, существует жизнь. К тому времени мои мама, отец и сестра переехали в Москву и жили в моей квартире на проспекте Мира, а я — у Люси. Она никак не хотела общаться с моими родителями. Конечно, не это послужило главной причиной развода. Думаю, были бы у нас общие творческие интересы или совместные дети (у нее уже была дочь Маша, очаровательная девочка), то… А так, она уезжала на съемки, я — на гастроли. "Добрые люди" доносили о каких-то дорожных приключениях,

увлечениях, романах. Это вызывало раздражение с обеих сторон. Но если абстрагироваться от каких-то жизненных мелочей, то по большому счету я очень благодарен судьбе за то, что по ней так широко прошла личность Людмилы Марковны.

Мы с ней, к сожалению, до сих пор не общаемся. Не по моей вине. Я готов был поддерживать интеллигентные отношения, но не нашел понимания. Я продолжаю тупо кланяться при встречах, мне не отвечают. Однажды это вызвало бурную реакцию: "Ненавижу!" "Значит, любишь…" — повернулся и пошел…

А вообще я не безгрешен. Я человек вспыльчивый, часто оскорблял людей. Женился я трижды и разводился некрасиво… У Гамзатова есть строки: "Обижал я тех, кого любил. Милая, прости мне прегрешенья…"

ТАЙНА ЖЕНЫ

23 октября 2002 года террористы захватили заложников в Театральном центре на Дубровке. С боевиками-смертниками невозможно было договориться, но несколько человек попытались сделать это. Среди них первым был Иосиф Кобзон, который вывел из здания группу детей и беременную женщину. Семья артиста, как и все, не отходила от телевизоров, боясь даже подумать, чем все это может закончиться. И только жена певца Неля не в состоянии была следить за происходящим. Она просто ждала… Вспоминая, как это было, начну с рассказа о ней, о Неле Кобзон.

Мадонна белых ночей

Бывают женщины, про которых говорят: она уже немолодая, но какая красивая! Такие женщины красивы всегда. Как в природе не только весна, но и зима может быть такой, что глаз не оторвешь, так и женщина — лучшее ее творение — в любом возрасте быть может прекрасной. Примером — Нинон де Ланкло, пушкинская Натали или Галина Вишневская… Много женщин. Но мало, о ком хотел написать.

…Она, кажется, делала все, чтобы скрывать свою красоту. Ее повседневная одежда нередко напоминала крипленовые изделия середины 70-х. Обувь нередко была невыразительна или казалась не идущей ей, а может быть, даже очень несовременной. Бывало, очень задумчивая, двигалась она напряженно и, несколько наклонившись вперед. Но как преображалась она, стоило ей заняться делом. Мигом исчезало все, что делало ее незаметной, и, словно вырвавшись из-под этой напускной непривлекательности, открывалась редкая красота. Откуда ни возьмись, появлялись другие одежды, и она становилась не то, что достойной, а быть может, своими нарядами даже превосходила одетого всегда по-новому и с аристократическим вкусом супруга. Обнаруживалась классическая женщина.

…Итак, я видел ее в деле, когда организовывала она театрализованный тысяче людный юбилей своего именитого мужа. Ее спокойный, хорошо поставленный, умеющий властвовать голос распоряжался точно, расчетливо, без суеты. А потом, когда была она хозяйкой двух столичных приемов высшего разряда, увидел я повелительницу вечеров богемы, увидел ночное солнце Москвы перед очередью желавших засвидетельствовать ей свое почтение. Ее улыбка очаровывала и раскрепощала. При ней

не было надобности рисоваться.

Встречаясь даже со знаменитостями первой величины, я еще никогда не писал таких слов.

С каким восторгом писал о Чуриковой и Пугачевой! Они тоже прекрасны, но эта женщина прекрасна именно своей красотой. И хотя неумолимое время берет свое, она все равно прекрасна.

Наблюдая за ней, думал: красота ее не знала или почти не знала соперниц. По прошествии нескольких дней вдруг стало очевидным, почему такой модный художник, как Никас Сафронов сказал мне: "Когда я очнулся после автокатастрофы, первое, что пришло в голову, это была мысль нарисовать Нелю. Я понял, что не имею права умереть, не сделав это. Я, дорогой элитный мастер, еще бы и заплатил, только бы Бог дал мне возможность сделать ее портрет". Это сказал Никас. Он сказал о ее красоте, а я хочу сказать о ее умении создавать красоту.

Где я только не был! Чего только не видел! Но таких роскошных, до мелочей отделанных комнат, как у Нели, не встречал. Помню, как поразила меня в Париже зеркально-малахитовая гостиная любовницы. Де Голля, а потом в гостях у князя Морузи, из-за прапрадеда которого, говорят, Россия вступила в войну с Наполеоном, на меня произвел впечатление русский царский стиль. Было ощущение, что князь просто выкрал часть Эрмитажа и поместил его в своем доме. Теперь немало людей имеют большие деньги, но распорядиться ими, чтобы все ценное объединялось в одно целое так, чтобы составляло красоту, могут немногие. Неля может. Мои глаза видели размах и убранство владений европейских миллионеров. Однако мало что из виденного способно сравниться с гостиной Нели Кобзон. Кажется, все самое добротное, дорогое и красивое из лучших магазинов видавшей виды Европы, естественно собралось в комнатах этой неожиданной, живущей контрастами женщины-аристократки. Быть рядом с нею почел бы за честь любой знающий себе цену мужчина.

Законодательница столичных вечеров, словно только что сошедшая со своего трона, она сказала мне: "Ах, Николай, пойдемте, я покажу вам нашу квартиру". Она сказала именно так, хотя в тот перегруженный встречами вечер ей больше бы подошло сказать: "Ах, Николай, и откуда вы свалились на мою голову?" Но она сказала то, что сказала. И мы отправились в экскурсию по будущему музею с красноречивым названием "Квартира И. Д. Кобзона". Однако мне больше хотелось слушать и смотреть не то, что сделали лучшие мастера мира, а то, что появилось на свет благодаря маме и папе Нелички Дризиной. Так звали ее до замужества.

…20-летней девчонкой, красивая и неожиданная, как ранняя весна, попала она из белых ночей Ленинграда в самое варево модных в ту пору московских салонов и… как первая майская гроза всегда производит впечатление ночной молнией на все небо, она его не оставила равнодушным. Сразу с ним произошло то, что на столичном жаргоне называли тогда словом "запал"… Он "запал" на нее. И "запал", как оказалось, на всю оставшуюся жизнь. Так она стала Нелей Иосифа… Я знаю, что пишу, ибо я, как мало кто, видел и знал по-настоящему красивых женщин.

Иногда так хочется затеряться среди людей

- Давайте, я буду кормить вас сама, — сказала она, — а то… у нашей молодой работницы вдруг все начнет валиться из рук при виде такого мужчины, — произнесла комплимент ироничная Неля. И тут же распрямилась, как птица расправила крылья, глаза заискрились, улыбка засветилась, и она начала почти летать, накрывая на стол.

- Ну что Вы, я пришел сюда не кушать, а слушать… Вас, — отвечал я. — Но, если, чтобы услышать Ваш рассказ, придется что-то съесть, я готов жертвовать фигурой.

Неля вся набегу… То — то, то — это. И все нужно. И все сейчас. И немедленно. Вдруг говорит: "С минуты на минуту будет художник, чтобы продолжить мой портрет, а я так сегодня набегалась и так устала, что лица на мне нет". Я взглядываю на нее. И вправду: сегодня она бледна больше обычного. Раздается звонок. Это значит, что художник уже пришел и ждет в гостиной. Мы находимся в столовой. И вдруг она говорит: "Послушайте! Я не знаю, что мне делать. Я не могу выйти к нему в таком виде. Вы не обидитесь… если я прямо здесь слегка наведу румянец? Потому что в другие комнаты отсюда не попасть так, чтобы не пройти мимо гостиной… и не испортить настрой ждущему там художнику".

- Что Вы? Напротив. Мне это даже интересно.

Она стреляет глазами и быстро, несколькими мазками, наносит на… и без того приятное лицо — легкий розовый цвет. Все! Она неотразима… Я улыбаюсь. Она лукаво подмигивает. И уходит к художнику.

Пока пью кофе и делаю записи в записной книжке, они занимаются подготовкой к портрету. "Доносятся" отблески и звуки фотовспышек. Это заявляет о себе новая технология живописи…

В ожиданиях начинаю размышлять над сказанным ею до

этого.

"…Кобзону со мной повезло. Я весь дом на себе тащу. Все, что здесь сделано, это я. Он только оценивает. И разгоны мне устраивает. Ого… Вы его еще плохо знаете! Я только "летаю" из угла в угол от его разгонов. Наверное, весь дом чувствует, когда он появляется и начинает наводить порядок. Шучу, конечно, но… Иосиф такой человек, что от его глаз ничего не скроется… Он так порядок любит… И я, в этом смысле, незаменимая. Ну, кто бы еще смог все это хозяйство поддерживать в полном соответствии с его взглядами?

- Да за такие деньги, — безапелляционно не соглашаюсь я, — сотня исполнителей найдется. И не хуже. Дело в другом. Он как-то, когда у него крик души был, сказал мне, что "после страшной болезни, едва не закончившейся для меня смертью, я понял, что Неля для меня все! Песни и Неля!" Для него ваша душа незаменима. Ваша верность на все случаи жизни! А вы… про хозяйство. Домохозяек много… нанять можно. А душу не купишь!

- Это он вам, правда, сказал? Это вы не сочиняете? — не верит Неля. И сразу становится такой серьезной и красивой, какой я ее еще никогда не видел. Происходит то, что называется: остановись, мгновение, ты прекрасно! Я мысленно говорю себе: "Невская красавица. Мадонна белых ночей".

…Она может делать несколько дел сразу. Это я, если погонюсь за двумя зайцами, точно ни одного не поймаю. А она одной рукой что-то раскладывает на блюдо, другой, поглядывая то на плиту, то на включенный телевизор, помешивает содержимое блестящей кастрюли, и тут же говорит в прижатую плечом к уху телефонную трубку: "Адочка! Ну, Мулерман… Не вышло с концертными гастролями в "России", так он по Москве с телегастролями ездит с канала на канал… И все, чтобы обиду высказать: какой нехороший Кобзон, потому что Кобзон не хочет с ним мириться. А чего мириться? Когда он столько кляуз на Иосифа распространил, да еще первую жену увел… А мириться, зачем захотел, знаешь? Да, скорее всего, затем, чтобы потом Иосиф помог ему устроить концертную деятельность. Он до того уже на нуль в своей Америке сел, что вынужден по ночам таксистом подрабатывать. Если ты народный артист России, надо было выступать перед своим народом, а не за долларами в Америку лететь. Надо было тогда петь, когда здесь все было в развале, а не сейчас проситься на все готовенькое. Плакаться и ныть — это не по-мужски… А Иосиф просто не хочет вспоминать прошлые обиды. Он — не мелочный… Ну ладно, Адочка, перезвоню. Мне гостей кормить надо. У меня в гостях двое таких мужчин! Писатель и художник…"

- Да, Николай, чувствую, не дадут нам слова сказать. Сплошные звонки и посетители, хоть в кафе какое-нибудь уезжай, чтобы среди людей затеряться. Там, наверное, только и можно спокойно поговорить.

Раз — два и… картошка готова

…Мы находимся в удивительно светлой огромной кухне. Света в ней больше, чем обычно потому, что две стены из четырех почти целиком из стекла. Готовимся сесть за стол, когда в дверях появляется высокий исхудавший человек с лицом иконописца. Знакомимся.

- Я тоже Николай, но меня все зовут Никас, — тихим голосом говорит художник. — Мне Неля Михайловна про вас столько рассказывала, что я просто рад познакомиться. Я хочу подарить вам свой лучший альбом, который признали в Европе…" (Позже, когда мы сойдемся в разговорной схватке и поймем, что нам действительно, несмотря на очень разное видение мира, есть что сказать друг другу, Никас уже у себя дома подпишет мне этот альбом словами: "Николаю — в знак начавшейся дружбы…" Но это произойдет позже, а пока… Пока мы садимся за стол.) Никасу все еще тяжело двигаться. Перед тем, как сесть, он задирает свитер и показывает мне белую металлопластмассовую конструкцию для восстановления позвоночника после автокатастрофы…

- Он удачливый художник, но, — как говорит Неля, — переживает "общественное одиночество", потому что у него нет своей Нели. Вот уже лет десять, как мы поддерживаем отношения, а он все никак не может найти свою судьбу…

А перед этим Неля скажет: "Вы человек умный, но я ведь тоже не дурочка, чтобы то особенное и личное, что собираюсь когда-нибудь описать сама, выложить на блюдечке вам, Николай. Давайте уж ограничимся тем, что я подам вам блюдо… Рыбное ассорти. От него вы не поправитесь.

Я соглашаюсь съесть разные закуски и приготовленный ею суп при условии, что в следующий раз буду, есть только в том случае, если она, как и обещала, от и до покажет мне, как умеет варить любимый борщ Иосифа Давыдовича Неля смеется и соглашается.

- А еще, — говорю я, — я хотел бы посмотреть, как Кобзон сам себе картошку жарит…

- Да я вам лучше расскажу, — перебивает Неля. — Все начинается со слов: "Наташа! (это наша помощница), я хочу

поджарить себе картошку… Начисть! Так, Наташа, а теперь нарежь… И сало нарежь. Не-ля! Я хочу поджарить себе картошку… Где сковородка? Так, поставь на плиту! Не-ля, а где соль? Посоли. Так… Вот теперь можно жарить". (Только начинает помешивать — телефон. Домешиваем я или Наташа. Он только приходит и говорит: "Вот, раз-два и картошка готова!" А то и вообще не приходит… Куда-то срочно вызывают, и он уезжает… И стоит она, остывает…) Вообще… он такой избалованный. Возвращается обычно поздно. Часто голодный. Холодильник забит едой. А он опорожнит вот эту миску с сухариками, и все. Ну, еще запьет чем-нибудь, если что под руку подвернется. А нет… так и ляжет спать на-сухую. Нет, чтобы в холодильник или в кастрюли заглянуть. Избалованный…

- А может быть, не избалованный, а просто дорожит сном своей Нели и не лезет в те дела, в которых не он хозяин, — возражаю я.

- Ну не знаю… По-моему, это уже слишком… Когда хочется, есть, ограничиваться только тем, что осталось на столе, и даже не заглянуть в холодильник. Избалованный…

- Нет. Не избалованный, — настаиваю я, вспоминая, что и сам часто поступаю так же.

- Нет, избалованный, — возмущается Неля, — в конце концов, кто его лучше знает, вы или я?

- Знать-то знаете, да не все хотите понять, — стою я на своем.

- А может, и не избалованный и то, что он делает, надо назвать другим словом, которое я сразу и не подберу, — почти соглашается Неля. Когда позже я показал ей запись этих слов, Неля с недоумением посмотрела на меня: "Разве я могла такое сказать, если никогда не ложусь спать, пока не дождусь Иосифа, чтобы покормить его?!"

…Сидим с Кобзоном (это уже в другой раз), разговариваем про советские эстрадные времена. С нами за столом Неля. Изредка пригубляя легкое вино, слушает наш разговор и вздыхает. Красивой женщине скушно…

Я спрашиваю: "Тогда "левые" концерты были?" Кобзон что-то вспоминает и думает, что сказать. Не успевает ответить, как Неля опережает его: "Были. Были. Конечно, были…"

- Неля, не мешай нам, — просит Кобзон.

- А я буду мешать, — нарочито по-детски прерывает его Неля. Красивой женщине скушно. Ее настроение не меняет даже французское вино. Да… Она такая: то предельно серьезная и жесткая, то, как прелестный непослушный ребенок.

Красивой женщине все можно… И почти все от нее — в радость!

Посмотрите на мои руки!

…Помню, я, Никас и Неля заговорили про лень. "А я была какая ленивая! Ленивая-ленивая была, пока не встретила Иосифа. Это он сделал меня такой деловой, — смеется Неля. — Знаете, как он меня от лени отучил? Нет, не скажу. Лучше опишу сама. Да Иосиф создал меня. И я создала его… в какой-то мере. Ведь он уже и до меня был личностью. И все-таки я чувствую, что стала для него энергетическим донором. Я даже физически ощущаю, когда отдаю ему свою энергию. И он берет ее и очень злится, когда я не хочу отдавать. Не хочу потому, что уже знаю, когда она может оказаться для него лишней, когда он может с головой броситься в дело, о котором потом станет сожалеть…" Когда я согласовывал с ней эти слова, она заметила "Знаете, писать про это не надо. Потому что здесь что- то не так…" А как надо, чтобы было так, она толком ничего не сказала

Между тем наш разговор продолжался.

- Нет, какая же я ленивая? — вдруг опять вернулась к началу своих рассуждений Неля. — Я фактически сама вырастила сына и дочь. Да посмотрите же, наконец, на мои руки! Ну, разве я белоручка?" И смеется. Смеется вовсю. Красивой женщине весело…

Однажды вечером приезжаю в концертный зал "Россия". Кобзон уже там. Репетирует новую песню. Потом, если будет время, обещает рассказать, что чувствовал, когда первым шел на переговоры к чеченским террористам, сделавшим заложниками почти тысячу зрителей мюзикла "Норд-Ост"…

Только пробил час, и я приготовился узнать то, чего никогда бы не узнали другие, дверь в гримерную распахнулась. На пороге стояла сияющая и ничего не знающая о моих планах Неля. Она сияла так, что я сразу забыл, что на улице жуткий пасмурный день, да и вообще… наступил вечер. Да и про дело забыл… Была она в таких неожиданных старомодных нарядах, впрочем, удивительно идущих ей, что я не мог оторвать глаз. От нее. А она сразу заговорила, явно осознавая, что такая женщина не может помешать никакому делу.

- Ну что, Иосиф, тебе нравится, как я одета?

- Как 30 лет назад…

- Ты угадал… И знаешь почему? Мода опять сделала неожиданный крутой поворот. Знающие люди сообщили мне, что срочно приобретают в свои гардеробы ретро-модели 60-70-х годов. Пошить их стоит больших денег, а если это оригиналы тех лет, то они вообще оцениваются в бешеные суммы. Я же никогда и ничего не выбрасывала. И вот как это оказалось кстати. Тем

более что все хорошо сохранилось. Видишь, как дешево обходятся тебе мои наряды?

- Слава Богу! Тем более, если этот крутой поворот последовательно будет продолжаться 30 лет. У тебя же действительно столько в шкафах этого, почти не ношенного, добра! Сколько денег сэкономим…

- Нет, Иосиф, не сэкономим. Надо в антикварном купить в твой кабинет два кресла с лирами и… кое-что еще.

- Покупай! Я же вчера оставил тебе на тумбочке у кровати всю получку…

- Ах, Иосиф, я уже купила на нее люстру. Так что, нужны денюжки. Еще!

- Неля! Есть ли такая сумма, после которой ты бы не сказала "еще"? Короче, я тебя понял… Но денег сейчас дать не могу.

- Ну и ладно. Буду ждать, когда сможешь. Только ты не заставляй слишком ждать, если не хочешь снова услышать слово "еще"… Неля уходит.

…У Нели есть подруга. Телеведущая. Увидела у Нели платье. Говорит: "Невиданное… Дай на один день!" И вот Неля в нерешительности: и подруге отказывать не хочется, и платье не может дать. Ведь та "засветит" его на весь бывший Союз. Как ей, Неле, потом надевать его, если одно оно такое на весь белый свет? "Не дать — дать, не дать — дать, не дать???" Где ты, ромашка моя…

Другой случай. Совершенно неожиданно я попадаю на званый семейный праздничный ужин. Мне повезло. Мое место оказывается рядом с… на редкость информированной в "звездных делах" дамой. Еще бы! Это вдова самого Бориса Брунова, так сказать, доктора эстрадных наук. Мария Васильевна — говорящая энциклопедия. Да и вообще — величественная женщина. Разговорились. В какой-то момент, как бы, между прочим, спрашиваю о Неле. И слышу: "Неля? О-о-о… Неля! Вы думаете, что она только красивая. Да у нее не голова, а синагога".

И здесь на память мне приходит откровение Кобзона "Когда после расставания с Гурченко у меня случился затяжной и тяжелый кризис, из которого я никак не мог выбраться, рядом появилась Неля и… вывела меня из того страшного, казалось, безвыходного состояния!"

Террористы и Кобзон

Итак, Неля ушла Чтобы узнать о ней больше и одновременно услышать сугубо личное о встречах с террористами, спросил: "А

как Неля реагировала на все эти ваши, Иосиф Давыдович, походы(?)… к тем, кто объявил вам: "Мы хотим умереть больше, чем вы жить хотите!" Кобзон вздохнул…

- О том, что случилось на мюзикле "Норд-Ост", дошло до меня только утром, — выдохнул Кобзон. — И я, как мало кто изучивший особенности мусульман-горцев, решился идти к ним на переговоры. Но об этом никому не сказал. Даже Неля моя о том, что я наметил, понятия не имела. И ни с кем из домашних не посоветовался. Зачем было напрягать их раньше времени?

- Вы чувствовали, когда стояли перед направленными на вас автоматами, что, быть может, идет ваша последняя минута?

- Знаете, не лукавя, говорю вам я прожил большую жизнь. И если бы даже случилась беда, для меня бы это было нормально, потому что я уже не первый раз делаю это. Вы что думаете, в обстреливаемом самолете лететь в Афганистан было легче? И для Нели моей это было нормально, потому что и Неля моя со мною летела работать в концертах для наших солдат и офицеров. Все нормально, если вообще что-то, связанное с войной, можно называть нормальным. Поэтому даже сомнений у меня не было, что я должен быть там, где несчастные террористы-смертники угрожали невинным заложникам. Да- да. Несчастные террористы, потому что они тоже были наши граждане. А сделали их такими те, кто развалил Советский Союз. Говорят же соседи Бараева по дому, что в советские времена был он хорошим мальчиком. И скорее всего, стал бы хорошим нефтяником. И приезжал бы в Москву не взрывать невинных людей, а получать высокие награды за хороший труд на благо всего советского народа… Поэтому мне жалко их, молодых… Да что там молодых… совсем юных ребят-террористов. Их жизни, как и все наши, искалечил развал Союза…

Сомнений не было, что я должен быть там, где начиналась эта трагедия. И я поехал туда сразу, как только ранним утром услышал страшное сообщение. Уже утром я был там.

…Я подумал: я знаю этот народ и могу там понадобиться, потому что и он знает меня. И мы можем попытаться найти общий язык. Так отчасти и вышло…

Когда уходил из дома, ни с кем не прощался. Ни с детьми, ни с Нелей. Даже в мыслях… Я не сомневался, что все будет нормально. Не смотрел на близких так, словно вижу в последний раз. И не хотел смотреть. И когда шел — не оглядывался. Не обращал внимания на телекамеры и на все остальное…

А когда во второй раз отправился туда с Хакамадой, скажу честно, был у меня немножечко мандраж какой-то. Потому что не знал, как они отнесутся к ней? Вдруг возьмут да захватят

женщину-депутата в заложники. Скажут: "Хотите, чтобы выпустили женщин? Что ж, пусть вместо них Хакамада побудет…" И что получится? Я(!) завел ее туда, чтобы сделать заложницей? Меня они не возьмут, а вот женщину могут захотеть… Не приведи, Господь!

- А потом Неля Михайловна вам выговор делала?

- Ничего она не делала. Она прекрасно понимала, что меня в таких случаях остановить нельзя. Она-то знает, что я привык как-то проявлять себя по жизни. В окопах невозможно все время сидеть. Когда-то все равно придется вставать, даже если духу не хватит!

- А как дочь ваша, как Наташа реагировала?

- Дочка сказала: "Папа, я горжусь тобой!" Они очень волновались — Неля, теща и дочь. И держали между собою связь. Такой треугольник женский. И сообщали друг другу: еще не вышел. Им особо мучительно было ждать моего выхода… Нелька не может смотреть на подобные вещи. Она отворачивается от экрана, когда показывают какие-то события на грани… Поэтому только ждала. И ничего не смотрела. И ничего не слушала, И лишь когда теща сказала Наташке: "Все! Вышел! Ура!" — дочка сказала: "Мама, он вышел…"

- А как они вас потом встретили дома?

- Не было никакого ажиотажа. Ни поцелуев. Ни объятий. Честно скажу… Только смотрели они на меня во все глаза, хотя не были удивлены этим моим поступком Особенно Неля. И никаких слез на глазах у нее не было. Ничего не было. Только и сказала, что ей "теперь звонят со всего мира, как будто не ты, а я ходила освобождать заложников".

Поймите меня правильно, не для моих близких, ни тем более для меня это не выглядело каким-то подвигом. Для всех, кто знает меня, это было нормально. И напротив, было бы ненормально, если бы я туда не пошел… Так что не надо делать из меня героя! Просто в советское время нас всех учили поступать только так. И Неля тоже такая.

Загадочная женщина. Впечатление, что свет исходит от нее даже днем. Во всяком случае, в ее присутствии светлее. Есть женщины-планеты, которые притягивают и поглощают энергию. Есть женщины-звезды, которые излучают и отдают энергию, как Солнце. В жизни людей все, как в Космосе. До нас недаром "свет угасших звезд доходит". И НЛО — непознанный любимый образ…

Незабываемые земные звезды!!! Нефертити, Сафо, Мария, Суламифь, Лаура, Беатриче, Натали, Любовь… Только кто разберет, кто из них — звезда, а кто — планета, и когда звезды

становятся планетами, а планеты — звездами???

Итак, в чем тайна жены Кобзона? Тайна в том, что она счастливая… но не потому, что красивая, а потому, что она — его настоящая жена. Недаром сказано: "Да прилепится жена к мужу своему".

ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ ИОСИФА КОБЗОНА С ФРЭНКОМ СИНАТРОЙ

Конечно, разговоры о женщинах мне никогда не надоедали, но была тема, которую я не мог не затронуть, и, что называется, ни с того, ни сего спросил: "Иосиф Давыдович! Что это за слухи ходят… о каких-то договоренностях Кобзона с Фрэнком Синатрой — главным певцом Соединенных Штатов Америки и… по совместительству… якобы тайным идеологом американской мафии? Вы могли бы сказать, что имело место на самом деле? Очень хотелось бы знать истинную историю отношений Иосифа Кобзона с этим человеком именно в Вашем изложении".

А почему нет? В 1988 году я стал народным депутатом СССР от профсоюзов. Это позволило мне довольно часто и очень интересно общаться с Горбачевым. И не только с ним, но и с Раисой Максимовной. В то время я очень много ездил в Америку. В один из моих приездов в Америку ко мне обратился импресарио Фрэнка Синатры и сказал, что, завершая свою песенную карьеру, Фрэнк Синатра хотел бы приехать с концертом в Советский Союз. Я ответил; "Что ж, замечательно. Я люблю этого певца. Но что для этого нужно?" Импресарио сказал, что Фрэнк Синатра может приехать только по приглашению первого лица государства. После чего я пришел к нашему тогдашнему первому лицу, Горбачеву Михаилу Сергеевичу, и только хотел с ним заговорить о сделанном предложении, как он опередил меня: "А ты знаешь, сколько я тебя знаю? (Горбачев был, как всегда, по-партийному фамильярен.)"

Я говорю: "Ну… не знаю, Михаил Сергеевич, наверное, с той поры, как меня стали показывать по телевидению?"

- Да не по телевидению, — говорит Горбачев. — Я был у тебя на концерте в Ставрополе, а потом был у тебя за кулисами. Вспомни! А вообще я знаю тебя еще раньше. Если иметь в виду телевидение, то помню, как ты еще с Кохно пел: "На то нам юность дана…" И вдруг спел, целую фразу. Меня это так растрогало. Между тем, говорю ему: "А я к вам по делу. Есть такой Фрэнк Синатра…" И Горбачев опять решил показать свои познания в песенном мире: "Это, — говорит, — тот, который поет тара-ра-рара-тара…" Я говорю: "Да-да. Именно этот". Он говорит: "Ну и что?" Я говорю: "Я разговаривал с его импресарио, который сказал, что Фрэнк Синатра готов к нам приехать". Горбачев:

"Так… А нужен ли он нам? Ведь говорят, он — мафия…" Я говорю: "Михаил Сергеевич, я не знаю, что говорят. С теми людьми, что говорят, я как-то не общался. (И как в воду глядел, что вскоре после этого и обо мне то же самое говорить будут.) Просто Фрэнк Синатра, — говорю, — большой друг Рейгана, а вы… с Рейганом дружите… Фрэнк возглавлял церемонию вхождения Рейгана во власть, и поэтому, думаю, было бы неправильно, если бы мы не пригласили этого человека. Это было бы воспринято в мире не так, как надо". Горбачев говорит: "Хорошо. Подойди к моему помощнику Черняеву и скажи, что я готов направить такое приглашение". Ну, я обрадовался. Мы с Черняевым составили такое короткое, но не холодное посланьице: "Уважаемый господин Синатра, в нашей стране вас хорошо знают, и поэтому мы хотели бы вас услышать непосредственно у себя". Горбачев подписал. И мы все это отправили. Послом СССР в США в то время был Юрий Владимирович Дубинин. Дальше события развивались следующим образом Мне опять позвонил импресарио. И я сказал, что договоренность уже есть, осталось подтвердить ее с вашей стороны. И тут он мне говорит: "Надеюсь, вы понимаете, что Фрэнку Синатре нужна будет красная ковровая дорожка от трапа самолета? И должен быть только один концерт…" Я говорю: "Это невозможно, чтобы был только один концерт по той простой причине, что мы не выдержим его финансово, тем более что вы привозите только свой "бэнд", а струнный оркестр должен быть наш". И еще условия: обязательно, чтобы концерт был на Красной площади, что тогда еще не культивировалось; и обязательно, чтобы в первом ряду сидела супружеская пара Горбачевых…

Выслушал я это и говорю: "Что-то слишком много у вас требований непонятных. Но… ладно. Можно поговорить и на этот счет. В конце концов, звезда есть звезда". Я не стал рассказывать Михаилу Сергеевичу обо всех этих неимоверно высоких требованиях предполагаемого американского гостя, а просто переслал наше приглашение Синатре через МИД. И вот оттуда приходит сообщение о том, что посол Дубинин пригласил Фрэнка в наше посольство и в присутствии журналистов и в торжественной обстановке передал ему официальное послание Горбачева. (А тогда Горби в Штатах был безумно популярным.) Я тут же позвонил в Америку и спрашиваю: "Ну, теперь все в порядке?" "Нет, — отвечает импресарио, — все дело в том, что у господина Синатры в доме есть зал, в котором находятся все приглашения ему от королей, императоров, президентов и премьер-министров, но не напечатанные, а написанные от руки. Поэтому нужно, чтобы свое приглашение Горбачев переписал

вручную…" Но тут уж мне стало за нашу державу обидно и я сказал: "Да пошел бы твой гастролер… Мы и сами поем неплохо".

Когда при очередной встрече Горбачев спросил меня: "Ну, где твой Синатра?" Я говорю: "Михаил Сергеевич, даже не хочу рассказывать. Он, конечно, как артист гениальный, но… как человек — говно! Поэтому я просил передать ему, что мы без него обойдемся". "Ну и ладно", — согласился Горбачев. Стало быть, живьем мне с Синатрой свидеться не пришлось. Кстати, внешне он был маловыразительный. Знаете, какого он был роста? Метр пятьдесят шесть… Так что хорошо, что в моем воображении он остался таким большим…

- Интересная история. А теперь послушайте историю из журнала "Огонек", рассказанную мне бывшим редактором отдела культуры Леной Кузьменко. Испания. Курорт Марбелья. На причале журналисты, паппараци и толпа зевак. Ждут Фрэнка Синатру. И вот… подплывает шикарная белая яхта. Подают трап. И… на берег ступает в шикарном белом костюме… Иосиф Кобзон. Из толпы раздаются ликующие возгласы. Это подают голос наши соотечественники. Журналисты и паппараци — в замешательстве, но не расходятся, ждут… что следом появится Фрэнк Синатра. Между тем, неподалеку причаливает другая, ничем не привлекающая внимания, яхта. И с нее, почти никем не замеченный, сходит довольно обыденно одетый Синатра… Возможный восторг ожидавших тонет в безразличном потоке отдыхающих. Кажется, все. Но вскоре, исходя из этой безобидной и даже веселой "огоньковской" истории, начали складываться домыслы и слухи: а не встречались ли Кобзон и Синатра во время морской прогулки? Что скажете, Иосиф Давыдович?

- Скажу, что, когда используется "испорченный телефон", факт превращается в то, что называется "слышали звон, да не знают, где он". Так, видимо, и Хулио Иглесиаса, с которым я действительно встречался, приняли за Фрэнка Синатру и тем самым породили новую волну слухов о коварном Кобзоне…

ПОД МАСКОЙ ЕЛЬЦИНА

Самым тяжелым был для меня ельцинский период, потому что мне было очень обидно из- за того, что я так ошибся в этом человеке. Я не ждал от него какого-то особого отношения к себе, но и зла от него не ждал. А ведь какие были у всех надежды на этого человека, когда в 87-м он за критику культа Горбачева попал в убийственную опалу на пленуме, посвященном 70-летию Октября. В том юбилейном году на Красной площади был обычный парад, а у Моссовета состоялся концерт. Холод, помню, стоял жуткий, просто сумасшедший. Однако если ты уважаешь своих зрителей, должен выступать только в соответствующем сцене наряде. Поэтому однажды даже при 26 градусах мороза я выступал, без пальто. Так было и в этот пробирающий до костей холод. И вот, когда я уже заканчивал свое пение, я вдруг в окружении, видимо, своих подчиненных увидел Бориса Николаевича Ельцина, нашедшего в себе смелость впервые за последние 30 лет открыто критиковать в лице Горбачева действующего генсека И… жестоко поплатившегося за это. По всему было видно, в каком тяжелом состоянии находится опальный Ельцин, а то, что он попал в опалу, знали уже все. И тогда, желая хоть как- то поднять ему настроение, я сказал, обращаясь к людям, которые стояли на площади: "Дорогие друзья, пользуясь, случаем, что рядом с нами находится кандидат в члены Политбюро ЦК

КПСС первый секретарь Московского горкома партии Борис Николаевич Ельцин, я хочу вместе с вами поздравить его с праздником и посвятить ему песню". Все зааплодировали. А тогда этот его поступок расценивался как взрыв. Ельцин был национальным героем. Первый раз сказал то, что хотел. Я запел: "Вдоль по Питерской…" И Ельцин тут же пришел за кулисы. Обнял, расцеловал и сказал спасибо. А вечером был прием в Кремле. И я, выступая, опять заметил, что он уже совершенно один. Где-то там Фидель Кастро с Горбачевым, другие высокопоставленные лица, а он совершенно один. Я подошел к нему, отдал ему свою визитную карточку (слава Богу, он жив и не даст соврать!) и говорю: "Борис Николаевич, я знаю, что вам сегодня, наверное, немножко грустно. Поэтому, если вдруг появится желание со мной просто пообщаться, я всегда готов". Ельцин расчувствовался и сказал, что этого никогда не забудет…

А потом… Потом пришел 94-й год, и началась война между Ельциным и Лужковым. И я, будучи приверженцем Лужкова, тоже попал под ельцинские жернова. И сразу стал и наркобароном, и

мафиози, и бандитом, и кем только я не стал.

И хоть ни один суд не соизволил установить это, таким я считаюсь и по сей день. Вот так Ельцин сдержал свое слово. И хоть в полной мере я на себе испытал поговорку "Не делай добра, не получишь зла", я все равно не жалею, что поддержал тогда Ельцина…

- Вы, конечно, редкий человек. Еще Путин не родился, а вы уже пели самому Сталину. И вот теперь вы поете Путину…

- Я против такого определения моей роли. Я не Путину, я при Путине пою…

- Хорошо, что я так ошибся, а вы за счет такой моей ошибки нашли точное определение своей роли.

- Знаете, честно вам говорю, я всегда пел народу, но, конечно, мне всегда было приятно, когда первое лицо меня тоже слушало. Я не чувствую никакой разницы, что пел при Хрущеве, при Брежневе или пою при Путине. Никакой разницы(!) по одной простой причине: я пою не вождям, а народу.

- Вместе с тем вы не можете не чувствовать, что все это не случайность, и не потому, что вы перед кем-то выслуживались, а потому, что ваши песни, очевидно, востребованы самой жизнью. Ведь ясно, что, если бы жизнь была категорически против ваших песен, вы бы не смогли сделать того, что сделали.

- Пусть для вас не прозвучит это нескромно, но это чисто творческая моя заслуга. Фактически все последние поколения выросли на моих песнях. Им они были нужны. Полагаю, они, особо не думая обо мне, просто внимательно их слушали и впитывали их. Но… если Ленин слушал "Аппасионату", а Сталин по нескольку раз приезжал на одни и те же произведения в Большой театр, то, скажем, следующие вожди по своему интеллекту… спасибо, что слушали хотя бы таких, как я…

КРЕМЛЕВСКИЕ СОЛОВЬИ

- Вы в те годы, как я вижу, многому научились и многого достигли, — перевожу я разговор на новую тему, и Кобзон подхватывает ее.

- Начнем с того, что попадание в концерты для элиты страны тогда определяло рейтинг артиста. Когда теперь некоторые кликуши начинают язвить: "Во-о-о… "кремлевские соловьи" и прочее…" — я хочу задать вопрос: "Были ли тогда такие, кроме тех, кого не приглашали, кто мог бы сказать, что им плевать на эти концерты?" Напротив, сколько у нас было врагов и завистников из-за того, что именно мы востребованы Кремлем! Недаром считалось, что если его туда зовут, значит это все! Потому что выше не бывает.

- Мне кажется, что вы или не хотите говорить, или действительно не задумываетесь над тем, что значит Кобзон, как личность, как явление последних сорока лет. Вы же оказались больше, чем певец. Точнее, такой певец, который своими песнями стал делать политику через души!

- Знаете, что я вам скажу: моя политика — вот эти пять компакт-дисков моих песен "Звонкая летопись России". Здесь те гражданские и патриотические песни, которые я спел на протяжении своей большой жизни. Вот это моя политика. Когда меня упрекают в конъюнктуре, я говорю: "Я не пел песен о Брежневе. Я пел песни о Родине. Я пел песни о подвиге. Я пел песни о человеке. О матери. О любви. Разве эти песни и конъюнктура — одно и то же?" В советские годы мне не давали никаких орденов и медалей. Но зато мне давали творческие звания: звание народного артиста России мне дали в 1978 году, звание народного артиста СССР — в 1987 году, а звание лауреата Государственной премии СССР — в 1984-м

- Но ведь все это тоже обязательно должно было проходить через Брежнева, Черненко и Горбачева?

- Да, конечно, все это все равно подписывалось в ЦК КПСС.

- А, скажем, сам Брежнев не просил вас спеть ему какую-нибудь песню?

- Никогда в жизни.

- А Андропов?

- Ничего такого не было, хотя я к этому человеку отношусь с огромной симпатией. А вообще… что-то мне не нравится этот разговор. Вместо того чтобы говорить о творческих делах, какую-то конъюнктуру мне "шьете", хотите показать Кобзона — "кремлевским соловьем", который был "свой" чуть ли не для всех

кремлевских руководителей…

- Нет. Не так вы меня понимаете. Я хочу показать, что Кобзон был "свой" везде: и для политиков, и для военных, и для людей науки и искусства, и для людей любого труда. Именно поэтому ему уже более сорока лет удается оставаться народным артистом. Вместе с тем я хочу показать, что не за одни только песни знает его народ. Ведь даже то, что Кобзон всегда, подчеркиваю, всегда пел и продолжает петь те же песни, что пел Сталину, говорит о чем- то особом.

ПУТИН И ДРУГИЕ ДЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Это было в Курске. Президент на второй день после своей инаугурации давал обед в честь ветеранов на открытии мемориала на Курской дуге. Я был знаком с Путиным еще по Ленинграду и по Санкт-Петербургу. И когда Путин был еще премьером и выступал в Думе, я послал ему записку. Я не люблю, когда пользуются тем, что, когда президент или премьер появляются в Думе, депутаты сразу начинают бегать к трибуне и вести с ними переговоры. Я просто отправил записку. Я писал: "Уважаемый Владимир Владимирович! Если у Вас будет возможность, хотел бы встретиться с Вами". И все. Он прочитал записку, посмотрел на меня и, показав ее, положил в карман. Это было в феврале или марте.

И вот, когда 8 мая в Курске закончился обед в честь ветеранов, президент вдруг мне говорит: "Иосиф Давыдович, Вы хотели со мной поговорить?"

Я говорю: "Да!"

- Ну тогда идемте, поговорим.

Я говорю: "Не время и не место, наверное…"

А он: "Ничё-ничё". И мы пошли с ним в кабинет директора, а президентский обед проводился в театре. И мы там порядка 40 минут вели с ним беседу. Я поднимал, там три вопроса. Первый вопрос о взаимоотношениях администрации президента и мэра Москвы, на что тут же Владимир Владимирович ответил: "Не волнуйтесь, пожалуйста. И можете передать Юрию Михайловичу, что мы обязательно с ним будет сотрудничать. Я высоко ценю его талант организатора. И поэтому нет никаких оснований для беспокойства".

Второй вопрос, который я поднял в разговоре с президентом о невостребованности молодежи. Президент задал вопрос: "Вы что, хотите вернуть комсомол?" Я сказал: "Я не хочу вернуть комсомол. Хотя не считаю, что комсомол сделал что- то такое негативное в жизни общества. Во всяком случае, когда был комсомол, не было в таких масштабах не алкоголизма, не, тем более, наркомании и проституции. Была организация, которая следила за духовным и моральным состоянием молодежи, организовывала ее и помогала ей. Назовите ее, как угодно! Важно, чтобы была такая организация, которая занималась бы всеми проблемами молодежи…"

- Ну, хорошо, — ответил Путин, — я дам указание (а тогда

еще был комитет по делам молодежи, сейчас его нет; сейчас есть управление… почему-то при министерстве просвещения).

Но суть не в этом Я просто сказал, что мы теряем будущее в лице молодежи, и меня это очень волнует. Поэтому мы сейчас создали Союз Российской молодежи…

Он говорит:

- Это политическая организация?

- Нет, — говорю я, — это общественная организация!

А по законам России общественная организация не может быть поддержана государством. Вот такие есть нестыковки… Без поддержки же государства они ничего не смогут, эти общественные организации. В общем, мы обговорили и этот вопрос

И последний вопрос, который я обсуждал с президентом, был личный вопрос, Я сказал; "Владимир Владимирович, когда закончится история с Кобзоном? Если я в чем-то виноват, Владимир Владимирович, пожалуйста, потребуйте суда надо мной".

И вдруг президент ставит такой вопрос "Иосиф Давыдович, а Вы проверьте свой бизнес… Все ли там в порядке?"

Я понял, что президенту что-то сказали, какую-то информацию в него вложили.

И тогда я говорю: "Владимир Владимирович, а у меня нет бизнеса. С 1997 года, как только я был избран в Государственную Думу, я по закону подписал заявление, что я больше не принимаю участия в бизнесе". (Дело в том, что депутату по регламенту можно заниматься своей профессией только по двум категориям: это педагогическая и творческая. И все.) Я говорю: "У меня нет бизнеса". А он: "Ну, все-таки проверьте…"

Я ему: "Проверьте Вы! Вам это легче сделать".

- Ну, хорошо! Завтра увидимся, — сказал он, прощаясь. Я говорю: "Где?" Он говорит: "На приеме". Я говорю: "Вы меня простите, конечно, но я персона нон-грата на высоких приемах…" Он говорит: "Как?" Я говорю: "Да вот так". А он говорит: "Ну, мы это исправим". Сказал это президент и вышел. Ожидавшие его, конечно, без всякого удовольствия посмотрели на меня… Я столько времени занял у президента!

Подобный разговор был и до этой встречи.

…Когда я сказал Путину, что знаю, как вернуть нашу молодежь к полноценной жизни, и готов взять на себя ответственность за это, он ответил: "Хорошо. У нас сейчас идет формирование правительства…" Я говорю: "Ну как это может быть, что при правительстве нет комитета по делам молодежи, а есть какой-то там молодежный департамент при Министерстве

просвещения (этот разговор был, когда еще было такое министерство)?" "Хорошо, — говорит Путин, — мы учтем при формировании правительства Ваши пожелания". И все… По сей день нет этого отдельного комитета или чего-то подобного, что могло бы заниматься и отвечать только за политику в отношении молодежи и не быть приживалкой на птичьих правах при каком-нибудь министерстве. А ведь без грамотного воспитания самостоятельности молодых людей страна не может рассчитывать на сколько-нибудь серьезную перспективу.

Или такое дело: кто занимался развитием культуры России после юбилея в городе на Неве? Кто был приглашен на Государственный Совет по вопросам культуры, который проводил там Путин? Приглашены были губернаторы и буквально несколько приближенных к президенту лиц таких, как Никита Михалков, приглашенный как друг президента. Однако Михалков, понятное дело, "болеет" прежде всего, за кино, его не интересуют дела молодежи и связанные с нею проблемы развития государства Конечно, Михалков — выдающийся киномастер, но еще большее его преимущество в том, что он друг президента. Но Михалков никогда не станет лезть в политику. Он не хочет публичной политики и не будет ею заниматься так же, как не будут заниматься публичной политикой люди, которых приглашают к себе жена Путина Людмила Александровна и сам Владимир Владимирович, такие, как Владимир Спиваков или Юрий Башмет. При встречах с президентом они будут говорить о музыке, выдающихся исполнителях и каких-то красивых фестивалях. Но, упаси Боже, они никогда не станут говорить об отчаянном положении беспризорников, бомжей и пенсионеров, многодетных семей и о молодежи, теряющей свою жизнь от нечего делать на площадях. При этом я не могу Михалкова, Спивакова и Башмета упрекнуть, потому что это такие люди. Но, видимо, такие люди сейчас и нужны. И не нужны те, кто, если их пригласят к президенту, как Станислав Сергеевич Говорухин, как Николай Губенко, как я и нам подобные, придут напоминать о болезнях и о тех непопулярных мерах, которые необходимо принимать безотлагательно. Что вы? Сейчас эти темы несвоевременны. Некогда на них отвлекаться, потому что сегодня нужно думать о глобальном поднятии экономики, как будто это возможно без достойной смены поколений?!

ВСТРЕЧИ С ПУТИНЫМ

Моя жена никогда не смотрит бесконечно серийные фильмы, получившие в народе очень точное название — "мыльные оперы". Зато читает серьезную художественную литературу и любит настоящее классическое кино. Она следит за новинками и держит меня в курсе кино событий. С другой стороны, и друзья-киношники не упускают случая, чтобы пригласить меня на какую-нибудь премьеру. Я счастлив, например, что уже много лет дружу с талантливейшим человеком — с Говорухиным Станиславом Сергеевичем. Недавно он опять произвел на меня впечатление своим потрясающим (не телевизионный вариант) фильмом "Благословите женщину". В Киноцентре на Красной Пресне было человек 300 приглашенных элитных гостей (кинорежиссеры, депутаты, общественные деятели, генеральный прокурор, Михаил Сергеевич Горбачев…). Не стесняясь, все вытирали слезы. Платки были мокрые. Вот это — наше кино! Но… никто о нем ничего не знает. Зато все знают о кинофильмах, в которых смакуется "нетрадиционная половая ориентация". Вопреки природе, которая за тем и придумала мужчин и женщин, чтобы мы увлекались друг другом и продолжали человеческий, а не какой-то псевдо-человеческий род, в котором сучки облизывают сучек, а кобели сосут кобелей…

Я не святой. Я знаю жизнь во всех ее проявлениях. Но я против фильмов, в которых, например, разыгрывается "необычная любовь" между отцом и сыном. Я говорю про фильм "Отец и сын", где отец спит со своим сыном. Разве это не уродливое явление? А ведь и оно требует себе права на жизнь, используя разные рекламные ходы… И этот, с позволения сказать, художественный фильм завоевывает себе в Каннах специальный приз! Как? Почему? Выясняется, у председателя жюри у самого не все в порядке с половой ориентацией.

Можно ли таким аномальным личностям доверять влияние на судьбы нормальных людей? Нет!

Наверняка, после этого моего "нет" так называемые защитники демократии, начиная с центральных телеканалов и кончая разговорами в туалетах, станут страшно возмущаться: "Ну как же так? Это что — новая цензура?" Отвечаю: "А почему бы и нет?"

- Как это так? Может, еще будем возвращаться к художественным советам?

Будем! Большинство, конечно, не должно навязывать меньшинству свои взгляды, но меньшинство тем более не имеет

права заражать большинство своими античеловеческими болезнями!

Мне крайне редко приходится разговаривать с нашим президентом, чтобы донести до него нарастающее в связи с этим отчаяние еще здоровой, не зараженной части нашего общества. Я много разговаривал с Владимиром Владимировичем до того, как он стал руководить страной. А после того, как стал руководить, мне довелось разговаривать с ним всего-навсего четыре раза…

И то… Какие это были разговоры? Два раза при награждении. После награждения. Один раз был длительный и обстоятельный разговор на второй день после его вступления в должность. В Курске мне удалось с ним поговорить. Он сам сказал мне, что хотел бы… А перед этим — в Госдуме, когда он еще баллотировался в председатели Совета Министров. Тогда он еще возглавлял ФСБ. И все…

Но! Я не могу сказать, что Путин не заинтересован в моральной чистоте общества. Просто президента на это не хватает. Однако… кто-то же ему рекомендует в Президентский совет по культуре тех или иных представителей?!

Я попытался писать Путину. Пытался посылать ему свои предложения и законопроекты о защите чести и достоинства… Но в лучшем случае, полагаю, поскольку это писал депутат и народный артист, это докладывалось заместителю главы президентской администрации по культуре…

Помню, на одном приеме я подошел к Путину и говорю: "Владимир Владимирович, так хочется обсудить с Вами вопрос о сегодняшнем положении молодого поколения. Мне удалось инициировать создание Союза Российской молодежи. На эту тему хотелось бы поговорить. Я написал Вам уже два письма в связи с этим, но не получил Вашего ответа…"

- Иосиф Давыдович, — говорит Путин, — а чего Вы письма пишете? Приходите просто. И поговорим…

- Ну, если просто, — говорю я, — то скажите когда?!

- Да когда угодно, — и смеется… То есть — это такой способ отказа. Он, как человек вежливый и воспитанный, таким образом как бы говорит: "У меня нет времени на тебя, Кобзон…" А прямо на вопрос он мне так и не ответил.

Конечно, я пел перед Сталиным, пел перед Хрущевым, пел перед Брежневым, и никто из них меня к себе не приглашал. И мне понятно почему. Я был тогда только певец. Но теперь- то я активно занимаюсь общественной и политической деятельностью и мог бы оказывать влияние на развитие общества в противовес дурным направлениям, которые теперь так отравляют жизнь, о чем я сказал выше. Я же не просто ударами себя в грудь

доказывал, что могу быть полезным людям.

Однако… испокон веков и везде существует своя иерархия: сначала должны с тобой побеседовать помощники, а потом уже, если они решат, что дело стоящее, может принять тебя и главное действующее лицо…

- Но ведь Вы — все-таки Кобзон, легендарная личность, — не выдержал я. — Разве могут какие- то безвестные, пусть даже и не серые, помощники решать за Вас стоящее у Вас дело к Путину или нет? Пусть сперва станут "Кобзонами", чтобы пропускать Вас через свое сито. Пусть пропускают через это сито, в конце концов, равных себе. Такого при Сталине не было. Сталин сам решал относительно знаменитостей — принимать или не принимать, отвечать им или не отвечать. Его помощники были строго-настрого предупреждены об этом. А теперь… Что это за демократия для помощников? — возмутился я, пытаясь встать, таким образом, на защиту всех "Кобзонов".

Сам же Кобзон был явно не готов согласиться со мной: "Николаи, Вы начинаете говорить каким-то наивным языком… Вы все прекрасно понимаете… Разумеется, есть другие пути. Но они для меня неприемлемы. Скажем, если я узнаю, что Путин будет в гостях у Винокура (как он был в гостях у Винокура), считаю для себя бестактным в этот момент приехать к Винокуру. А у нас такие отношения, что мы можем заезжать друг к другу чуть ли не в любое время. Приехать и сказать: "Владимир Владимирович, мне нужно с Вами поговорить…" Конечно, Путин не скажет: "Я не желаю с Вами разговаривать". Но это бестактно, потому что у него не так много времени, чтобы разговаривать со всеми желающими, если он того сам не хочет.

- И все-таки я не могу поставить Кобзона в один ряд со всеми желающими, — снова возразил я.

- Знаете что, — отвечает Кобзон, — я наблюдал, как происходят награждения в Кремле. Я наблюдал их дважды и каждый раз происходило одно и то же. Оба раза мне не давали выступить… Заканчивается награждение и всем нам говорят: "А теперь предоставляется ответное слово…" — и называют награжденных, которые могут подойти к микрофону. Подойти можно не всем, кто хочет. Там уже кем-то расписано, кто может обратиться к президенту со своими словами благодарности. Но и тут слова не очень- то могут быть своими. Они должны быть своими… в рамках существующего протокола. У них там, у кремлевских администраторов, на все есть свой протокол и приглашенных обязательно предупреждают, как надо вести себя, чтобы, не дай Бог, не испортить намеченную церемонию. Короче говоря, это целый кремлевский спектакль, который награжденные

не вправе нарушить даже распрекрасными импровизациями.

Определяют заранее: "Вот Вы скажете… и Вы скажете, а все остальные после вручения говорят только "большое спасибо", фотографируются и идут на место".

Когда заканчивается организованное таким образом награждение, разносится традиционное шампанское. И вот, как только вручили всем по бокалу шампанского, все "бросаются" на президента. И каждый со своим словом. Можете себе представить: на что это становится похожим. Все бросаются на президента по той простой причине, что из-за "сита", устроенного его помощниками, никто не может попасть к нему тогда, когда это необходимо для дела. Я уже не говорю "по личному вопросу". В конце концов, таким образом, помощники оказываются главнее самого президента, ибо решают за него, что ему нужно, а чего ему не следует делать. Так свита делает короля и чаще всего в ущерб королю, потому что, в конце концов, за "подобные проделки" свиты приходится отвечать самому королю. А со свиты, как с гуся вода. Сменят короля, и она будет делать то же самое с новым королем.

Поэтому, наученный горьким опытом прошлых награждений, последний раз я, испытывая сожаление от происходящего, остался стоять в стороне с женой и Левой Лещенко. И, видимо, устав от этих многочисленных просьб, вопросов и от неловкости создавшегося положения, президент Владимир Владимирович Путин сам сказал: "Иосиф Давыдович! Ну, а что у вас со Львом Валерьяновичем никаких вопросов нет?" Я говорю: "Нет, есть вопрос, Владимир Владимирович!"

Он говорит: "Какой?" Я говорю: "Вот 29 октября мы будем отмечать юбилей Ленинского комсомола…" Он смеется: "Да что Вы? Это дата!.. Ну, очень хорошо". Я говорю: "Да! Очень хорошо, и мы ее обязательно отметим, но хотелось бы провести этот праздник во Дворце съездов". "Ну… проводите", — отвечает президент. Я говорю: "Ну! Конечно…" Он говорит: "Обратитесь к Кожину!" Я говорю: "Можно тогда я скажу Кожину, что Вы дали "добро"? Потому что, если этого не произойдет, за два дня до праздника скажут, что по техническим причинам концерт отменяется…" Он смеется: "Все-то Вы знаете!" "Конечно, — говорю я. — Если можно, скажите, пожалуйста, Кожину, чтобы разрешил". Он говорит: "Хорошо. Подскажем".

И вот, на концерте Паваротти, я встретился с Владимиром Игоревичем Кожиным. Говорю: "С Вами президент разговаривал по поводу юбилея комсомола?" Он: "Нет". Я: "Тогда я Вам говорю, что разговаривал с президентом, и он одобрил проведение этого праздника, Вы разрешите нам арендовать Дворец съездов?" Он:

"Ну… Я не против, раз такое дело. Действительно, если будет такой песенный праздник, почему не разрешить?! Вы же не станете там митинговать?" Я: "Нет, конечно! Покажем кино, попоем комсомольские песни…" Он: "Сценарий, надеюсь, у Вас уже есть? Приносите, посмотрим, обо всем договоримся".

Вот такой короткий случился у меня деловой разговор с Путиным на втором награждении. Спасибо, конечно, за это. Но ведь есть у меня гораздо более важная тема, чем проведение праздников: беспризорники, число которых с каждым днем растет на наших улицах; бомжи и пенсионеры, роющиеся в урнах в поисках еды на кичащихся богатством площадях вокруг Кремля; проститутки, стоящие рядами на центральных проспектах столицы; наркоторговцы, наркоманы и бандиты, свободно орудующие даже там, где обосновались правоохранительные органы, и куда, поэтому опасается ступать нога нормального человека; а сколько неполноценных детей появилось и болезней, которые мы не знали или давно уже забыли? Просто во всех отношениях деградирующее общество…

Ужасно больно за все это. И не потому, что я один правильный, а вокруг слишком много неправильных… Дело в том, что у меня растут пять внучек. И мне небезразлично, в каком обществе и как они будут жить. Как, думаю, небезразлично это и Путину, у которого растут две дочери. Мы же не сможем всю жизнь держать наших детей в тепличных условиях. Придет время, и мои внучки тоже пойдут в детский сад, пойдут в школу, забегут в туалет, где курят, колются и нюхают ради какого-то призрачного кайфа…

Ну что это за демократия? Наплевать мне на эту демократию, если она убивает даже ни в чем не повинных детей! Наплевать мне на нее, если она порождает зло!

…Наркодельцов нужно расстреливать, что называется, на месте. Поймали с поличным при реализации наркотиков и — стреляйте! А у нас пытаются распространить голландский опыт, разрешив, как в Голландии, открыто принимать наркотические зелья. Тогда, дескать, не будет преступности… Не будет потому, что она будет разрешена?!

Сейчас пытаются раскрыть так называемые громкие преступления. Но ведь все это только верхушка айсберга. Когда поражено преступной эпидемией все общество, этими локальными показами разоблачений, кого бы то ни было, преступность не искоренить. Это все уже въелось в саму суть нашей жизни и стало системой. Да… показал нам новый президент стремление к порядку, несмотря на какие-то достаточно серьезные свои взаимоотношения с теми же

Березовским и Гусинским, которых он принимал в Кремле, или процесс над Ходорковским и его компанией… дескать, смотрите, как мы боремся. Но ведь это наивно, потому что надо бороться не с "известными личностями", а с системой. Потому что у Ходорковского заберут и отдадут более сговорчивому ставленнику от администрации, который будет продолжать то же самое, только будет делиться и — главное — учитывать будущие потребности системы. А сама система оказывается неприкосновенной!

ХОДОКОМ У ПУТИНА

В 2004 году в Госдуме в комитете по культуре встречался я с главами творческих союзов и руководителями народных промыслов. После чего, примерно в начале ноября, написал письмо президенту. Прошло довольно много времени.

Ответа не было. И вот 29 декабря в Гостином дворе традиционный предновогодний прием мэра Москвы. И на этом приеме — Путин. Сидел он рядом с Патриархом и Лужковым. И, как я предполагаю, Юрий Михайлович обеспокоенно сказал Владимиру Владимировичу, что Кобзон со дня на день отправляется в Берлин на операцию с очень тяжелым диагнозом. Это… я так думаю, хотя Юрий Михайлович это не подтверждает, а у Владимира Владимировича я и не спрашивал: так ли это?

На этом приеме я пел. И, видимо, как раз во время пения Юрий Михайлович и прокомментировал мое состояние. Впрочем, на пении оно еще не отражалось… После приема мы с Нелей приехали домой. С друзьями заехали ко мне на дачу в Баковку попить чаю. И вдруг в половине двенадцатого ночи раздается звонок: "Иосиф Давыдович, вас беспокоят из администрации президента…" Я еще подумал, что это Винокур разыгрывает под Новый год. Володя умеет на этот счет дурака повалять… Ну и я в его же духе отвечаю: "Кремль вас слушает…"

- Нет, Иосиф Давыдович, это серьезно, — говорят на другом конце провода и называют фамилию. — Завтра на двенадцать тридцать вы приглашены к президенту в Ново-Огарево…

- Да? В концертном костюме или без? — опять попытался отшутиться я.

- Нет. Правда, Иосиф Давыдович, так что не надо шутить.

Я говорю: "Если это серьезно, то, что ж это… в полночь под Новый год президент вдруг решил приглашать меня?"

- Иосиф Давыдович, ну серьезно…

Тогда я говорю: "Знаете что? Давайте договоримся по-другому! Если это действительно так, то позвоните-ка мне часиков в девять утра и подтвердите приглашение.

- Но я ведь еще должен рассказать вам маршрут, как ехать…

- В девять утра, — снова, но уже голосом, не терпящим возражений, повторил я и со словами "кто-то разыгрывает" положил трубку.

Однако в девять утра, как и договаривались, позвонили вновь и все подтвердили.

И я поехал… куда сказали. Приезжаю. Оказывается, меня ждут. А я и до последнего как- то всерьез не предполагал, что в

самый канун Нового года 30 декабря президент будет так активно работать, устраивая серьезные деловые встречи. Тем не менее, кого только я там не встретил! Встретил Сергея Михайловича Миронова. Встретил Кудрина. Грефа встретил. И Миллера, и Кожина, и Нарусову… Много было народу, ожидавшего своего часа.

…Ко мне подошел пресс-секретарь президента Громов и сказал, что для прессы я должен обозначить тему моего разговора с Путиным: "Вас никто не ограничивает. Ни в коей мере. Говорите, о чем хотите, но… просто скажите, о чем вы собираетесь говорить!"

- Я буду говорить о творческих союзах и народных промыслах.

- Хорошо, — говорит Громов, — какое-то время, минут пятнадцать, вы будете разговаривать с президентом в присутствии прессы, а дальше, если Владимир Владимирович захочет, он предложит вам остаться для беседы…

Так оно и было. Впустили прессу. Впустили меня. Пришлось, правда, немножко подождать… примерно до двух часов. В присутствии прессы, как и договаривались, мы обсудили проблемы творческих союзов и народных промыслов. Потом прессе сказали "большое спасибо" за внимание. И когда она удалилась, начался разговор, как говорится, "про жизнь". Проговорили мы очень сердечно и очень долго, где-то час. Провожая, президент сказал, что будет следить за развитием событий в Берлине, а потом добавил: "Ну, мы еще увидимся… сегодня вечером".

- Где вечером? — спрашиваю я.

- На приеме.

- Извините, — говорю, — но, как говорится, мордой не вышел. (Прямо так и сказал: "Мордой не вышел".)

- Как? — удивился Путин.

Я уже в дипломатических выражениях объяснил, что к чему. Тогда президент нажал кнопку: "Медведев есть?" Отвечают: "Медведева нет. Ждем".

- А кто есть?

- Есть Кожин и Щеголев. (Последняя фамилия прозвучала для меня впервые. Щеголев…)

- Ну, пусть зайдут, — приказал Путин. (Заходят.) — Так. Кто составлял списки на прием? — спрашивает Путин.

- Вот… Щеголев составлял, — говорит Кожин.

- А почему в них не оказалось Иосифа Давыдовича?

- Дело в том, что мы приглашаем по представлению профильных отделов, — взялся оправдываться Щеголев.

- Прекратите… У вас не сто Кобзонов, чтобы ссылаться на профильные отделы, — прервал его президент. — Немедленно пригласите… с супругой. Все! Вы свободны. (И они вышли.)

Тогда я говорю: "Владимир Владимирович, у меня почему-то со времен Бориса Николаевича никак не складываются отношения с президентской администрацией, а сейчас, я понял, они уже вообще никогда не будут нормальными.

- Да нет… Это не ваша проблема. Это их проблема. Так что, будьте спокойны!

Тем не менее, когда я вышел, на меня (в буквальном смысле слова) набросился тот самый господин в очках, фамилия которого — Щеголев. (А я еще толком и не знал, кто такой этот Щеголев.)

Набросился, и сразу "душить" словами: "Что ж вы нас так подставили перед президентом?"

Я говорю: "Минуточку! Вы кто такой?"

Он говорит: "Я — Щеголев!"

Я говорю: "Это мне ни о чем не говорит!"

Он говорит: "Я руковожу протоколом президента".

Я говорю: "Так. И что вы хотите мне сказать?"

Он говорит: "То, что вы нас так подставили…"

- Я подставил? Подставили вы себя сами! Президент сказал мне, что мы вечером увидимся. Естественно, я спросил: где? Когда он сказал, что на приеме, я ему прямо признался, что я "мордой не вышел", чтобы быть приглашенным на кремлевские приемы. А объяснить ему, почему я для вас "мордой не вышел", не смог. Вот он вас и пригласил.

Я награжден высшим орденом страны "За заслуги перед Отечеством" второй степени. Я награжден личным "Орденом Мужества". Я — Народный артист. Я — председатель Комитета Государственной Думы! Что вам еще нужно для того, чтобы определить меня в персоны, приглашаемые на прием в Кремль?!

Щеголев опять за свое: "Не мы приглашаем. Приглашают отделы".

- Ну и Бог с вами! Мне ваши приемы не нужны. У меня есть имя, фамилия. У меня есть заслуги перед страной. И поэтому вы не интересуете меня абсолютно со своими приемами… Вы еще не родились, молодой человек, когда я уже выступал на приеме у Иосифа Виссарионовича

Сталина. Притом — дважды! Когда не только вас, но и ваших родителей еще и на нюх, так сказать, не допускали к Кремлю… А вы позволяете себе разговаривать со мной так, будто я хожу под стенами Кремля и прошу: "Пустите меня погреться!"

(Говорю это, а вокруг стоят пришедшие на прием к президенту, стоит Греф, стоит Миллер, стоит Кожин… Стоят и,

разинув рты, слушают все это.) "Так что, — говорю, — успокойтесь: не нужен мне ваш прием и не трудитесь присылать приглашение!" — сказал я это, повернулся и пошел.

Он бежит за мной следом и выговаривает: "Иосиф Давыдович, ну теперь… если вы не придете, мы опять окажемся в глупом положении. И с нас президент головы поснимает".

Я говорю: "Вот я бы специально не пришел, чтобы с вас головы поснимали".

Он: "Ну, давайте все плохое забудем — все- таки Новый год!"

- И не собираюсь! — сказал так и ушел.

…Иду, и прийти в себя не могу. Манера говорить свысока, манера унизить, манера дать понять, что он власть и все может, довели меня: я почувствовал, как наворачиваются слезы. И, чтобы этот самодовольный тип не смог увидеть это, продолжив наслаждаться своим неуязвимым хамством, я еще скорее направился к выходу. Да! При Сталине со мной так не обращались. За подобное обращение с невинным человеком такого чиновника к Кремлю бы больше не подпустили!

…В машине (через какое-то время) — звонок, что фельдъегерь уже везет мне приглашение на прием. Было уже около половины четвертого дня, а прием — в пять! Позвонил супруге, говорю: "Пойдешь на прием в Кремль?" Она говорит: "Нет, не пойду. Я же — женщина, а не пожарная команда. Все-таки надо собираться не куда-нибудь, а в Кремль. И потом — мы же в Баковке живем, от которой за полчаса не доберешься…"

Я же решил просто пойти и посмотреть: кто (!) приглашен на прием в Кремль, если таким, как я, не нашлось места? К счастью, там были достойные люди: и из правительства, и из Госдумы, и от московских властей. И Патриарх был… Но вот (если можно так выразиться) из публики, подобной мне, "мордой не вышли" также, например, президент Российской академии художеств Зураб Церетели, выдающийся художник Илья Глазунов и множество других людей, которых знает и уважает страна, но которые чем-то не нравятся господам "щеголевым".

О ВЛАДИМИРЕ ЖИРИНОВСКОМ

Кобзон: "Жириновский — самый яркий, самый умный, самый образованный и самый деловой депутат за все годы существования современной Госдумы".

Добрюха: "Я могу ему это передать?"

Кобзон: "А почему нет?"

ОТКРОВЕНИЕ ОТ ИОСИФА КОБЗОНА

Президент спросил: "Как проходит лечение?" Я пошутил: "Как раз сейчас принимаю новый препарат — "Путин-биотик"!" В. В. рассмеялся… А двенадцатого июня на приеме в честь Дня Независимости России, поздравляя меня с возвращением в строй, улыбнулся и говорит: "Ну и как… помог "Путин-биотик"?"

Часть III

ОСОБЫЕ ВСТРЕЧИ

КОНСТАНТИН СИМОНОВ (1915–1979)

Вспоминаю, как меня на концерте отвел в сторону поэт Константин Симонов. (Я исполнял песню Матвея Блантера на его стихи "Песенка военных корреспондентов" — "От Москвы до Бреста нет такого места".) Отвел и говорит: "Иосиф, кто Вас учил петь неправильно мои стихи?"

- Да что Вы, Константин Михайлович! Как неправильно? Я все — по клавиру…

- Нет. У меня не так. То, что Вы поете (Симонов сильно картавил), придумали перестраховщики. Я так не писал. Вот Вы поете: "Без глотка, товарищ, песню не заваришь. Так давай по маленькой хлебнем…" А у меня в стихах: "Без ста грамм, товарищ, песню не заваришь…" Или Вы поете: "От ветров и стужи петь мы стали хуже…"

Я говорю: "Ну?!"

- А у меня, — говорит Симонов, — "От ветров и водки хрипли наши глотки". Так что, пожалуйста, если Вы хотите петь стихи Симонова, пойте мои стихи, а не то, что Вам эта конъюнктурная редактура направит!

С тех пор я стал петь, как сказал поэт. Поэтому моя "Песенка военных корреспондентов" так отличается от других ее исполнителей.

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (1932–1994)

Однажды Оскар Борисович Фельцман и Роберт Иванович Рождественский пригласили меня спеть на авторском вечере композитора в Колонном зале Дома Союзов их песни, среди которых одна была новая. Песня была непростая. Я сразу понял, что это их сочинение — политически опасное… Оскар перед исполнением испуганно говорил: "Роберт, нельзя… Нас посадят сразу после выступления!" На что Роберт отвечал: "Мы не дураки! Мы все сделаем". Имея в виду, что решит со мною, как выйти из положения: чтобы и спеть то, что хочется, и в тюрьму не сесть. Стихи звучали так: "Маменькины туфельки, бабушкины пряники. Полстраны — преступники. Полстраны — охранники… Лейтенант в окно глядит — пьет, не остановится. Полстраны уже сидит. Полстраны — готовится". Это были стихи Роберта в 1973 году. Я, когда их услышал, сказал: "Ой, что это?"

- Старик, не волнуйся! После каждого такого запева будут идти слова: "Это было, было, было…" Поэтому все вместе будет это выглядеть так: "Лейтенант в окно глядит — пьет, не остановится (Кобзон начинает петь). Полстраны уже сидит, Полстраны готовится. Это было, было, было…" И все будет в порядке, — закончил Роберт.

Но я их все равно обхитрил. И в конце, когда пел "Это было, было, было…", я с Силантьевым и оркестром сделал такую чисто смысловую штучку: "Это было, было, было… было. Это было, было, это было?…" Т. е. в конце поставил вопрос И пускай теперь думают: "Это было? Или это есть?"

…С Робертом меня связывала большая дружба Я так любил этого человека. И мы так понимали друг друга, что потом, после этой перестройки, когда ломали судьбы, ломали людей, ломали психику и принципы, он написал свои самые чистые, самые исповедальные стихи и несколько стихотворений посвятил мне.

…Есть что-то мистическое, связанное с Рождественским. Рождественского мы похоронили на кладбище в Переделкино… Он тяжело болел, и его неудачно оперировали во Франции. Горбачев отнесся сочувственно к судьбе и болезни Роберта — выделил средства на его лечение в Париже. Но, к огромному сожалению, именно там его очень неудачно прооперировали. Плюс ко всему у него была язва, которая мучила его много лет.

А он очень любил курить. Я часто приезжал к нему в Переделкино. (В 1976 году я приобрел дачу в Баковке. Это, можно

сказать, то же самое Переделкино.) Мы дружили так, что могли приехать друг к другу в любое время дня и ночи, чтобы обговорить, что наболело, да и просто пообщаться.

И вот, каждый раз, когда я поднимался к нему в кабинет, он говорил мне: "Оська, закури!" Я закуривал. И отдавал ему. Это была у нас наработанная схема: "Как только придет Алка (Алла Борисовна Киреева — жена Роберта) — ты сразу заберешь сигарету, чтобы она не поняла, что я курю…" Курить ему было нельзя, и жена всячески следила, чтобы он соблюдал это предписание врачей. Но я знал, что, к огромному сожалению, мой друг, наш Роберт, безнадежен, и не хотел лишать его этой последней для него радости.

Когда Роберта не стало, когда его похоронили, я как-то в расстроенных чувствах закурил сразу две сигареты. Одну положил на каменный край памятника, а вторую стал курить со словами: "Давай покурим, Роба!" Я курил, не обращая внимания на вторую, зажженную "для Роберта", сигарету. И вдруг с удивлением для себя отметил, что она курится. Лежит сигарета, никто ею не затягивается, но она курится. И докурилась так до фильтра. Это была какая-то мистика, Я сказал тогда "Ал, смотри! Робка выкурил всю сигарету". Она отнеслась к этому так недоверчиво, что даже подумала "Говорит, как сумасшедший…"

После этого обязательно два раза в год (в день рождения и в день его смерти) мы стали появляться на кладбище, и каждый раз я стал закуривать сразу две сигареты и одну из них класть Робке. И не было еще случая, чтобы это мистическое явление не повторялось: каждый раз сигарета не гасла и выкуривалась до конца. Даже Алла стала смотреть на это по-другому и однажды сказала нашим общим друзьям: "Иосиф ходит на могилу курить… с Робкой". Друзья переглянулись: "Как это?"

- А вот так…

И мы все вместе пошли к нему на могилу. Я закурил сразу две сигареты, а дальше — случилось то, что было всегда

Тогда мне предложили отойти от могилы и снова закурить сразу две сигареты, и одну из них куда-нибудь положить: сигарета тут же погасла…

Я не мистик и не религиозный, но, тем не менее, факт остается фактом!

ГЕРМАН ТИТОВ (1935–2000)

Ребята, наши первые космонавты, с которыми я дружил, жили еще в Чкаловской. Мы встречались довольно часто. Я ездил к ним. Они, случалось, приезжали ко мне. Запомнилась встреча весной 68-го "Университет культуры". Ее вел Гагарин. После встречи всех попросили наверх, на фуршет. И тут Герман Титов (мы с ним особенно близко дружили) вдруг предлагает: "Поехали, покажу тебе, как я здорово гараж себе оборудовал, точнее, погреб в гараже…" Приезжаем. Действительно, все очень толково сделано: гараж, а под ним погреб, на полках чего только нет: собственная консервация в банках, варенья, овощи и даже вино. Ну, мы, конечно, с ним выпили. Это было можно, потому что я был не за рулем, был на служебной машине, а он оставался — ехать ему никуда не надо было.

Выпили. Только Герман сказал: "Мне много нельзя. У меня завтра — полет". На следующий день созваниваемся. Он говорит: "Ты что делаешь? Может, пойдем куда-нибудь поужинаем?" Я говорю: "Давай приезжай! Пойдем". А сам чувствую, что у него настроение очень плохое. Спрашиваю, когда встретились: "Что случилось, Герман?" А он: "Да-а-а… Юра отстранил меня от полета". "За что?" — спрашиваю.

- Да за вчерашнее… Говорит: "Ты, наверное, с Кобзоном "квасил" всю ночь…"

- Ну, во-первых, мы не пили с тобой так, чтобы можно было сказать, что "квасили".

- Да я ему говорил. Говорил, что комиссию перед вылетом прошел… Что ты еще хочешь от меня? "Ничего, — говорит, — но я тебе сказал "нет", значит — нет, чтобы знал в следующий раз, как надо себя вести перед полетом…"

В общем, они поругались. Гагарина, видно, задело, что мы не пошли на его фуршет. Герман был жутко расстроен этим отстранением.

…Ночью я уехал на гастроли. Там — сообщение: погиб Гагарин. Я прервал гастроли и вылетел на похороны Гагарина и погибшего с ним в одном самолете пилота-инструктора Серегина. Прощание с ними было в ЦДСА. Там встретил Германа; "Вот, видишь, как бывает, — вздохнул Герман. — Он как чувствовал, что со мной может что- то случиться в тренировочном полете… Полетел сам. И вот… я есть, а его нет… Не меня, а его надо было оберегать. Он все-таки был первым…"

Вспомнилось, как мы были однажды в одном серьезном обществе, и кто-то из высокопоставленных людей (кажется,

маршал Гречко) сказал Гагарину: "Все это, конечно, хорошо, что тебя тянет в небо, но, знаешь, Юра, летать ты все-таки прекращай. Ты нам нужен!" Это было в Крыму, на правительственной даче.

И тогда Гагарин вспылил: "Так в чем проблемы? Вы теперь возьмите меня и под колпак. Посадите и ходите-смотрите, как на музейный экспонат! Я что — не живой человек? И не должен жить теперь живой жизнью?"

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С ГАГАРИНЫМ (1934–1968)

Гуляли мы с Юрой так, что и теперь есть что вспомнить. Как только свободный вечер — он ко мне. Я тогда квартиру в коммуналке снимал.

На звонок обычно выходила моя соседка, — кочегарка Нюра, — узнать из любопытства, кто это и к кому пришел? Потом стучала ко мне и говорила: "Осип, иди! Твой космонавт опять пришел, опять мне улыбается так, что ушей не видно!"

Кстати, с Юрой мы были… страшные хоккейные болельщики!

Весной 1968 года я собирался на очередные гастроли. Дня за три до моего отъезда в гостинице "Юность" был вечер Госстроя СССР. На вечере среди приглашенных были и мы с Гагариным. Помню, стояли с Юрой в фойе концертного зала гостиницы и смотрели по телевизору хоккей. Играли ЦСКА и "Динамо". Я сам болельщик "Спартака", но поспорил тогда, что выиграет "Динамо". Хотелось мне подразнить его, страстно болевшего за армейцев.

- Ну, сейчас наклепают подков твоей "конюшне" (пренебрежительное прозвище ЦСКА на жаргоне болельщиков) подкалывал я.

- Да ладно… Сейчас накидают твоей "Динаме", сколько захотят, — защищался Гагарин.

- Если так уверен, давай спорить на ящик коньяка, что не накидают, — распалял его я.

- Да ладно… ящик. Мне жалко тебя — тебе потом за этот ящик нужно будет целый год петь. Лучше на бутылку.

Я говорю: "Ну… давай!"

Бутылку я проиграл. ЦСКА тогда победил. Говорю: "Ну, все — побежал за бутылкой". Гагарин: "Не-е-е. Мы должны распить ее вместе". Я говорю: "Мне некогда, Юра! Мне нужно улетать на концерты".

- Ну, прилетишь, разопьем…

Вот… не распили. Через несколько дней на гастролях меня догнала весть: "27 марта 1968 года в 9 часов 30 минут погиб Гагарин Юрий Алексеевич…"

МАРК БЕРНЕС (1911–1969)

Когда я был женат на Гурченко, она дружила с Бернесом. Подружился и я. Жили мы на Маяковке, а Марк Наумович с женой Лилей на Колхозной площади. Там, где магазин "Обувь". Ходили в гости: мы к ним, они к нам. Занятный был человек Бернес. Очень занятный. Не зря его называли Марк сам себе Наумович. Был он человек оригинальный, амбициозный. Однако когда компания располагала его к себе, он был удивительно обаятельный. Красивый и обаятельный. А как шутил! И еще любил нецензурную лексику, которая в его исполнении превращалась в настоящее искусство. Он делал это так вкусно, так по-одесски смачно, что язык ни у кого не поворачивался сказать: "Что это Вы все матом ругаетесь?!" Его мат звучал не оскорбительно и красиво. Эти острые словечки вылетали из него, как междометия. Казалось, что без них речь его сразу перестанет быть понятной, а уж то, что перестанет быть яркой, так это точно!

Еще он был заядлый анекдотчик. Одним словом, очень живой человек.

…Как-то в Ростове мои гастроли совпали с моим днем рождения. Выступали там в это время и другие артисты. И вот в назначенный час приходят поздравить меня Павел Лисициан, Борис Андреев и… Марк Наумович. А на груди у Бернеса огромный значок — "Ученик Кобзона"!!! Все начали хохотать и спрашивать: "Где Вы это взяли?" А он серьезно так отвечает: "Купил в соседнем универмаге". Так серьезно, что чуть не поверили. Потом уже выяснилось, откуда у него этот значок. Оказывается, он зашел в магазин, а там, как и полагается, у каждой работницы соответствующий знак: "Продавец", "Младший продавец", "Старший продавец", ну и у начинающих — "Ученик продавца". Бернес выпросил у кого-то эту табличку "Ученик", и уже сам тушью приписал после слова "Ученик… Кобзона". Не знаю, кто бы еще мог додуматься до такого подарка, а Бернес додумался, потому что он почти во всем был такой оригинальный человек. Очень приятный был человек, но… вместе с тем непредсказуемый и капризный невероятно… Все время чего-то капризничал. Особенно, когда стал себя плохо чувствовать, всех держал в напряжении. Все волновались, как он может себя повести (?), если надо было выходить не тогда, когда он хотел: никто не знал — выйдет он сейчас на сцену или чего-нибудь выкинет?!

…С ним очень дружил композитор Ян Френкель. И вот, когда подтвердилось, что у Бернеса рак, и он уже лежал в больнице,

вдруг звонит Френкель: "Иосиф, приходи сегодня на "Мелодию". Марк будет записывать новую песню. Послушаешь. Не дай Бог, это его последняя запись…"

Я пришел на "Мелодию". Приехал Марк. Естественно, весь болезненный, но держался достойно, не капризничал. Потрясающе спел он тогда своих "Журавлей":

"Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня.
И в том строю есть промежуток малый.
Быть может, это место для меня?…"

Спел. Потом прослушал запись со своим… таким бернесовским прищуренным взглядом и… сказал: "Ну вот. Попрощались". "Да что Вы? — попытался успокаивать я. — Вы еще столько песен споете!" "Нет уж… Петь их придется тебе…" И уехал. Это была последняя наша встреча.

ЮРИЙ НИКУЛИН (1921–1997)

Когда я начал учиться в Москве, мне, как почти каждому студенту-провинциалу, стипендии на жизнь не хватало. Поэтому приходилось подрабатывать. И вот в 58-м представился такой случай: мне и моему коллеге Виктору Кохно предложили на время гастролей певцов Белокрынкина и Удальцова подменить их выступления в цирке на Цветном бульваре. Так я впервые попал на профессиональную сцену. Теперь мы могли переодеваться и готовиться к выходу вместе с теми, кто уже завоевал право называться настоящими артистами. Это меня волновало необычайно. А после того, как увидел, что имею право работать буквально бок о бок с набиравшим популярность дуэтом клоунов "Юрий Никулин и Михаил Шуйдин", я вообще долго не мог прийти в себя от переполнявших меня чувств.

Никулин и в жизни мало отличался от образа, который выносил на манеж. Он и в жизни был каким-то наивным мудрецом. Был очень простым и добрым, смешным и неуклюжим, каким-то неповоротливым… Знаменитым на всю страну Никулин еще не был, но уже пользовался у публики успехом Его уже узнавали на улице, а это для артиста значило, что наступает всенародное признание.

И вот как-то перед выходом на манеж он вдруг спрашивает: "Куда это ты все бегаешь после пролога и появляешься только к финалу?"

Мы сразу начали с ним на "ты", хотя я человек совсем не фамильярный, но есть люди, оказывающиеся такими родными и близкими, — как, скажем, старший брат, — что с ними просто нелепо разговаривать на "вы". Таким оказался и Никулин. И вот я говорю: "Юр! А что такое?"

— Оставайся. Поиграем в нардишки, — подмигнул и улыбнулся до ушей Никулин. Он любил эту игру и скоро заразил своей страстью меня. Страсть эта живет во мне и сейчас. Юра пригласил меня в свою артистическую, попросил жену Таню налить нам по стакану чая. И когда чай был готов, сказал: "Вот теперь можно начинать учиться играть в нарды". Он вообще любил делать дела за чаем, как другие любят за водкой.

Называл он меня "Мальчик".

- Мальчик, привет, — говорил Никулин. — Ты готов?

Это на его языке означало, что пора садиться за игру. Нарды, наверное, были его отдушиной для того артистического напряжения, которое он каждый раз испытывал на манеже.

Умение создать смехом хорошее настроение у зрителей

всегда стоило ему нервов.

Мы сошлись еще и потому, что не могли жить без анекдотов. Особенно эта тяга к анекдотам помогала поддерживать форму на работе. Мы сходились и начинали так травить разные байки, что вокруг всем становилось легче переносить любую усталость и плохое настроение. Никулин был неиссякаемым источником хорошего настроения.

Сам уставал страшно, но настроение людям поднимал так, словно самому никогда не было плохо.

…Когда звонили друг другу, мы никогда не говорили "здрасте" до тех пор, пока тот и другой не расскажет новый анекдот. Например, первым начинал я. Говорил то-то и то-то. И если Никулин мог его закончить, значит, он его знал, и мне нужно было рассказывать другой, пока не удавалось найти такой, какого он еще не знал. Задача эта, признаюсь, была не из легких. Никулин, как библиотека анекдотов, превосходил в этом отношении, наверное, любого. Во(!) была школа юмора. Так что, если хотел поговорить с ним сразу по существу, всегда надо было иметь в запасе наисвежайший анекдот. Не делал он исключений, даже когда умирал. Даже умирая, старался шутить, чтобы не портить своими болезнями настроение окружающим. Вот такой был необыкновенный человек!

Свои анекдоты он всегда рассказывал на полном серьёзе. Вокруг все покатывались, а он сам не смеялся. Случаи, чтобы он хохотал, наверное, вообще можно пересчитать на пальцах. Он и на сцене играл какого-то мрачного забитого клоуна, но у людей это вызывало редкое веселье.

Он умел рассказывать даже общеизвестные анекдоты, и все искренне смеялись так, будто слышали их впервые. Вместе с тем Никулин любил производить впечатление и очень радовался, если это ему удавалось. Любил, когда состояние его радости передавалось другим. Вот такой он был человек!

Почему-то вспомнился сейчас один его грустный анекдот. Приходит артист устраиваться в цирк. Его спрашивают: "И что Вы умеете делать?" Артист отвечает: "На моей голове можно разбивать кирпичи". Тут все обращают внимание, что рядом с ним стоят два чемодана — большой и маленький. Спрашивают: "А что у Вас в маленьком чемоданчике?"

- Молоток! — говорит артист.

- Значит, — говорят, — в большом кирпичи?

- Нет, — отвечает, — анальгин… Незамысловатый анекдот, но, поверьте, когда Никулин его рассказывал — вырывался смех и накатывались слезы.

Когда в Москве захозяйничала демократическая революция, и

даже людям есть стало нечего, цирковые животные вообще начали свирепеть и загибаться от голода Юрий Владимирович был уже директором цирка Такое наказание животным, которые, как и прежде, продолжали поднимать народу упавшее до нуля настроение и ничего плохого людям не сделали, Никулин не мог перенести просто так. Поэтому решился на отчаянный шаг: пошел к Председателю Совета Министров Силаеву и сказал: "Посмотрите, пожалуйста, в окно!" Силаев посмотрел и увидел стоящие на дороге фургоны. "Ну, и в чем дело?" — спросил Силаев.

- А в том, что в фургонах — слоны и хищники из моего цирка, — сообщил Никулин и продолжил. — Или Вы выделите животным деньги на еду, или я их выпущу прямо перед Домом Правительства, чтобы они сами решали свой продовольственный вопрос, как это делают бездомные собаки и кошки…

- Вы что? С ума сошли, Юрий Владимирович, — спохватился Силаев.

- Нет! Просто я уже не в силах наблюдать, как мучаются от голода мои братья меньшие, а люди относятся к ним хуже самых страшных зверей.

Вот выпущу — пусть разбредутся — может, где-нибудь вкусно поедят…

Вопрос решили сразу: больше звери, пока был жив Никулин, не голодали.

Последний раз видел я Юрия Владимировича на юбилее в театре Вахтангова. Он вдруг пожаловался: "Мальчик, я очень плохо себя чувствую. Знаешь, надоело жить: не могу не дышать, не пить, не курить…"

- Юр! Ну ты что? Ты же никогда не был слабым человеком, — попытался успокоить я.

- Да нет, — остановил меня Юра, — просто я думаю: а не попробовать ли мне "резануться". Может, перекроят сердце и еще хоть немного поживу, как человек. А так что? Не жизнь, а медленная смерть! Угнетает вот эта вот беспомощность…

Последний раз позвонил он мне из больницы. Я хотел зайти к нему, чтобы проведать перед гастролями по Волге, а он как раз позвонил и говорит: "Мальчик, я хочу с тобой попрощаться перед тем, как идти под нож… Прости, если что- то было не так!"

- Что за чушь, Юра? — я попытался сбить его обреченное настроение. — Что за шутки у тебя сегодня такие дурацкие?

- Нет, Мальчик, ты пойми меня правильно: я нормальный человек и понимаю все, как есть. Так что… лучше попрощаться. Просто с теми людьми, кого я люблю, я должен на всякий случай напоследок поговорить и… извиниться…

Потом, когда много дней он находился в предсмертной коме, мы вспоминали этот разговор. Оказывается, в тот день перед операцией он действительно позвонил всем своим друзьям, попросил прощения и попрощался… навсегда.

ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ (1906–1975)

Это было в 1960 году. Союз Композиторов организовал творческую поездку по маршруту Москва — Ленинград. Заканчивалась она концертом в Ленинграде. В группу входили Хренников, Туликов, Островский, Фельцман, Колмановский и исполнители их произведений. Конечно, я, как и все, был восхищен самой возможностью находиться рядом с гением. Когда после концертов устраивались застолья, я глаз не отрывал от Шостаковича и готов был ловить каждое его слово. Интересно было наблюдать за ним. Был он абсолютно прост и общителен. Умело шутил.

На концертах я пел песни Островского. После одного из концертов Шостакович сказал мне: "Молодец!" Так состоялось мое шапочное знакомство с великим композитором. Вскоре я подготовил в своем камерном классе цикл из пяти произведений Шостаковича на стихи Евгения Долматовского.

Цикл назывался: "День обид", "День радости" и т. д. Сделав этот цикл, я попросил Евгения Ароновича, чтобы с этой программой он представил меня гению, чтобы Шостакович прослушал то, что я делаю, и высказался. Прослушивание происходило у него дома на улице Огарева Мы пришли с Долматовским, и я прямо у рояля с концертмейстером показал свою работу. Дмитрий Дмитриевич прослушал и сказал: "Ну что ж… Мне нравится". Это означало, что наше знакомство становится более обстоятельным.

Шло время. Я сдружился с потрясающим хирургом из Кургана — с Гаврилой Абрамовичем Илизаровым. Прилетаю как-то в этот город выступать. Он встречает меня в аэропорту. Едем в гостиницу. Обедаем. И вдруг за рюмкой Гаврила Абрамович говорит: "Слава Ростропович привез ко мне на лечение Шостаковича… Очень тяжелый случай… Знаешь что, давай все отставим и прямо сейчас поедем к нему в палату".

Дмитрий Дмитриевич лежал в палате один. Окруженный какими-то замысловатыми приспособлениями. Лечение было экспериментальным. Потому что ничего другого не оставалось. Какое-то страшнейшее разжижение костных тканей прогрессировало. Шостакович был в обычных бумажных носках, в обычных больничных тапочках, в обычном коричневом больничном халате… И в своих бессменных очках.

Встретились мы тепло. Дмитрий Дмитриевич сразу встал с

койки и говорит: "Гаврила Абрамыч! Ко мне пришел такой знаменитый гость — надо бы выпить за встречу!" Илизаров: "Ни в коем случае!" А сам в сторону, в сторону, чтобы Шостакович от него спиртное не учуял… Здесь нужно сказать, что Дмитрий Дмитриевич любил позволить себе расслабиться, был бы только повод. Нет, он не напивался, как алкоголики — до чертиков, но принять любил!.. Однако Илизаров ни в какую не соглашался, и тогда Шостакович не выдержал: "Жестокий Вы человек, Гаврила Абрамович, жестокий…" И добавил: "Знаете, он заставляет меня на глазах у всех своих пациентов спускаться и подниматься по больничной лестнице на 5-й этаж вот в этом халате! Вы не можете представить, что он со мною делает! Он вывозит меня в лес и заставляет лазать по деревьям… Представляете, Шостакович лезет на дерево. Это же ужас какой-то!.."

Посидели так, поговорили, оставили на гостинец ему разные фрукты и все такое, и я уехал на концерт, а утром улетел. Это была вторая моя личная встреча с гением.

Не помню уже, сколько времени прошло, как звонят мне из Кургана и говорят: "Шостаковичу хуже…" Я срочно организую там концерт и лечу, чтобы хоть как-то его поддержать. Прилетаю, прихожу, а он уже не встает. И не шутит уже, как прежде. Печальная была встреча. Последняя. А потом, мы его хоронили.

Таким он и остался в моей памяти. Когда я слушаю его музыку, у меня перед глазами обязательно возникает его образ.

КОЗЛОВСКИЙ (1900–1993)
ЛЕМЕШЕВ (1902–1977)
ШУЛЬЖЕНКО (1906–1984)

В отличие от сегодняшних начинающих артистов я, когда был молодым, всегда, когда меня приглашали участвовать в престижных концертах, скажем, в Колонном зале Дома Союзов, приходил заранее, становился за кулисами и наблюдал, что и как делают наши выдающиеся мастера. Я учился у них выступать и вести себя на сцене. Впитывал все: как они готовятся, как они выходят…

Помню, как студентом бегал на спектакли в Большой театр с участием Сергея Яковлевича Лемешева. И вот (самому не верилось!) теперь пою с ним в одном концерте. Он был после инфаркта. Первое выступление. Ходит, волнуется.

…За кулисами набрался смелости, подхожу, говорю: "Добрый вечер, Сергей Яковлевич!"

- Здравствуйте, Иосиф. Я слушал Вас. Все хорошо делаете. Молодец. (Господи, кто это мне сказал? Сам Сергей Яковлевич Лемешев…)

Зато везло часто общаться с Козловским на разных неофициальных приемах… Я родоначальник сдвоенных и строенных сольных концертов в нашей стране. А мастера отказывались это понимать: "Как это можно два сольных концерта в один день?" Для них это было неприемлемо. И вот на одном из приемов Иван Семенович берет меня под ручку, отводит в сторону и говорит: "Иосиф, у меня деликатный вопрос… Я слышал разговоры, что Кобзон дошел до того, что поет по два сольных концерта в день?!" (А я к тому времени пел уже и по три, и по четыре!!!)

Говорю: "Иван Семенович, да ну… Мало ли что говорят…"

Он говорит: "Вот и я говорю, что только сумасшедший может себе позволить такое".

Думаю: "Господи! Скажи ему, что я пою уже по четыре — он же с ума сойдет…"

Вот с таких забавных и поучительных историй начиналась моя карьера.

…Л не знаю ни одной известной личности в истории искусства, которая бы не подвергалась гонениям Особенно со стороны бездарных чиновников, рассуждающих примерно так: "Ах… Ты личность? А вот я не подпишу тебе какую-нибудь

бумажку, и все! Сразу перестанешь быть личностью! Сразу поймешь, что ты — букашка…"

Вспоминаю, когда впервые мое имя прозвучало по радио. Вы не представляете, что это значило для меня, совсем еще молодого артиста… Господи! Мама сейчас услышит, как скажут: "Поет Иосиф Кобзон". Какое счастье это будет для мамы! А друзья услышат, которые еще вчера курили со мной на улице, они сегодня скажут: "Надо же, наш-то поет уже на всю страну!.." Чувства тогда переполняли меня. И вдруг, в 1964 году, фельетон против меня. Я страшно расстроился. Не знал, что делать? И тут — Клавдия Ивановна Шульженко: "Ой, сынка! Да что ж Вы расстраиваетесь? Вы — счастливый человек. О Вас пишут. А обо мне уже забыли…" И как жизнь в меня вдохнула. Я понял, что главное надо стараться делать свое дело. А остальное приложится. И если ты действительно что- то заслужил, заслуга твоя найдет тебя обязательно! Вот что значил для меня опыт выдающихся мастеров.

Их опыт помогал мне переживать неудачи не только в деле, но и на личном фронте. Помню, как будучи уже известным, но еще холостым молодым человеком, я тянулся ухаживать за девчонками. И каково же было мое потрясение, когда нередко в ответ я слышал, обидное: "Вот не хочу с тобой… Думаешь, если ты Кобзон, так тебе все можно… Ну и что с того, что ты мне нравишься? А я все равно с тобой не пойду…" Такое непонятное отношение буквально выбивало меня из колеи. Но благодаря тем же мастерам я мало- помалу осознал: мало быть хорошим певцом, надо быть, особенно для порядочной девушки, в первую очередь — че-ло-ве-ком! Потому что: любить песню — одно, а человека — другое.

Наблюдая за собой, я обратил внимание на одно интересное свойство своего характера: я не могу похвастаться тем, что у меня нет чувства страха. Это абсолютная ерунда. Я боюсь так же, как все. Но, если я уже принял решение, у меня наступает полное отвращение к страху. Так было и тогда, когда решил петь в клетке с тиграми. Так предполагал сценарий, и я решил его осуществить. А потом я все-таки не один на один был с хищниками. Рядом был мой друг и знаменитый дрессировщик Слава Запашный. Хотя, конечно, я знал, что неоднократно любимые звери отправляли на тот свет "любимых дрессировщиков". И все-таки — это были редчайшие случаи. Поэтому с моей стороны это не был безрассудный риск… Хотя "полосатая девушка" — тигрица Джина не переносила меня на дух. И не скрывала этого. Недаром Слава все время находился рядом. Все репетиции и на спектакле. Потом, уже, смеясь, я спросил у Запашного: "А что это Джина так

нервничала. Никак не хотела меня воспринимать?"

На что Запашный ответил: "Ну что ты хочешь? Женщина!"

Кто-то посчитает это бравадой. Однако это оттого, что я хочу все испытать сам. И этому я тоже научился у выдающихся наших мастеров.

И еще много есть чему у них поучиться!

ЛИДИЯ РУСЛАНОВА (1900–1973)

В начале 60-х в моде были концерты на стадионах. Так называемые сводные концерты. В них участвовали самые выдающиеся певцы и артисты. Там были и классики из Большого театра (скажем, Лисициан или Огнивцев), и киноактеры (например, Любовь Орлова, Марина Ладынина, Борис Андреев, Иван Переверзев, Олег Стриженов, Зоя Федорова), и певцы (Клавдия Шульженко, Лидия Русланова и, конечно, молодые, среди них был и я). Такие "звездные концерты" вели чаще всего Михаил Гаркави, Борис Брунов и Олег Милявский. После концертов, вечерами, все собирались. У всех было приподнятое настроение. Царило незабываемое веселье.

Обычно собирались по номерам. Все, надо сказать, куролесили до упаду. Что касается меня, то я любил ходить в гости к "барыне". Так я называл легендарную Лидию Андреевну Русланову. Она отправлялась в "свои покои", то есть в свой гостиничный номер, и говорила мне: "Ну что, касатик, идешь?" (Кстати, с ней мы как раз на этих концертах и познакомились. Нет! Вру. Познакомились мы в Колонном зале Дома Союзов.) На этот ее вопрос "идешь?" я всегда отвечал: "Конечно!" Здесь надо сказать, что, приглашая меня, Лидия Андреевна настаивала мне в графинчике водку на травах. Она знала, что в чистом виде пить я ее не могу. Потому что водка была тогда отвратительная. Вкус и запах той водки Лидия Андреевна умела отбивать ягодами и травами. И вот, значит, я приходил к ней. И приходили к ней ее подружки: Клавдия Ивановна Шульженко, Зоя Алексеевна Федорова, Людмила Зыкина, Ольга Воронец и, конечно, блистательная Марина Ладынина. Бывал, в этих компаниях и поэт Михаил Светлов. Это был человек, как говорится, с большим юмором. Помню, когда пришли проведать его в больнице, он спросил: "А чего без пива пришли?" Мы говорим "Какое пиво, Михаил Аркадьевич? Вы же в больнице…" Он говорит: "Зря… Принесли бы пивка, а я вам рак обеспечил". Вообще-то они все отличались своеобразными шутками. Русланова рассказывала, как везли Гаркави Михаила Наумовича на каталке на последнюю операцию, и вдруг он басом: "Лида, смотри! И какой же русский не любит быстрой езды!?" Обратно он не вернулся…

Вообще на таких гостиничных посиделках Лидия Андреевна любила вспоминать. Особенно вспоминала свои лагерные годы, ну и, конечно, годы артистические, годы до войны. Ее очень любил Иосиф Виссарионович. Приглашал ее на все концерты. Она была независимой женщиной. Была любимицей народа!

…Однажды Лаврентий Павлович (Берия) предложил после концерта в Колонном зале подвезти ее домой. Ну и… по дороге положил руку на ее коленку.

- А я, — говорила Лидия Андреевна, — была влюблена тогда в Мишаньку (Гаркави; кстати, он стал ее мужем) и не знаю, как уж так вышло, что в грубой форме я отбросила его руку. "Ну ладно, — сказал Берия, — пожалеешь…" И действительно, потом я очень серьезно жалела, что не сдержалась и не нашла дипломатичного способа отказать шефу НКВД.

На этих гостиничных посиделках вспоминали все. Зоя Алексеевна Федорова, которая сидела вместе с Руслановой, любила говорить: "А помнишь, Лида, как мы в лагере…" И тут же начинался обмен "лагерными" воспоминаниями. Но никакого отчаяния у них не было. Видимо, они так любили и умели жить, что находили способ продолжать полноценную духовную жизнь даже за колючей проволокой. Потом вступали в разговор Ладынина и Шульженко. Как с ними было интересно! Я смотрел на них и не мог поверить, что происходит это не в кино, а на моих глазах. Передо мною сидели женщины-легенды. Мне повезло, что выпало счастье знать их не через книги или газеты, не через радио или телевидение, а напрямую, находясь с ними, что называется, бок о бок.

Если бы вы знали, как я, "молодой пастух", любил наблюдать и ухаживать за ними. Одно удовольствие было подавать им чай. Когда они отходили ко сну, и наступало время уходить, я отправлялся в компанию забористых мужиков (Переверзева и Стриженова) догуливать. Интересные были годы! Да еще среди таких людей…

Однажды на фестивале искусств России в Грозном спускаюсь в гостинице вниз и вижу: сидит моя "барыня". Одна Печальная сидит. Я говорю: "Ой, барыня…" Бросился к ней. Расцеловались. Спрашиваю: "Что Вы тут делаете, в холле?" А она отвечает: "Сижу и думаю, кому я здесь нужна?"

- Ну что Вы, Лидия Андреевна!

- Да ничего, касатик… Никто вот не встретил, номера в гостинице нет. Что ж мне остается думать?!

- Это с Вами просто пошутили. Вас давно ждет отдельный номер! — с этими словами хватаю ее чемодан и веду ее в свой номер.

- Так это ж твой номер, — говорит Русланова.

- Нет, — говорю, — Лидия Андреевна, это Ваш номер. А то, что я поставил в нем свой чемодан, говорит только о том, что я знал, что Вы приедете, и будете здесь жить…

- Ой, какой же ты хитрый! Ничего ты не знал, потому что

спросил внизу: почему я здесь?

- Нет-нет, — стал выкручиваться я, — я предполагал, что Вы приедете, просто не знал, что так быстро Вас встречу.

- Ну, ладно-ладно. Теперь-то ты куда?

- Я? Я — на рынок (мне нравилось тогда ходить на рынок за фруктами да разными южными яствами).

- Тогда ягод купи, а я уж к вечеру, касатик, тебе любимую настоечку приготовлю…

Возвращаюсь с рынка, звонок: "Вот вы поселили в свой номер Русланову, а ведь у нас действительно больше номеров нет…"

Я говорю: "Ну что ж… Нет так нет. Значит, поселюсь с кем-нибудь из моих музыкантов. Ничё страшного". Они туда-сюда Видно, это затронуло их престиж. В конце концов, нашли мне номер…

Но потом произошло самое интересное: "А что нам делать с Руслановой? Она нам — как снег на голову…"

- Неужели вы думаете, — возмутился я, — что она просто так взяла и приехала в Грозный с концертом? Наверняка ее кто-то пригласил. И… забыл про это. Так что надо что-то придумать!

Они руками разводят — не знают, что делать. Тогда я позвонил Татаеву, их министру культуры: "Ваха Ахметыч, как же так? Кто-то из ваших пригласил в Грозный такую великую артистку, но не встретил, не обеспечил ее ни жильем, ни работой…" Татаев говорит: "Сейчас готовится концертный выезд… Это километров 70 от Грозного. Давай отправим ее туда".

Я говорю: "Ну что Вы! Как с нею так можно — посылать ее куда-то к черту на кулички? И потом у нее такие больные ноги. Еле ходит. Подагра ее замучила. После этого переезда она будет никакая и вряд ли сможет выступать. Нельзя ее по горам таскать!"

- Ну, тогда я не знаю, что делать, — задумался Татаев. — Кроме Вашего выступления сегодня в Грозном концертов нет.

- Пусть выступает в моем концерте, — предложил я.

…Прихожу к Руслановой. Приношу фрукты, ягоды, прочую снедь и говорю: "Лидия Андреевна, в пять часов у Вас выезд на концерт.

- Вместе поедем? — спрашивает Русланова.

- Конечно, вместе, — говорю я.

Садимся в машину, приезжаем на концерт. Увидев мой оркестр, Русланова задает вопрос: "А кто еще будет с нами в концерте?"

- Никого.

- Как никого?

- Да так. Будем выступать только Вы и я. Так что сами решайте, когда Вам удобнее выходить: хотите в конце, хотите в

начале, хотите в середине…

- А ты, сколько петь будешь? — озадачилась Русланова.

- Не знаю. Песен 25–28.

- Сколь-ка?

А я даже не подумал, когда машинально называл эти цифры, которые соответствовали моему сольному концерту…

- А-а-а… Значит, я у тебя в антураже…

- Да не-е-ет. Что Вы, Лидия Андреевна? Вы — как подарок слушателям!

И вправду любовь к ней была, что называется, народная. Как-то, гастролируя в Омске, я, еще очень молодой артист, ехал с концерта на такси. Разговорились. И вдруг таксист спрашивает: "А Вы Русланову живьем видели?" "Не только видел, но и выступал много раз в одном концерте", — сказал я. И тогда растроганный таксист неожиданно признался: "А вот если бы мне сказали: за то, что увидишь Русланову, придется умереть. Знаете, я бы, не задумываясь, в гроб согласился…"

Лидия Андреевна жила у метро "Аэропорт".

И мы в 1973 году с моей еще совсем молодой женой, с Нелей, пришли как-то к ней в гости почаевничать. Жила она уже одна. Была, правда, у нее приходящая домработница, но жила она одна Воображение гостей всегда поражали развешанные на стенах картины знаменитых художников. Моя Неля восхищалась: "Какая у Вас красота, Лидия Андреевна!"

- Тоже мне скажешь, красота. Это все, что осталось от красоты, — вздыхала Русланова — Все забрали.

Я поправил ее: "Лидия Андреевна, не все забрали. Многое ведь и вернули".

- Называется "вернули". Если бы ты видел, сколько забрали!

Для нее эти картины были поистине духовной пищей, а не тем, чем бывают для очень богатых, но малоинтеллектуальных людей, которые, ничего не смысля, заводят собрания книг, фарфора, живописи и т. д. Русланова во всем, что собирала, разбиралась. Подводила к картине и, как настоящий ценитель, давала пояснения и делала тонкие замечания. Собирательство было у нее не ради моды, а для души. Антиквариат, живопись, драгоценности и ювелирные украшения — все это было плодами ее профессиональных увлечений.

Она до последнего со знанием дела надевала на себя те или иные богатые украшения.

В связи с этим запомнились картинки ее подготовки к выходу на сцену. Она говорила: "Пора засупониваться. (Значит, одеваться.) Давай, касатик, иди к себе, потому что я сейчас в сейф полезу". И показывает себе на грудь. "Сейф" был у нее на груди. Я

уходил. Она доставала из этого своего "сейфа" мешочки с драгоценностями и начинала наряжаться. По окончании концерта все происходило в обратом порядке. Я стучал к ней в гримерку: "Лидия Андреевна, Вы готовы?"

- Ой, какой ты скорый! Подожди-подожди, касатик, я еще не рассупонилась. (Это означало, что она еще не переоделась и не отправила свои драгоценности в… "сейф".) А матерщинница была какая! Заслушаешься…

Последние ее дни и похороны были очень печальны. Кстати, это участь большинства знаменитых людей. На этот счет у Беранже есть точные стихи (известные у нас в переводе Маршака "Нищие" — о судьбе когда-то популярной актрисы):

Кто ж провожает ее на кладбище?
Нет у нее ни друзей, ни родных.
Несколько только оборванных нищих,
Да пара гнедых, пара гнедых…

Я не могу сказать, что и Лидию Андреевну в последний путь на Новодевичье провожало мало народу, но, конечно, несопоставимо меньше, чем было бы, если бы ее не стало в те годы, когда ехали на ее концерты за тридевять земель.

Похоронили ее в одной могиле с генералом Крюковым — одним из ее любимых мужей.

Дожив до почтенных лет, ни с одним мужем Русланова детей не завела. Наследницей ее богатейшего наследства оказалась приемная дочь, дочь генерала Крюкова. У них были хорошие отношения, но, знаете, могилка Руслановой почему- то не ухожена… Конечно, это могло бы сделать, скажем, государство, но даже у него нет юридического права на владение могилой, и никто, кроме имеющих такое право, не может предпринимать никаких действий к месту захоронения…

Короче, умерла Русланова Лидия Андреевна от второго инфаркта в возрасте 73-х лет. Тяжело ей было жить, потому что была она очень болезненная, очень одинокая и забытая, хотя в годы известности мужей, друзей и поклонников было не сосчитать.

ЛЕОНИД УТЕСОВ (1895–1982)

Впервые с Леонидом Осиповичем Утесовым я встретился в Летнем театре парка "Эрмитаж". Я выступал на открытой эстраде в "раковине", а Леонид Осипович выступал в Летнем театре. Закончив выступление, я побежал к нему на концерт. Это был примерно 1961 год. Мне, как артисту, позволили наблюдать за Утесовым из- за кулис. Когда он завершил концерт со своим джаз-оркестром, сразу выстроилась целая очередь поздравлять его с очередным успехом. Ну и… я тоже встал. Когда я выстоял очередь и смог подойти к Леониду Осиповичу, мне было так интересно смотреть на его припомаженное лицо, а говорить с ним напрямую тем более. От избытка чувств я выдохнул: "Это фантастика — то, что Вы делаете. Спасибо Вам огромное. Мне не просто интересно наблюдать, но и — учиться у Вас…".

- А зачем это Вам? — удивился Утесов.

- Ну, я же тоже артист! — отрекомендовался я.

- Да-а-а? И чем же Вы занимаетесь?

Я пою, Леонид Осипович. Может быть, Вы когда-нибудь меня услышите…

- Может быть, и услышу, — вежливо закончил разговор Утесов.

…Следующая встреча состоялась в 1964 году. В Москве проводился конкурс на лучшую советскую песню и на лучшего исполнителя. Я выступал с композитором Аркадием Ильичем Островским и пел песню "Атомный век". Председателем жюри был Утесов. Нам присудили вторую премию. Первую премию получили Лученок и Вуячич. Я, естественно, был счастлив…

Прошло какое-то время, и я оказался в гостях у Бориса Брунова, с которым дружил всю жизнь. Брунов жил с Утесовым через стенку. Сидим, болтаем. Заходит Леонид Осипович. "О- о-о! Садитесь, Леонид Осипович", — пригласили хозяева Борис Сергеевич и Марья Васильевна. Утесов сел и неожиданно говорит: "А я видел Ваше выступление по телевидению, Иосиф. Молодец! Вы мне понравились". "Большое спасибо, Леонид Осипович. Если бы Вы знали, как мне приятно это слышать!" — с волнением произнес я. Это сейчас Сталин не Сталин, Гагарин не Гагарин, Утесов не Утесов… А тогда все, не только я, никогда не теряли понимания: кто есть кто!

Утесов зашел к Брунову прямо в домашнем халате. Быстро было организовано застолье с выпивкой и чай. Пили, надо сказать, немного. Да это и не нужно было, как бывает нужно, когда хотят поднять собравшимся настроение. И так было жутко

весело. Утесов, если его компания располагала, мог выдавать такое, что от смеха становилось не по себе. И вот в тот раз, помню, шепчет мне Маша Брунова: "Иосиф, попроси Леонида Осиповича, чтобы он "рассказал" песню "Из-за острова на стрежень". Я говорю: "Что значит — рассказал?" Она: "Именно рассказал…" Я попросил. "Э-э-э, ладно, Маша, прекрати", — попытался отбиться Леонид Осипович. Однако мы так дружно стали упрашивать, что деваться ему было некуда, и он согласился…

Как же интересно он это "рассказывал", с ума можно было сойти. Мы обхохотались.

- Как думаете Ви, что было би, — начал он с одесским еврейским акцентом, — если би Стенька Разин проснулся би и оказался би Сеней Ройзман?… Вот просипается Сеня Ройзман и говорит: "Голова у мене болит… Голова у мене болит… Ганэф, иди сюда! Шо я вчера делал?

- Пили…

- Пили? А де мы пили?

- Ну как… де мы пили? На корабле мы пили…

- На корабле? А как мы оказались на корабле?

- Ну как? Мы выплыли…

- Откуда мы выплыли?

- Из-за острова…

- Из-за… Эти мои еврейские штучки — "из-за"… Нет, чтобы прямо, мне нужно обязательно из-за… И куда мы плыли?

- На стрежень…

- На стрежень? На стрежень меня потянуло… А шо ти так кричал: "Нас на бабу променял?…" То же мне товарчик! Кричать такое. Слушай, а там, по-моему, какая-то девушка была.

- Да… Была… Шамаханская княжна

- Шамаханская княжна? И шо такое? Шо с ней стало?

- Та вы ее за борт выбросили.

- Я? Выбросил женщину? Что ты говоришь такое? Перестань! Нельзя так! Ой! И так голова болит…"

У Леонида Осиповича было много таких рассказов, в которых он переделывал разные знаменитые песни на "новеллы" подобного характера.

Когда у нас с Нелей было 10-летие свадьбы в ресторане "Прага", я пригласил Утесова. К тому времени мы уже сдружились. Он бывал на моих концертных премьерах и относился ко мне очень дружески. И вот, когда Леонид Осипович согласился быть тамадой на нашем свадебном юбилее, он сказал: "Я хочу публично извиниться перед Иосифом…" Все, конечно, притихли от таких слов: Утесов, публично, перед Иосифом… А

Утесов говорит: "Он об этом не знает, и, слава Богу! Но когда Аркаша Островский в 64-м году после конкурса пришел ко мне и спросил: "Как Вам понравился мой солист?" — я ему ответил: "Ну, шо тебе сказать про твоего солиста Кобзона? Бог дал ему голос и послал его на…". Так вот, я хочу сейчас публично извиниться, Иосиф. Я был не прав! Но мы все ошибаемся. Прости!.."

Так получилось, что в 1982 году я вернулся из поездки по Африке. Там случился у меня тепловой удар. Я выступал перед нашими рыбаками прямо на траулере в океане. Мне говорили: "Нельзя петь больше 15 минут. Здесь африканское солнце, и ты должен с этим считаться. Уходи! Не стой долго на сцене!" Я сказал: "А-а-а… Ерунда!" Брунов вел концерт. Все были в шапочках. Один я вышел без головного убора, да еще в "тройке". И… через час меня долбануло. Солнечный удар. Меня отнесли в каюту. А за рубежом тогда работали, естественно, "блатные специалисты". И какая-то медсестрица от волнения, что артист помирает у нее на глазах, решила ввести мне хлористый кальций. Ее "автограф" у меня по сей день есть. Ну и… промахнулась, и вколола мне его в мышцу. Начался некроз, омертвление мышцы. Рука отказала. Когда я вернулся из Африки, меня госпитализировали. Я лежал в клинике. А Леонид Осипович лежал в Кремлевке. Пришел проведать Брунов и говорит: "Ну, надо же… Теперь надо бегать и туда, и сюда…"

И дает мне телефон в палату Утесова Я стал ему звонить из своей палаты. Так мы переговаривались несколько дней. Я ему рассказывал историю про Африку и… анекдоты. Последний анекдот я рассказал Леониду Осиповичу за несколько часов до его ухода из жизни. Вот как бывает.

…Я еще еле ходил, но на время вышел из больницы, чтобы проводить его в последний путь. Вот его проводили достойно! Вот у него на похоронах народу было много! Он до последних дней оставался кумиром. На эстраде он первым получил звание Народного артиста Советского Союза. Было это так.

Отмечалось его 70-летие в Театре Эстрады на Берсеневской набережной. И вдруг радостное сообщение ведущего: "Товарищ уважаемый юбиляр! К Вам в гости приехала Министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева". После этих слов на сцену выходит элегантная красивая Екатерина Алексеевна (а она действительно была очень красивая), подходит к микрофону и говорит: "Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. За заслуги и т. д.". Зал вскочил в едином порыве. Что творилось — передать невозможно. Он был по- настоящему народным!

КАК ХОРОНИЛИ ВЫСОЦКОГО

После ухода Высоцкого вокруг его похорон распространяется столько слухов, что лучше рассказать все, как было, чем развеивать каждый из них. Тем более что невольно я оказался в самом центре событий. 25 июля 1980 года в 8 утра мне позвонили близкие друзья Высоцкого Сева Абдулов и Валерий… Нет, не Золотухин. Валерий Янклович. Позвонили и сообщили о наступившей трагедии, о том, что в 4 часа не стало Володи. Потом сказали, что семья очень просит, чтобы его похоронили на Ваганьковском. А для того, чтобы похоронить на Ваганьковском, нужно было обязательное разрешение Моссовета. Во-первых, кладбище закрытое. Во-вторых, по статусу Володя… как бы… не подходил, потому что у него не было никакого звания…

- До этого вы с ним часто встречались?

- Много встречались. Особенно часто встречались, когда я был женат на Гурченко. Он неоднократно приходил к нам, и мы с ним, как почти все в те времена, любили сидеть у нас на кухне. Однажды пришел он очень расстроенный. Вышел фильм "Служили два товарища". В фильме должны были быть две его песни, песни вырезали. Володя пришел с гитарой. И стал на кухне петь нам эти песни… Дело было на Маяковке, на квартире Гурченко. Точнее, это была наша квартира, хотя оформлена была она на нее. Потому что, когда мы встретились и начали жить с Гурченко,

Ангелина Степанова, мать Шуры Фадеева, предыдущего мужа Гурченко, сказала: "Купите квартиру моему сыну. Не будет же он жить на улице". И я купил Шуре квартиру, хотя у меня тогда уже была и своя квартира на проспекте Мира…

Однако — о Высоцком Он звонил мне. Я ездил к нему в гости, когда он жил еще на Матвеевской. Потом встречались у него дома на Малой Грузинской. У нас были общие друзья — капитаны дальнего плавания из Одессы — Толя Горогуля и Феликс Дашков. Надо сказать, они нас сближали. Но особой личной дружбы у нас не было.

…Как-то выступаю я в саду "Эрмитаж", в Летнем театре. Приезжает из ресторана "ВТО" Высоцкий. И… значит… говорит: "Иосиф, купи у меня песню". Я говорю: "Володя, ты с ума сошел. Я не покупаю песен". Он говорит: "Ну, тогда дай 25 рублей". Я говорю: "Это другой вопрос…" Смешно получилось.

А один раз, когда с марта по ноябрь в 71-году я еще ухаживал за Нелей, возвращаюсь с концерта в гостиницу "Ленинградская", в которой жил тогда в Сочи. Вхожу, а в холле стоят Володя…

Высоцкий и Марина… Влади.

- Ой, — говорю, — ребята, привет!

- Привет!

- Вы чего здесь делаете?

…Вот сошли с теплохода и коротаем ночь… Утром собираемся к Горогуле идти на "Грузию"… Мест в гостинице нет.

Я говорю: "У, ерунда, какая. Поехали ко мне". Приехали на мой 10-й этаж, и я отдал им свой люкс. Договорился, чтобы им поменяли постель, а сам пошел спать на балкон в номер… туда, где жила моя будущая теща и Неля…

Встречались от случая к случаю. Но случаи были яркие. Когда в 74-м у меня родился Андрюшка, я поехал забирать его и Нелю в роддом. Едем мы из родильного дома, и вдруг на Дмитровке нас обгоняет красный "пежо". Обгоняет и тормозит. Это был январь месяц, и я держал Андрюшку в одеяле. Из "пежо" выходит Володя. Говорит: "Покажи! Кого родил?"

Я выхожу. Показываю. Володя снимает с шеи крестик и говорит: "Поздравляю!"

- Так он же неверующий был?

- И я неверующий. Но говорю же вам, как это было. Да-а-а. "Поздравляю!" — говорит. "Спасибо, — говорю, — Володя…"

Когда разъехались, я сказал: "Ну, точно Андрюха или гениальным будет, или бандитом…"

Когда Володи не стало и возник вопрос, что дальше делать, собрались Евтушенко, Вознесенский, Белла Ахмадулина, другие, близко знавшие его люди. Трое суток не выходили мы из его дома. Володя лежал у себя в доме. Его не отдали в больницу. Вскрывать не дали. И правильно сделали. Потому что было бы столпотворение…

Однако про самое главное — про кладбище. Я сразу поехал в Моссовет. У меня был там очень хороший доброжелатель Коломин Сергей Михайлович, первый заместитель Промыслова. Я ему все рассказал. Он говорит: "Да. Очень жаль Володю". Эту новость он от меня узнал. "Что ж, — говорит, — езжайте, выбирайте место. Если найдется там место, я разрешу".

Я поехал на Ваганьково. Там уже были заместитель директора Театра на Таганке и отец Володи Семен Владимирович. Стали смотреть, куда бы можно было положить Володю. "Нет, нет, — говорил отец, — только на Аллее поэтов". Мы пошли туда, но это была такая глупость… по одной простой причине: там почти нет места, и, зная популярность Высоцкого, можно было гарантировать, что от других могил ничего не останется, когда на кладбище хлынут его поклонники.

А директором кладбища был бывший мастер спорта по

футболу… Кстати, то, что пишет Марина про это в своем "Прерванном полете" — вранье. Было, что я полез в карман за деньгами, но никаких тысяч я даже достать не успел. Он остановил мою руку и говорит: "Не надо, Иосиф Давыдович! Я Высоцкого люблю не меньше вашего…"

И мы вместе пошли выбирать землю. Я сказал: "Представляете, сколько придет народу… хоронить? Вам разметут все кладбище. Поэтому нужно какое-то открытое место, например, здесь", — и указал место, где теперь находится могила Володи. А тогда там был асфальт. Он сказал: "Я не против, если будет разрешение Моссовета". Я говорю: "Хорошо!" И опять в Моссовет, к Коломину. Говорю: "Если хотите избежать давки и большого скандала в Москве, нужно хоронить только там". "Ну, там, так там!" — сказал Коломин и подписал разрешение, чему я несказанно был рад… И то, что пишет Марина Влади, врет, как последняя сучка. Ее еще не было в Москве, а она пишет: "Мы пошли (якобы мы с ней пошли) выбирать место для Володи". Да ее близко там не было. И она еще пишет, что я какие- то пачки денег вытаскивал. Когда я ее встретил, сказал: "Ну как тебе не стыдно?" Она мне говорит: "Иосиф, это же книга. У книги должны быть читатели!" Я говорю: "Ну, нельзя же так бессовестно привлекать читателей! Нельзя же так врать!" Я с ней поссорился…

После решения вопроса могилы, я позвонил в ЦК комсомола и попросил Бориса Николаевича Пастухова разрешить некролог в "Комсомольской правде". Пастухов поддержал это предложение.

- Иосиф Давыдович, — замечаю я, — некролог в "Комсомолке", к сожалению, так и не вышел. Перелистали подшивку за конец июля — начало августа — увы… Некрологи были только в "Вечерней Москве" и, кажется, в "Московском литераторе".

- ???… После похорон началась долгая борьба за памятник на кладбище. Годы шли, а памятника не было. Народ уже роптал: "Как не стыдно? Столько друзей, а памятник поставить не могут!" Между тем начальник управления культуры при Моссовете Шкодин собрал всех, кто мог бы решить эту задачу. А в связи с тем, что по закону на могиле нельзя ничего делать без разрешения хозяев могилы, шли переговоры. Хозяев было двое: Марина Влади — жена, и отец Высоцкого.

Марина сперва хотела установить глыбу без всяких изображений. И друг Володи Вадим Туманов нашел на Урале подходящую глыбу. Однако отец с матерью и сыновья Володи считали, что нужно хоть какое-то изображение. А Марина — ни в какую: никакого изображения, только глыба. И глыбу привезли. Во двор Театра на Таганке. Новый поворот. Марина передумала:

дескать, хочу не глыбу, хочу… метеорит. Ну, мы все развесили уши по этому поводу: метеорит, так метеорит, давайте как-то впишем его в глыбу. И опять: нет! Так прошло три года. Я снова обратился в Моссовет. Говорю: "Пошел четвертый год, а могила Высоцкого без памятника. Нас могут неправильно понять. Люди могут подумать, что как при жизни ему не давали ходу, так и после смерти делают все, только бы не воздать должное".

И тогда объявили конкурс на лучший памятник. В Театре на Таганке выставили около двух десятков скульптур. В итоге выбрали ту, которая сейчас стоит. А Марине сказали: "Пожалуйста, вписывай в него метеорит, если он у тебя есть". Знающие люди над этим желанием просто смеялись, потому что метеорит не может быть в частных руках. Может принадлежать только Академии наук. И стоить может миллионы рублей и даже долларов.

В конце концов, нам удалось преодолеть ее сопротивление следующим образом. Ей сказали: "Все! Мы ставим конкурсный памятник. Это решение семьи, т.е. половина памятника. Вторая половина — твоя! Хочешь ставь рядом свой метеорит, если он у тебя есть!" И тогда она психанула, сказала, что не хочет ничего ни слышать, ни видеть. И уехала. Так появился памятник на могиле Высоцкого. На открытие памятника она не приехала. Сказала, что он ее не интересует. Зато с удовольствием на правах официальной жены приезжала получать огромные валютные гонорары за издание миллионными тиражами книг Высоцкого, аудио-, видеозаписей и прочего. В общем, женщина она оказалась низкая. То ли она деградировала с возрастом и стала пьянью, то ли еще что- то. Во всяком случае, повела она себя недостойно жены великого Высоцкого. Так я считаю.

Она, конечно, это знает. У меня не было желания общаться с этой женщиной. И только общее горе нас сблизило…

К памятнику, который стоит у Петровских ворот, я, слава Богу, не имею отношения. Высоцкий таким никогда не был. И хотя я пел на его открытии, это было символическое отношение к Высоцкому, но ни к этому памятнику.

ТРИ МИХАЛКОВА

Михалков I

Поэт Сергей Владимирович Михалков (отец двух других, тоже знаменитых Михалковых) вошел еще в мою школьную жизнь… баснями и, конечно, Гимном Союза Советских Социалистических Республик. Познакомиться мне с ним довелось, как ни странно, в круизе на Черном море. Мы плыли вдоль черноморского побережья. Я был уже достаточно известным артистом, но, естественно, далеко не таким известным, как Сергей Владимирович Михалков. Уже одно то, что он был автором всемирно известного Гимна, заставляло меня относиться к нему с особенным уважением.

Однако в компании с ним оказалось, что все это моментально отходит на второй план. Сергей Владимирович был очень простым, общительным и поразительно веселым человеком. Очень любил шутить. Но всегда старался шутить так, чтобы это было уместно. Любил анекдоты и праздное времяпрепровождение. Разница в возрасте никак не сказывалась на его окружении. Он был своим и в кругу детей, и среди молодых людей, и в среде людей старшего возраста, не говоря уже о своих сверстниках. Был со всеми приветлив. Тяжесть его авторитета не чувствовалась.

Очень отзывчиво реагировал на шутки других. Запомнилось, например, как он восхищался шутками Виктора Темнова, композитора и баяниста, а заодно и музыкального руководителя прославленного ансамбля "Березка".

После каждой гастрольной поездки Темнов писал басенные куплеты, особенно на основе зарубежных впечатлений. Михалкову эти зарисовки безумно нравились. Хотя были они, что называется, "солеными". Сергей Владимирович говорил: "Будь моя воля, я бы все это растиражировал!" И с восторгом, чуть заикаясь, цитировал понравившиеся строки:

"В Флоренции сказали нам:
"Вот Рафаэль. Вот Тициан.
И все Микельанджеловы творенья…"
А мы уткнулися в лотки. И кофты брали за грудки.
У нас своя эпоха Возрожденья!"

Или такой куплет:

"Мотаясь по миру не раз,
Я насмотрелся всяких рас:

Настырных, бля, забитых, оголтелых…
Расизма в сердце не держу,
Но за кого я вам скажу
За белых бля, за белых бля, за белых…"

Все эти его знаменитые международные частушки были написаны на мелодию знаменитой в подворотнях песни: "Великолепная земля вокруг залива Коктебля… Колхозы бля, совхозы бля, природа…"

Закончив цитировать, Михалков говорил: "Я бы все это в газете "Правда" на месте передовой статьи опубликовал, потому что это — такая, правда…"

Одним словом, Михалков — не похожий ни на кого человек!

…Я не могу сказать, что мы с Сергеем Владимировичем дружили домами. Однако очень откровенные разговоры у нас случались.

Однажды я задал ему вопрос "Почему Вы отправили Никиту служить в армию, хотя могли совершенно спокойно избавить его от этого? Ведь у Вас достаточно было связей в самых верхних эшелонах власти. А Вы отправили его служить, да еще на Дальний Восток".

Сергей Владимирович ответил: "Не потому, что я желал показать, что дети известных людей такие же, как и все остальные, а потому, что хотел, чтобы сын на себе испытал, что такое армия, и вообще, что такое жизнь. Никита находился в том юном возрасте, когда легче всего скатиться до самых вредных и губительных привычек…"

И действительно, когда сын вернулся из армии, он сам стал добиваться "места под солнцем". Добивался через кинематограф, потому что до армии ему уже удалось там кое-что сделать (он успел сняться в фильме "Я шагаю по Москве"). Это было много, однако было недостаточно, чтобы раз и навсегда самому заставить всех считаться с его именем

…После знакомства на корабле мои встречи с Михалковым стали относительно регулярными. Чаще всего это происходило во время, каких- то мероприятий, завершавшихся по советской традиции грандиозными банкетами.

Особой страницей жизни была его дружба с художником Глазуновым. Недаром Илья Сергеевич при любой возможности не устает повторять: "Сергей Владимирович Михалков — это мой учитель и друг. Больше того, он — мой спаситель!" Глазунов действительно по-настоящему благодарен Михалкову-старшему, потому что тот помогал ему в трудные дни становления и когда Глазунов бедствовал, особенно когда он приехал из Ленинграда в Москву. Они дружат по сей день. Неоднократно встречался я с

Сергеем Владимировичем у Илюши дома. И всегда был свидетелем, что это встреча настоящих друзей.

…Несмотря на свой очень серьезный возраст (все-таки 1913 год рождения), Сергей Владимирович по-прежнему молодо реагирует на все происходящее в государстве и в его окружении. Чего стоит хотя бы тот факт, что новый (уже третий!) текст Гимна нашей страны поручили написать опять Михалкову. И он опять с этим справился лучше других известных поэтов.

…Михалковы (Сергей Владимирович и сыновья) все такие разные потому, что Наталья Петровна Кончаловская, интеллигентнейшая женщина, написавшая много интересных книг, она совершенно другая, нежели Сергей Владимирович. Недаром Сергей Владимирович появлялся с ней в обществе крайне редко. И это несмотря на то, что относились они друг к другу нежно (во всяком случае — на людях). А вот их дети (что Андрон, что Никита) они почему-то не дружили. Каждый жил сам по себе, и сам занимался своим творчеством. Но при этом и тот, и другой очень любили своих родителей.

Михалков II

…Никита называет Сергея Владимировича "падре" и при встрече целует ему руку, т. е. относится к нему с благоговением. Лишь однажды, насколько я знаю, все собрались вместе… на юбилей Сергея Владимировича в Колонном зале Дома Союзов. Кажется, это было его восьмидесятилетие. Конечно, в основном устраивал все Никита. И вот, когда в тот юбилейный вечер они всей семьей с внуками и правнуками чествовали отца, у всех сложилось впечатление, что это монолитная, единая семья, что Сергей Владимирович очень нежно относится к внукам, внучкам, а также и к правнукам. Однако это очень не простая семья и далеко не все в ней так, как это кажется. Отношения в ней очень не похожи на отношения, которые имеет обычная благополучная семья. И это потому, что они все индивидуальности и все — очень не простые люди! Тем не менее, они как-то оставляют впечатление, что в случае необходимости они всегда придут друг другу на помощь и будут вместе столько, сколько понадобится!

Что касается Валентина Гафта, то у него, на мой взгляд, эпиграммы излишне злые! Очень злые эпиграммы! Гафт написал: "Россия, слышишь этот зуд? Три Михалкова по тебе ползут…" А я на этот счет вот что скажу: "Дай Бог, чтобы таких Михалковых, как можно больше, ползло по России! Они — талантливые люди. И каждый из них — талантлив по-своему".

…Когда у меня спрашивают: "Почему у Вас такие прекрасные отношения с Михалковым-старшим и такие сложные с его сыновьями, особенно с Никитой? В чем дело? Приоткройтесь для истории!" — я отвечаю: "Ничего я не хочу открывать!" Не знаю, то ли кто-то нас поссорил, то ли еще что-то… не знаю! Во всяком случае, я без особых симпатий отношусь к этому незаурядному человеку, талантливому режиссеру и талантливому актеру. Обычно, чтобы художник общался с художником, должно быть состояние внутреннего притяжения, которого у нас с Никитой нет.

Вот он очень хорошо относится к Юре Башмету и в то же время позволяет себе такие выражения, которые, на мой взгляд, если они даже шуточные, не стоит говорить публично, а Никита говорит: "Ах ты, мой жиденок любимый! Ах, ты мой еврейчик любимый!" В общем, такой как бы шуточно-антисемитский подход… Это заставило меня относиться к нему осторожно. И, может быть, в какой-то степени даже предвзято. И у него то же самое отношение ко мне. Несмотря на то, что очень часто мне приходится, как председателю Комитета по культуре сталкиваться с письмами и жалобами в его адрес или с письмами и проблемами с его стороны… И тогда мне, конечно, приходится проявлять какую- то определенную объективность. Тем не менее, я хочу сказать, у меня личного уважения к Никите нет! К Андрону? О нем разговор особый…

А насчет Никиты я еще вот что должен отметить: разговоры о том, что он кончился вместе с советской властью, это неправда, неправда и еще раз неправда. Он, как был великолепный кинохудожник, так им и остался. Даже как- то еще больше заматерел. И как он дружил с советской властью, так он и теперь дружит… с не советской властью. Дружит с Путиным

Я думаю, и своим творческим "я" он нас еще удивит и не раз! Он полон энергии.

Михалков III

Андрон Михалков-Кончаловский — тоже очень серьезный кинохудожник. Конечно, менее активный, менее решительный и менее конъюнктурный, чем его брат Никита. Вместе с тем — тоже очень своеобразный. Вызывающий к себе со своими женитьбами и со своими высказываниями ажиотированное внимание. Но когда разговариваешь с ним, когда слушаешь его, или когда смотришь его фильмы, убеждаешься, что он — очень глубокий художник. Не потому, что он пожил за рубежом и создал там себе какое-то имя.

Может быть, и правильно он сделал, уехав от той смуты, какая была в России, в более спокойные места. Теперь у него очередная (дай Бог — последняя!) семья, жена — скромная красивая женщина-актриса. По газетным сообщениям, семья благополучная, а как на самом деле — не знаю. В гости друг к другу мы не ходим. При встречах с Андроном обнимаемся, как, впрочем, обнимаемся и с Никитой. Точнее, обнимались. Но в объятиях этих больше традиции, нежели искренности. Между нами пролегло что-то такое, что не дает нам возможности иметь что-то общее.

У нас есть общие с Никитой друзья, Юра Николаев (телеведущий) и Юра Башмет, которые сетуют, что, организуя какие-то праздники, участвовать в них я Никиту не приглашаю. И Никита меня не приглашает, хотя при встречах… друг другу кланяемся. Николаев и Башмет говорят: "Ну, давайте мы вас помирим!" На что я отвечаю: "Да мы, вроде, и не ссорились никогда… Чего нас мирить?"

- Как хорошо было бы, если бы вы объединились. Он возглавляет Российский культурный фонд, а Вы госдумовский комитет по культуре…

- Ничего страшного. Пусть на здоровье возглавляет и дальше… сам.

На этом обычно подобные уговоры и заканчиваются, а на душе остается какой-то непонятный беспокойный осадок.

…Каждый из Михалковых ценен сам по себе. Однако наиболее серьезная фигура в истории, безусловно, отец — Сергей Владимирович Михалков, но на развитие сыновей он да-а-авно не влияет. По значимости я бы расставил их так: отец, Никита и Андрон. Значимость я определяю по вкладу в искусство, по активности, по жизненной позиции и так далее. Конечно же, огромный крест на груди Никиты — это еще не определение его российской принадлежности. Это — просто демонстрация принадлежности. Когда я говорю, Никита — человек конъюнктурный, я имею в виду его стремление возглавлять находящиеся на слуху организации… такие, как Союз кинематографистов или Российский фонд культуры.

Мне приходилось слышать, что в последние годы неприязни к отцу Михалковых нет, к Андрону неприязни нет, зато по отношению к Никите неприязнь, наоборот, растет… В чем тут может быть дело? Я думаю, прежде всего, в том, что он не скрывает каких-то своих националистических убеждении. Он — националист, такой русофил активный!.. Хотя в своих творческих работах свои национал-шовинистические стороны он не проявляет. Откуда у него такая "активность" — ума не приложу?

Тем более что, как говорят, мать его имела еврейские корни. Отец подобной "активностью" не страдал. И Андрон тоже. Где он этого набрался? Наверное, кто- то его заразил… Я никогда не забуду, как однажды Григорий Горин по моему заказу написал сценарий, точнее, синопсис предполагаемого фильма или спектакля на тему "Любимая жена царя Соломона". Потрясающая вещь получилась. Гриша вообще был талантливый автор, а это — ну просто удача из удач, написанная на основе исторических данных.

И вот… я позвонил Никите и сказал: "Никита! Я хотел бы прислать тебе синопсис. Посмотри его. По-моему, может получиться очень интересная работа".

Я даже предположить не мог, что сама тема и принадлежность темы так повлияют на Никиту. И потом автор — Горин…

Он перезвонил мне через несколько дней и говорит: "Старик, понимаешь, у меня сейчас снимается большая картина, и я не смогу в ближайшие год-два заниматься этим синопсисом. Поэтому предложи кому-нибудь другому…"

Я говорю: "Хорошо, послушай, если ты берешься, то, в конце концов, можно и подождать…"

Он: "Нет-нет-нет. Ждать не надо. Ждать не надо. Надо снимать. Я сейчас это снимать не буду".

И я сказал: "Что ж, очень жаль…"

Это было года за два до смерти Горина Синопсис был напечатан в каком-то альманахе или сборнике, но… так и не осуществился!

Никита понимал, что это очень серьезная работа, которая, безусловно, будет пропагандировать еврейскую историю и еврейскую культуру, а он просто не захотел это пропагандировать…

Когда говорят: "А Вам не кажется, что православие, которым так кичится Никита, какое- то у него нарочитое? Он его везде выставляет так активно, что даже вызывает отторжение. Если у Лужкова — православие скромное, как бы православие для себя, то у Никиты — оно какое- то навязчивое и обязательно напоказ, да еще — всему миру…"

Отвечая на такие рассуждения, я бы, прежде всего, сказал: "Пусть православные это сами решают, что у него и как!?" И потом, я человек не религиозный, хотя и уважающий любую веру. Что же касается подходов Лужкова и Михалкова к православию, то я вообще не хочу их сравнивать. Это совершенно разного рода явления, т. е. явления — просто не сравнимые!

Кстати, когда был юбилей православной церкви, и они летали в составе паломников в Иерусалим, они даже помирились там, у

Гроба Господня, но все равно в дальнейшем общения у них не получилось. Уж больно они разные. Что уж тут сравнивать?!

Вот такие они Михалковы.

ЖВАНЕЦКИЙ

Начну с того, что знаю я Михаила Михайлыча с его, будем так говорить, ранних лет, когда он появился в антураже у Аркадия Исааковича Райкина, и потом, когда они (Виктор Ильченко, Роман Карцев и Михаил Жванецкий), так сказать, отпочковались от Райкина и стали работать втроем Они работали и терпели большие жизненные и творческие трудности, задыхаясь в вакууме Одессы и Ленинграда, Кончилось тем, что они приехали ко мне в Москву и попросили, чтоб я помог им встретиться с нужным человеком… Они договорились с Рудиным дать им "Сад-Эрмитаж", чтобы выступать там со своей программой. Но дело встало из-за Шкодина Михаила Сергеевича, в то время первого заместителя руководителя Комитета по культуре Москвы. Он был против. И вот они попросили: "Как бы нам попасть к Шкодину, чтобы он не возражал против нашей работы в Москве?!" А у меня с Михал Сергеичем Шкодиным были нормальные отношения. И я привел их к нему. Состоялся откровенный разговор, который закончился тем, что Шкодин разрешил им работать в "Эрмитаже".

Потом появилась просьба помочь решить их квартирные вопросы по обмену, по переезду в Москву, по получению квартир. И в этом я им тоже помог. Таким образом, я принял самое прямое участие в их судьбе, хотя их юмор и сатира, как говорится, не мой жанр. Они не были мои близкие, но я видел, что это очень талантливые люди, и поэтому считал необходимым поддержать их. И все вышло нормально.

Общались мы с Мишей эпизодически, когда еще была жива его мама, и он находился у нее в Одессе. Он часто любил там отдыхать и писать, когда уже стал достаточно обеспеченным автором. Если в такой момент я приезжал на гастроли в Одессу, мы как-то пересекались. Относились мы друг к другу хорошо. Но особой дружбы не было.

Теперь, когда многие плюются от того, что Жванецкий делает в наши дни, мне не стыдно, что я когда-то ему помог. Потому что сейчас это совершенно другой Жванецкий. И я это дал понять ему достаточно откровенно. Особенно после того, как он стал высказываться в разных интервью и в передачах Андрея Максимова насчет Кобзона. Как только разговор каким-то образом заходил обо мне, Жванецкий тут же начинал отпускать свои глубокомысленные замечания в том смысле, что"чего же вы хотите, если Кобзон комсомольско-молодежный певец и… всегда с начальством?!

Когда мы встретились на юбилее одного хорошего общего друга в Киеве, тут он получил от меня сполна. Я сказал все, что о нем думаю. Я сказал: "Понимаешь, в чем дело? Если бы не "мой комсомол", ты бы вообще неизвестно где был бы… Если бы не "комсомольский певец", о котором ты говоришь с таким упоением, вызывая ажиотаж и ехидные улыбки, кто бы тебя знал, кроме соседей по коммунальной квартире в Одессе? Так бы ты там и жил, пока сам себе не надоел… Ты что себе позволяешь? Какое ты имеешь право? Собственно говоря, и в Москве- то тебя прописали только потому, что просил за тебя именно тот самый "комсомольский певец", над которым ты теперь так посмеиваешься. Как же тебе не стыдно? Почему ты такой неблагодарный? Почему ты удивительно хамский человек по отношению к людям, которые делают тебе добро?" Вот где-то в таком духе я ему все высказал и добавил: "Теперь я буду на всех углах говорить, что ты — ‹…›, что ты — человек, который не заслуживает совершенно никакого внимания, потому что все, что ты говоришь — все это ерунда, что у тебя нет ни позиции, ни приверженности, ни к чему: ни к народу, ни к стране, ни к коллегам по работе… Как "комсомольский певец" я буду это утверждать! Тебя это устроит?…"

Кончилось тем, что Жванецкий извинился и сказал: "Больше я в жизни такого себе не позволю. Я даже не подумал, что я наделал своими словами. Вот сейчас тебя слушаю и понимаю, что действительно незаслуженно обижал тебя…" Жванецкий извинился, но осадок остался.

Вот такое было, но что я хочу еще сказать. Для писателя подобного масштаба, причем, действительно талантливого писателя, существовавший режим, политическая ситуация и время являлись незаменимой пищей для творчества Можно просто рассказывать анекдоты или просто шутить. Это да. Но это так, в компании. Для государства же, для страны, для народа настоящему писателю нужно, прежде всего, заявлять о своей позиции!

В свое время, в советское время, когда он остро высказывался в своих монологах или в тех работах, которые по его произведениям делали Карцев и Ильченко, Жванецкий по-настоящему был на высоте положения. Но потом, когда возникла эта лживая демократия, когда стало можно говорить, что угодно, и даже со сцены говорить матом, оказалось, что все это никому не нужно.

Многие сатирики, в том числе и Жванецкий, потеряли свою актуальность: ведь они были писателями того времени, а то время… кончилось. И без чьих-то сатирических намеков все

видели, что представляет из себя Ельцин… Необходимо было проявить новое видение новой жизни и величайшую изобретательность, как это смог сделать Михаил Задорнов, дабы остаться на плаву достойным образом, а не гадить в приличном месте, "забыв", что для этого существуют специально отведенные места.

…Конечно, можно сказать, что Жванецкий взялся за Кобзона, потому что остался без темы. Хотя, скорее всего, причина в том, что он почувствовал себя великим, когда перестал им быть, когда ушло его время. Однако хочется показать, что ты еще есть и еще ого-го какой бесстрашный, независимый и абсолютно свободный во всем вольный художник. Сейчас он то же самое повторил и в отношении Лужкова, который обеспечил его всем. И его проживание в Москве, и квартиру, и место для строительства дачи выделил в Серебряном Бору. А Жванецкий в ответ: "Лужков? Ну что… Лужок, конечно, хороший мэр, если бы не эти вот "церетельчики", его окружающие…" Какое хамство! Вообще неприкрытое… Это — не провинциализм. У хамов нет столицы. Они везде одинаковы — и в городе, и на селе. Хам есть хам. Отличительная его черта — отсутствие культуры человеческих отношений. Хотя, может быть, это и есть проявление провинциальности (?) вырвавшегося из грязи в князи: "Я теперь вот какой. И могу все, что захочу!" А получил по башке, испугался, затих и сразу на попятную, и тут же давай прятаться за чьи-то могущественные спины или бежать на "запасной аэродром".

Для этого у него, у Жванецкого, есть дом в Америке, у него оставленная семья в Америке, а здесь есть другая семья, и живет он, так сказать, на два лагеря… Живет в Америке и стесняется этого, словно боится, чтобы кто-то не узнал это и… как-то не так понял… Я не хочу вмешиваться в его личную жизнь, но не хочу, чтобы и он вмешивался в чью-то жизнь так, будто сам — самый святой. Художник никогда не должен забывать, что у него есть ответственность перед теми, ради кого он живет и работает. Здесь недопустимо фальшивить. Здесь необходимо проявлять особую ответственность и осторожность, если ты берешься лезть в человеческую душу. Ты же — как хирург!

…Вседозволенность сыграла со Жванецким злую шутку. Он посчитал себя самым великим. А раз так — значит, ему все можно. В действительности же, самому великому этого как раз и нельзя. Ему надо жить с оглядкой. Жить с пониманием свой роли в обществе. Его же захватила эйфория советского смутного времени настолько, что до сих пор он прийти в себя не может.

А в связи с обвинениями в конъюнктуре и связях с властью

хочется спросить: "Чего же ты сам ходишь по кабинетам и просишь себе то машину, которую у тебя украли, чтоб ее заменили, то клинику, чтоб тебя полечили… "на шару", то еще что-то?… Что же ты сам ходишь к тем, кого так поливаешь? Зачем сам делаешь то, за что так критикуешь других?"

Все, конечно, станет на свои места, если на эти больные вопросы Михаил Михайлович Жванецкий сам найдет ответы, достойные великого писателя.

АЛЛА ПУГАЧЕВА

Впервые я увидел Аллу на улице Качалова в Доме звукозаписи. Это было в году 70-м или 71-м. Тогда на Всесоюзном радио существовала такая веселая редакция, которая называлась редакцией сатиры и юмора. На ней работали замечательные авторы Трифонов и Иванов. И вот однажды, когда у меня шла очередная запись песни, ко мне подошли эти самые веселые редакторы Всесоюзного радио и сказали: "Иосиф, нам нужно срочно для воскресной передачи "С добрым утром!" записать одну девочку. Будь добр, уступи нам свое время!" Вместе с ними подошел композитор и музыкант Лева Мирабов, написавший песню, которую должна была озвучить эта самая девочка…

Я говорю: "Да, пожалуйста…" — и прервал запись. Входит в студию такая… ну чересчур скромная девочка. Такая синюшная, худенькая, бледненькая. В конопушках вся. И начинает записывать песню удивительно запоминающимся протяжным голоском "Робот, ты же был человеком…" Дальше забыл. Но эта строчка врезалась навсегда. Короче, записали, поблагодарили и… вот таким образом познакомились. Это было ее первое появление в эфире. Я даже не помню, под какой фамилией она тогда выступала. Что происходило дальше с этой девушкой, я не интересовался.

…Прошло время. Где-то в году 74-м ее заметил руководитель ансамбля "Веселые ребята" Павел Слободкин. И… как бы женившись на Алле, взял ее к себе в коллектив, и она начала у него работать.

Слободкин по советским временам был очень активный и предприимчивый человек, старавшийся не упускать ни одной возможности, чтобы как- то заявить о себе и о своих солистах, которые могли добавить популярности его коллективу.

Когда был Всесоюзный конкурс на лучшее исполнение песни, Павел "пристроил" на него свою Аллу. Председателем жюри являлся знаменитый дирижер Юрий Васильевич Силантьев. Я тоже входил в состав жюри. И вот, как сейчас вижу, выходит Алла в скромном платьице, точнее, в сарафанчике в горошек, и поет две песни (Ермолова "С чистых прудов" и "Посидим — поокаем"). И поет их просто замечательно.

…Начали обсуждать кандидатуры исполнителей на премию. И тут я понимаю, что она "вылетает". Из-за какой-то совершенно дурацкой системы подсчета очков она оказывается за бортом лауреатов конкурса. Тогда я стал уговаривать Силантьева, который относился ко мне дружески: "Юрий Васильевич, ну

неужели не убедила Вас Пугачева своими песнями, что она достойна, быть лауреатом?" Он говорит: "Иосиф! Ну… убедила. Ну и что, что меня убедила? Других-то не убедила! У нас все-таки жюри. Поэтому мы должны коллективно принимать решения!"

…При голосовании, кому присудить первую премию, она "проскочила". Первую премию дали Венере Майсурадзе. Вторую премию она тоже "проскочила". Наконец, когда исчерпали третьи премии, я встал и сказал: "Коллеги, мы с ума сошли! Ну как мы можем оставить без премии так здорово начинающую певицу Аллу Пугачеву?"

- А мы ей диплом дадим! — раздались голоса.

- Да нет! Так нельзя! Лауреат — это все-таки не дипломант. Вы же сами понимаете, что лауреат — это действительно много значит! Поверьте мне, она — очень перспективная девочка, и ее надо обязательно поддержать. Дайте ей шанс, и она себя покажет!"

Силантьев не выдержал и говорит: "Коллеги, а ведь Иосиф прав! Он вел себя достаточно демократично на протяжении всего конкурса, И раз уж он так настаивает, давайте его поддержим!"

И меня поддержали. Алле дали четвертую "третью премию". Всего было девять премий: две первых, три вторых и четыре третьих. Последней была ставшая вскоре, как я и предсказывал, первой (!) Алла…

Происходило это в июне 1975 года. А в августе на конкурсе "Золотой Орфей" в Болгарии она спела песню Эмила Димитрова "Арлекино". Это уже была революция Аллы Пугачевой! С этого часа не было дня, чтобы о ней не говорили. О ней говорил не только огромный Советский Союз, но и разные зарубежные страны.

…Тогда я еще ездил за рулем. И наутро после того не рядового ночного события, проезжая по Каретному ряду, увидел гуляющего Леонида Осиповича Утесова. Он жил в Каретном ряду. Я остановился. Вышел. Обнялся с мастером, а он мне и говорит: "Иосиф, Вы смотрели вчера "Орфей"?" Я говорю: "Смотрел".

- Ну и как Вам эта рыжая лахудра?

- Потрясающе! — говорю я.

- Это с ума можно сойти, Иосиф. Она — действительно потрясающая. Она — явление! — так сказал великий Утесов.

А сама Алла, еще несколько часов назад бывшая какой-то там солисткой "Веселых ребят", вспыхнула в ту ночь новой звездой первой величины.

По-разному складывалась дальше ее судьба. Она становилась невероятно популярной. Трудно, конечно, кому-либо когда-либо

переплюнуть популярность, которая была у Муслима Магомаева. Однако Пугачева временами все-таки приближалась к его уровню. Порою достаточно было произнести ее имя, чтобы собрать стадионы… Это, к сожалению, затмило ей голову. "Звезда" все чаще стала направо и налево раздавать свои не терпящие никакой критики оценки всему и вся… и все реже делать то, что сделало ее "звездой". С "ее высоты" выходило, что вокруг никого нет, ничего нет, что она одна, и она — самая- самая…

Как-то при встрече я сказал ей: "Вчера смотрел твое телевизионное интервью. Не надо так делать, Ал! Ты себя погубишь…"

- Почему? Что такое, Иосиф Давыдович? — удивилась она (она зовет меня Иосиф Давыдович).

- Да потому, что своими безапелляционными заявлениями ты настраиваешь против себя коллег. Ты можешь о чем угодно говорить с публикой, но зачем обкладывать коллег?! Они не виноваты, что у них не было в начале карьеры "Арлекино". Тебе повезло, и ты удачно выстрелила. Безусловно, твои талантливые качества сыграли в этом не последнюю роль, но все равно: не надо так обижать коллег по сцене…

Так и сказал. И она, видимо, затаила на меня обиду. Шел 1989 год.

А за несколько лет до этого она обращалась ко мне. У нее со Стефановичем (бывший муж Аллы) возник конфликтный вопрос. Они разошлись. Перед этим я потерял ее из виду. За это время она успела родить Кристину. Пожила с одним мужем. Потом с другим. Со Стефановичем, с которым она разошлась. И они решали квартирный вопрос, Она обратилась ко мне. И, конечно же, я ей помог.

К тому времени я стал народным депутатом СССР. Причем, в финале выборов нас осталось два конкурента на одно место народного депутата от культуры. Остались Гундарева и Кобзон. Молодая Наташа Гундарева перед самым голосованием вдруг встала и сказала "Я вас очень прошу: не надо голосовать, не надо решать судьбу этого места голосами, потому что Иосиф гораздо более активный человек с гораздо более активной позицией. Поэтому он лучше, чем я, сможет отстаивать интересы культуры в новом парламенте. Тем более что я не люблю это дело, поскольку это — не мое". Так я стал народным депутатом…

И вот однажды уже в качестве народного депутата нахожусь я в Омске. Смотрю телевизор. И что, вы думаете, я вижу? Я вижу на экране ядовитую и вездесущую писательницу Толстую, какую-то даму и… Пугачеву (в канун 8 Марта). В прямом эфире Алле задают вопрос "Алла, как ты относишься к тому, что сейчас (в

годы перестройки) многие творцы пошли в политику?" (Тогда действительно в составе съезда народных депутатов СССР было очень много режиссеров, художников, народных артистов, поэтов, писателей и кинематографистов.) И Алла выдает: "Ну… если вы имеете в виду Кобзона, то ему, наверное, уже пора сидеть там, а я-то еще попою…" Это вызвало бурный ажиотаж. Пошли разговоры, аплодисменты. "Ах ты, Господи!" — думаю.

А у меня как раз в Омске было три концерта: в двенадцать, в шесть и в девять. Выхожу на первый концерт. И зал с аплодисментами встает, как бы протестуя против ее высказываний. Я пою, как будто ничего не случилось. Возвращаюсь в Москву. Меня спрашивают: "Как вы прокомментируете слова Пугачевой?" Я говорю: "Да никак! Дура есть дура. Что тут комментировать?" А тогда уже у Аллы был роман с Женей Болдиным. Он ее продюссировал. И вот Болдин, встретившись со мной в концертном зале "Россия", говорит: "Иосиф, прости ее, пожалуйста! Ну, ляпнула баба…" Я говорю: "Женя, а почему ты за нее прощения просишь? У нее что, голос пропал? Пусть она сама объяснит: почему она так сказала о человеке, который ей кроме добра ничего не сделал?! Уступил ей место в студии, чтобы не сорвалось ее первое выступление по Всесоюзному радио. Пробил ей звание лауреата, что позволило поехать на конкурс "Золотой Орфей" и стать знаменитой… Или, может, я сделал плохо, что помог получить квартиру, когда ей с Кристиной жить было негде? Какое она имела право вообще меня трогать? Тем более что она, наверное, понимает, что я не самый плохой певец в этой стране…"

- Ну, дура, Иосиф, и есть дура! Прости!"

- Нет", — говорю, — "Женя, ты меня не убедил. Пока она сама не опомнится, я буду при всех удобных случаях уничижать ее, несмотря на то, что она женщина…"

Потом как-то отлегло. Я, конечно, отошел от этого и… все забыл. А тогда накипело, и я высказал ему все, что о ней в то время думал.

После этого у нас с ней бывали разные случаи. Как-то раз, когда у меня шли сплошные концерты, а Алла значительно сократила свою концертную деятельность и творческую активность и опять начала что-то там высказывать, я не удержался, чтобы не пошутить: "Не исключено, что… (если так и дальше пойдет) мне придется спеть на проводах Аллы со сцены!"

Потом мы с ней опять приятельствовали. Она часто бывала на каких-то моих сборищах и юбилеях, была на моей серебряной свадьбе, пела специально написанную песню на моем прощальном туре по местам моих гастролей в бывшем Советском

Союзе. Пели мы с ней дуэтом…

Мы и по сей день общаемся. Однако той искренности, которая могла бы быть между старшим товарищем и младшей коллегой, нет.

Меня спрашивают: "Что ей за шлея под хвост попала?" Отвечаю: "Никакой шлеи нет! Скорее, это эйфория, что она все время будет на пьедестале. И от этого она может унизить и оскорбить кого угодно: и Соню Ротару, и Иру Аллегрову, и Ларису Долину… Кого угодно! На нее обиделась и наша "прибалтийская звезда" Лайма Вайкуле. Что тут нужно делать? Да все просто! На нее просто надо реагировать соответствующим образом. Брякнет она что-то, а в ответ ей: "Да пошла ты…" И она сразу (!) успокаивается. И становится на место".

Вместе с тем надо признать, что Алла — не мстительная. Она не использует свои дружеские связи и свое положение против своих коллег. Нет! Ничего этого нет. Она нормальная… Но на ней почти все время висит маска вот этой вот "неугасимой звезды", которая иногда ей очень мешает, а порою даже вредит. Обозначилась и еще одна беда. Она теперь много пропадает на каких-то бездарных тусовках вместо того, чтобы активизировать свое творчество. Времени ведь впереди, что у нее, что у меня, мало. Да, к огромному сожалению, она очень много времени, которого у нее осталось не очень много, отдает пустому времяпрепровождению, какой-то своей дури. Мне не как артисту, а как потребителю ее творчества это очень обидно. Лучше бы она записала новую песню.

И как она не понимает, что в свои 57 (я не ошибся: она 48-го, а не 49-го года)…

В свои 57 она не понимает, что ресурс жизни уже и у нее ограничен? Особенно творческий ресурс… совершенно ограничен! Ей бы наверстывать то, что прогуляла, и подтверждать себя, пока есть время, а она предается всяким глупостям в ущерб своему необыкновенному таланту.

Разговоры о том, что Пугачева уже дисквалифицировалась, — чепуха! Я так не думаю. Мастер никогда не может дисквалифицироваться. Недаром есть поговорка: "Талант не пропьешь!" Талант всегда остается талант. Она его никогда не пропьет и не проиграет. Поэтому всегда будет примадонной. Но дело не в этом… Алла могла бы сделать карьеру не конъюнктурной, но очень полезной для развития своего жанра.

Она же, кроме участия в глупом (с точки зрения искусства) коммерческом проекте "Фабрика звезд", ничего толком не делает. А могла бы хорошо влиять на обстановку в стране, в которой она не просто пребывает, а все-таки живет. Могла бы высказывать

свое мнение по поводу того, что у нас происходит, и как она воспринимает текущую политику. Нельзя же быть известным гражданином и отмалчиваться. У нее нет никакой позиции. Такое впечатление, что она и иметь ее не хочет.

Если ее приглашают, она идет. И опять-таки, если это не коммерческое предложение, то приглашение ей должно быть очень личностным. Ей должен позвонить чуть ли не сам Президент, чтобы она приняла участие. Она напрягает всех. И все идут… автоматом, идут упрашивать. Хотя я считаю, нас, артистов, за такое поведение надо наказывать. Как наказывать? Элементарно. Скажем, позвонили и говорят: "Гражданин Кобзон, необходимо выступить во Дворце съездов на концерте, посвященном Дню пограничников!" Если я начну торговаться — сколько мне за это заплатят? — сказать: "Ничего вам не заплатят…"

- А чего это я обязан выступать без денег?

- Хорошо, гражданин Кобзон, больше государство к вам никогда не обратится, но и вы больше никогда во Дворце съездов выступать не будете! Прощайте…

После этого, чтобы вернуться на главную сцену страны, придется искать возможность и повод извиниться, доказать, что был неправ… Потому что в жизни есть такие дела, без которых мы, артисты, жить не можем! Если мы хотим от государства что-то иметь, скажем, престижные залы и рекламу своего творчества, мы должны выполнять элементарный долг перед Родиной. В самом деле, почему все должны, а мы, артисты, не должны? Чем мы лучше других? Чем мы лучше тех, кто больше нашего делает, чтобы страна была настоящей державой?! Не следует, конечно, забывать, что песня "строить и жить помогает". Но ведь строят-то другие граждане…

В этом смысле грешна Алла Борисовна. Но другой Аллы Борисовны у нас нет!

* * *

Кобзон закончил свой рассказ, а я вспомнил случай, произошедший 11 сентября 2002 года.

…В те дни вновь поползли слухи, что Кобзона не пустили на гастроли в Канаду из-за его якобы причастности к международной мафии. Взбудораженная публикациями и разговорами общественность в лице наиболее известных людей Москвы решила обратиться в связи с этим к президентам России и США с предложением провести совместное расследование и,

если Кобзон действительно виноват, отдать его под суд, как об этом в своем заявлении для СМИ просил сам певец.

Письмо это подписывали практически все, кому оно подавалось. Среди них были и друзья, и недруги Кобзона. Пугачева оказалась в числе тех немногих, кто сделать это отказался. Точнее, выглядело это так… Мы с ней встретились случайно на закрытой территории у служебного входа в кино-концертный зал "Россия". Вокруг никого не было. Только мощные охранники Пугачевой маячили неподалеку от нас. Мы поздоровались. Я коротко объяснил Алле суть дела. Она не ответила, словно ничего не услышала. Какие-то секунды мы бессмысленно и безмолвно продолжали стоять друг против друга, словно что-то обдумывая. После чего я повторил уже сказанное более обстоятельно и предложил ей самой прочесть это письмо. Алла взглянула на письмо, потом — на меня и… вдруг медленно, как кошка, избегающая нежелательной встречи, пошла в сторону. Я автоматически последовал за ней. Но она снова изменила курс, так ничего и не ответив. Оцепеневшие охранники, наблюдавшие наш странный диалог, словно пришли в себя и встали между нами так, чтобы продолжение такого совместного передвижения стало невозможным…

Пугачева той же походкой вошла в служебный вход. Через какое-то время, ошарашенный ее реакцией на письмо, я вошел следом и отправился в правый банкетный зал, находящийся перед гостевой ложей. Зашел и сел за край единственного длинного, уставленного разными яствами стола. Там же, за тем же столом, в одиночестве сидела с каменным лицом Алла. Только охранники в дверях да пара банкетных служительниц взирали на наше бессмысленное нахождение в том зале. Алла ничего не пила и не ела. Я тоже. Однако заговаривать больше не стал. А зачем?

Почему она так поступила — до сих пор остается загадкой. Быть может, вспомнила главу из книги "Рок из первых рук", где я, возможно, излишне откровенно описал свои впечатления от первой с ней встречи на квартире у Буйновых? Хотя… вряд ли. Осадок, если он и был, давно растворился во времени. Скорее всего, в тот вечер, когда перед ее глазами возникло нашумевшее письмо, Алле было просто ни до кого! Уж больно печальной она была…

А может, Пугачева и вправду затаила на Кобзона обиду???

КЛАВДИЯ ИВАНОВНА ШУЛЬЖЕНКО

Это был период тех первых, так называемых безголосых, певцов на эстраде, которые поражали своим исполнением. Тогда еще не было электронной техники, которая существует сегодня. Не было таких микрофонов и такой усилительной аппаратуры и, тем не менее, своим маленьким голосочком Клавдия Ивановна творила чудеса. Потому что она каждую песню играла! Не пела, а играла! У нее это переняла Пугачева. Многие вещи она у нее переняла так же, как и я перенимал песенные интонации и отношение к песенному слову у Трошина и Утесова Клавдия Ивановна — это целая эпоха на нашей эстраде. Маленький голосок, но очень артистичная и музыкальная была женщина. Безусловно, она была личностью, ни на кого не похожей. Поэтому вокруг нее всегда собирались хорошие музыканты, концертмейстеры и оркестры, которые работать с ней всегда почитали за честь.

Клавдия Ивановна была интеллектуальным человеком. Отсюда у нее свой, особый вкус к песне. Шульженко никогда не пела однодневок и, тем более, пошлых песен. Песен без драматургии она не признавала. Возьмите любую песню, и вы сразу убедитесь в этом. Скажем, "Руки, вы словно две большие птицы". Как она их показывала! Или другая песня: "Что? Да! Что? Где? Ах, как кружится голова! Как голова кружится…" Ну… это — фантастика!

У меня был друг — замечательный певец Юрий Александрович Гуляев. Мы оба были поклонниками Клавдии Ивановны. Несмотря на то, что он пел в Большом театре, а я пел на эстраде, мы очень близко дружили и очень часто выступали вместе с Клавдией Ивановной в дивертисментах, т. е. в дополнительных эстрадных номерах к главному сценическому представлению.

Когда Шульженко в Колонном зале Дома Союзов пела свой юбилейный (к семидесятилетию) концерт, это была такая песенная хрестоматия, на которой могли бы поучиться все исполнители: и оперные, и камерные, и, конечно, эстрадные. Сколько же было в ней мастерства, эмоций, мимики, движений и жестов, несмотря на ее преклонный возраст (выступать в таком возрасте — подвиг, особенно с выходом на сцену)!

…В личной жизни ей не везло. Хотя и рос у нее сын Гоша, она все равно всегда была очень одинокой женщиной. В то же время поклонников у нее было не сосчитать. Однажды, когда она решила, что должна уже уходить с эстрады, она обратилась ко

мне. У нас были очень нежные отношения. Она сказала: "Иосиф, я тебя очень прошу, забери у меня, пожалуйста, Шурену". Шурена — это костюмер, которая с ней очень долго работала. Я, конечно, ее взял, как просила великая певица. Александра Федоровна Суслова, или Шурена, благополучно проработала со мной не один сезон. И вместе с ней проводили мы в последний путь Клавдию Ивановну. Положил я ей в гроб синенький платочек, потому что сильней всего пела она про "Синий платочек, что был на плечах дорогих…" И, смахнув слезу, бросил в могилу прощальную горсть земли…

Это была удивительная женщина! Она, в отличие от большинства сегодняшних "звезд", так боролась за своих молодых коллег, так настойчиво не давала их в обиду, что недруги чаще всего отступали. Помню, как однажды в Усть-Каменогорске задержался с вылетом наш самолет. Один музыкант из оркестра Людвиковского Александр Гареткин страшно страдал от язвы и должен был постоянно пить минеральную воду. И вот в зале ожидания он в очередной раз достал бутылку и начал пить. На него набросился милиционер и, вырвав изо рта у него бутылку, заорал: "Пить здесь не положено! Я что… не тебе сказал?" Потом схватил того за руку и попытался заломить ее. Естественно, я кинулся на защиту и, оттолкнув милиционера, говорю: "Ты что себе позволяешь? Это же больной человек, с язвой…"

- Ах, так?! — огрызнулся милиционер и вскоре привел еще троих — таких же, как он, типов, неизвестно каким образом получивших право носить форму "стражей порядка". Кучей они бросились уже на меня, несмотря на то, что я был достаточно известным человеком и уже хотя бы потому имел право на более обходительное разбирательство в связи со случившимся. На выручку мне пришли музыканты. И началась предварительная потасовка Хулиганов в форме оттеснили. Они стали вызывать подкрепление. Тогда Клавдия Ивановна подошла к главному милиционеру и, схватив его за лацканы, прошептала "Негодяй, какое ты право имеешь так обращаться с артистом? Пожалуйста, можешь со мной тоже так обращаться… Только я тебя не боюсь! Я во время войны смотрела смерти не в лицо, а в зрачки. А ты… Сосунок! Позволяешь так себя вести…" То есть она, можно сказать, бросилась на амбразуру. Совершенно удивительная была женщина

Когда высокое начальство разобралось, в чем дело, извинениям перед Клавдией Ивановной не было конца, особенно извинялся первый, зарвавшийся милиционер.

ЛУЖКОВ

Эту фамилию впервые я услышал по телевидению в самом начале девяностых. Мэром Москвы Лужков еще не был… А свел нас печальный случай, когда Лужков уже вовсю руководил делами столицы. К нему в приемную меня привело неожиданное и нелепое убийство Игоря Талькова. Родные и близкие певца обратились ко мне с просьбой помочь захоронить его на Ваганьково. Тело из Ленинграда уже привезли. Оставалось… добиться разрешения. Кладбище-то — режимное. То есть, закрытое для простых смертных. Людей без звания там не хоронят. Одного имени мало, чтобы получить там место. И все же я решил попытаться…

Прихожу в приемную. Говорю: "Доложите, пожалуйста, мэру, что мне нужно срочно с ним встретиться". Положение было таким, что вопрос надо было решать немедленно. Я очень переживал и очень хотел помочь. У коллег по творческому цеху все надежды в тот момент были только на меня. Но… надо знать Юрия Михайловича. Выходит помощник и говорит сконфуженно: "Он сказал, что вас не приглашал. Поэтому и принимать вас не будет".

Я вскипел: "Да сто лет мне не нужен ваш мэр, если бы не вопрос, не терпящий отлагательства. Я пришел просить место для захоронения Талькова, а не личный прием для Кобзона устраивать…"

В это время открывается дверь и выходит Юрий Михайлович… с моим другом Веней Левиным Веня говорит: "Привет, Иосиф!" А Лужков… проходит мимо меня, как мимо затонувших кораблей. Я говорю: "Юрий Михайлович!" А он делает вид, что меня не слышит. И тогда я в сердцах произношу ему вслед нехорошее слово: "…". Он так остановился, повернулся, посмотрел на меня, как не знаю на кого, и пошел. Мне так обидно стало. Не за себя. За Талькова…

Выхожу из приемной. Остановился в раздумьях: что делать-то? Вдруг друг мой Венька возвращается. Говорит: "Ты что? С ума сошел? Он все слышал… Что там у тебя такое?"

- У меня? Ничего! Талькова похоронить нужно…

- Ну ладно. Подожди, — говорит Венька. — Не уходи никуда!

Я остался ждать на пятом этаже. А они с Лужковым, поскольку дружили, пошли обедать. Через какое-то время появляется Веня и говорит: "Пошли!" Я спрашиваю: "Куда?"

- К нему…

- Да пошел он! — опять в сердцах не выдержал я.

- Не валяй дурака! Тебе же надо подписать бумагу, — стал настаивать Левин.

Короче, спускаюсь на третий этаж. Захожу с письмом в мэрскую столовую. Лужков смотрит на меня и говорит: "Ты чего такой ершистый?"

Я ему: "А чего это вы мне "ты" говорите?"

Тогда он: "Извините, пожалуйста. Но если вы такой вежливый, почему вы меня… так оскорбляете?"

- Юрий Михайлович, — как можно сдержанней произношу я. — Прошу вас не разбирать случившееся. Я обещаю больше не беспокоить вас. Не волнуйтесь! Это мой первый и последний приход к вам. Но вопрос в том, что убиенный артист Тальков из-за случившегося здесь не может быть похоронен так, как он того достоин. А он ведь ни при чем! Подпишите, пожалуйста, разрешение. И вы меня тут больше не увидите…

- Прямо так никогда и не увижу? — смягчается Лужков.

- Никогда! — повторяю я.

- Хорошо. Давай письмо!

Я подаю письмо. Он читает и спрашивает: "Где хотите похоронить, на каком участке?" Я отвечаю: "Я еще не знаю. Еще не выбрали". И тогда он пишет: "Директору Ваганьковского кладбища… Захоронить в месте, указанном г. Кобзоном".

Я говорю: "Спасибо".

Он говорит: "Пожалуйста. Одумаешься — заходи!"

Я говорю: "Спасибо на добром слове. Но, думаю, не одумаюсь…" И ушел.

Проходит время. Встречаемся мы с Веней.

- Чего это он такой? — спрашиваю я Веню.

- А ты чего такой? — спрашивает меня Веня. — Не надо так. Он — хороший человек. Я его люблю. И ты — хороший человек. И тебя я люблю. Поэтому… я хотел бы, чтобы вы подружились. Давайте вместе кофе попьем!

Так мы встретились снова Недели через две. Там же. У него в столовке. Попили, как говорится, кофе и подружились. Именно — кофе! Не коньячок с кофе, как некоторые могут подумать. Лужков не пьет! Он вообще непьющий человек Он вообще не знает, что такое алкоголь. Насколько я знаю, и не пил никогда. И курить, никогда не курил. Лужков, как спортивный человек, всегда поддерживал в себе здоровый образ жизни.

Он не то, что я в былые годы. Правда, уже около 30 лет и я не выпиваю. А до этого и курил всю жизнь, и выпивал всю жизнь. Не могу сказать, что был пьяницей и забулдыгой, но… практически каждый день после концерта 400–500 грамм водочки принимал, чтобы снять весь дневной и концертный стресс и хорошо

выспаться. Благо почти всегда была рядом хорошая компания с хорошим застольем. Много закусывать не любил. Поэтому, наверное, и сохранялся долгое время в одном весе. Стройный был, как только что из армии вернулся. Вместе с тем по утрам очень любил (да и сейчас люблю) вкусно поесть. Поесть так, чтобы на весь день хватало. У меня три любимых кухни: украинская, узбекская и грузинская.

Однако — о Лужкове. С тех пор около 15 лет прошло. И дружим мы, что называется, душа в душу. Помню, как сейчас, пожали в столовке друг другу руки, и Юрий Михайлович, улыбаясь знакомой всем лужковской улыбкой, сказал мне: "Ну и характер у тебя!" Я тоже улыбнулся и говорю: "Слава Богу, и у вас тоже — характер!" Мы рассмеялись, потому что, думаю, поняли друг друга,

…Начало нашей дружбы запомнилось тем, как трогательно Юрий Михайлович относится к маленьким детям. Не забуду, как вместе поехали в родильный дом забирать его молодую жену Елену Николаевну и его первую дочку Аленку. Лужков, приняв на руки малышку, сам радовался, как ребенок. Через год появилась Оленька. С тех пор Новый год встречаем мы вместе. Новый год для нас стал вроде общего семейного праздника

Я люблю наблюдать за отношением Юрия Михайловича к Елене Николаевне, когда вокруг нет посторонних людей. Поражает, что разница в возрасте не чувствуется совершенно. Многие жены позавидовали бы, как он нежен и ласков к ней и к детям. Как отец, когда рождались Аленка, а потом и Оленька, он целый год обязательно исправно спешил к назначенному часу домой и лично купал новорожденных перед ночным сном, а потом пеленал, укладывал и убаюкивал, мурлыча колыбельные песенки. Спокойно сидеть рядом с молодой женой он не может. Его рука непременно должна передавать любимой всю его нежность. Вот она на коленке. Потом на плечике. Затем ласкает шейку. И вот уже жена вся в его объятиях. И каждый раз, когда кто-то произносит тост за женщин, он тут же отрывисто говорит: "Горько!" — и бросается целоваться с Леной.

Он очень интересный в проявлении своих чувств человек. И дай Бог ему долгих лет жизни!

Это такой человек, которому незнакомо страшное чувство предательства. Он никогда не сдавал своих людей…

Я часто бывал у них в гостях еще тогда, когда они (до постройки своего дома в Молоденово) снимали дачу. Жили они там вдвоем Детей у них еще не было. Несмотря на то, что Елена Николаевна моложе меня намного, в дочери мне годится, я все равно зову ее по имени-отчеству.

Юрий Михайлович, как мало кто, умеет устраивать домашние праздники, особенно Рождество, Масленицу и Пасху. Круг людей, вхожих в семью Лужковых, очень невелик. Поэтому приятно чувствовать себя в числе их гостей. Лишь несколько человек из членов московского правительства бывают у них в доме. Остальные же никогда не были: отношения с ними у Юрия Михайловича по-настоящему хорошие, но все-таки официальные.

Домашние лужковские праздники проходят интересно, шумно и весело. Юрий Михайлович умеет так повернуть дело, чтобы все чувствовали себя непосредственно, чтобы приглашенные забыли, кто начальники, а кто — подчиненные. Вместе с тем, Лужков любит "тамадить". Обязанности тамады не доверяет никому. Может, благодаря именно этому всегда возникает и поддерживается непринужденная обстановка. Все поют и даже дурачатся, как дети. Чаще всего на пару с ним поем мы есенинские песни ("Не жалею, не зову, не плачу", "Отговорила роща золотая"), поем "Наши годы, как птицы, летят", поем песню Марка Фрадкина "Мы вдвоем в поздний час, входит в комнату молчание", ну и, естественно, песни о Москве… Еще Юрий Михайлович любит петь под "караоке". Дочки подросли и охотно подпевают отцу в этой песенной игре, которая обычно начинается, когда прерывается застолье и гости готовы к музыкальным упражнениям

Лужков жутко любит анекдоты. Любит смеяться и любит рассказывать сам. Получается это у него здорово. Рассказывает умело. Я бы сказал — театрально: жестикулирует, помогая всей мимикой лица, подбирает интонации и слова, придавая своим фразам особую динамику и энергию. Анекдоты он любит рассказывать с картинками, чтобы в воображении слушателей возникало соответствующее изображение.

Юрий Михайлович — человек общительный и очень простой. Когда играет дома в бильярд, входит в азарт.

Как только все поднимаются после застолья, дети уходят к себе, а женщины устраивают свою компанию, мужчины отправляются в бильярдную. Лужков играет нельзя сказать, чтобы профессионально, но очень увлеченно. И очень огорчается, когда проигрывает. Я, конечно, для него не партнер, потому что играю совсем примитивно.

Еще, бывая на отдыхе, на удивление любит преферанс. Тут он так расслабляется, что забывает и о возрасте, и о своем положении: ни дать ни взять — вылитый картежник! Но вот что изумляет: если рядом находятся женщины или дети, я никогда не слышал, чтобы он нецензурно выругался или сказал грубое слово. Это сдерживает и всех остальных, кто не прочь ввернуть острое

словцо при любых обстоятельствах. Иное дело — в мужских компаниях и, особенно при исполнении служебных обязанностей, когда кто- то из подчиненных срывает какие-то договоренности. Тут уж Лужков становится суров и настолько, что слов не выбирает. Вместе с тем не помню случая, чтобы эти суровые слова кого- то обижали. Если это мат, то мат — не оскорбительный, деловой мат, т. е. если Лужков говорит какое-то плохое слово, то оно в полной мере соответствует тому плохому делу, которое сделал нерадивый работник. И говорится это Лужковым не с бухты-барахты, а только после того, как он во всем разберется. Зато потом, если уж врежет, так врежет. Чего же тут обижаться, если заработал?!

Лужков — личность уникальная, и уникальная во всем. Второй такой личности сегодня я не знаю, хотя хорошо знаком со многими выдающимися людьми. Коротко говоря, Лужков — по-настоящему великий человек!

В чем его уникальность? Прежде всего — в мышлении. Его книга "Паркинсон" потрясает меня. Это же профессиональный роман политического и хозяйственного деятеля. Или недавнее экономическое исследование о современном развитии капитализма в России. Кто читал это исследование, вряд ли скажет, что ее написал кто-то вместо Лужкова. Почему? Да потому что в нем на каждой странице чувствуется лужковский слог, неподдельный лужковский стиль разговора Я допускаю, что имело место профессиональное редактирование, но главные-то, опорные выражения — явно лужковские! Лужковскую манеру мышления можно с пародировать, но подделать ее нельзя!

Говоря это, я вспоминаю его выступления пятнадцатилетней давности и сравниваю с тем, как он выступает сейчас. Он был ярким речевиком, а стал потрясающим оратором, у которого не только запоминающиеся обороты речи, но и встряхивающие откровениями слова. Его слова и манеру говорить не спутаешь ни с кем.

От его монологов дух захватывает. Так заворачивает и с такой энергией, что безразличных не остается! Не случайно то там, то здесь шепчутся: "Во! Лужок дает!" Лучше, чем Лужков, ораторов я не слышал.

То, что он говорит, часто произносится без подготовки и не по бумаге. Однако за этой постоянной готовностью сказать нечто неординарное всегда стоит то, что он не прекращает учиться, не прекращает самым серьезным образом изучать то, что происходило, происходит и может произойти. Не на все у него хватает времени, не все он постиг одинаково глубоко, но в стремлении докапываться до истины ему не откажешь. А

докопается — будьте уверены! — станет следовать этой истине, так или иначе. Тут уж его не собьешь с пути истинного.

Он не стесняется исправлять свои ошибки. Я много раз наблюдал, как ему любой человек мог сделать замечание за неправильно произнесенное слово. И он не обижался, а прислушивался и оттачивал свою речь так, чтобы она звучала и правильно, и литературно.

Бывает, конечно, что Лужков на кого-то обижается. Но человек он не мстительный. Он человек быстро отходчивый. Примером тому — случай со мной, с которого я начал этот рассказ. Другой начальник больше бы не подпустил к себе, а Юрий Михайлович, наоборот, приблизил меня, предложив мне быть у него советником по культуре.

Это произошло следующим образом Мои коллеги по искусству часто обращаются ко мне с просьбами выручить при решении того или иного вопроса. Чаще всего это квартирные вопросы, проблемы с помещениями для офисов или строительные дела. Прослышав о моих хороших отношениях с большим начальством (в данном случае с мэром Москвы), многие творческие и деловые люди просили меня обратиться с их письменными просьбами к Лужкову. И я по комсомольской привычке давал им ход…

Сославшись на комсомольские привычки, не могу не вспомнить разговор, случившийся у меня еще в советские времена с. Первым секретарем ЦК комсомола Борисом Николаевичем Пастуховым, который как-то сказал мне: "Иосиф, прекрати ты ходить с этими письмами!"

Почему, Борис Николаевич? Почему же мне не ходить, если у меня их принимают, а у авторов писем не принимают? Почему бы мне не помочь людям?

- Дело в том, что кому ты помог, тот в лучшем случае скажет тебе спасибо, а кому не помог, тот распространяет слух, что ты ему не помог, потому что он не дал тебе взятку…

- Какую взятку? — не понял я.

- У многих создается впечатление, что ты это делаешь небескорыстно, — заключил Пастухов.

Но даже после такого разговора я не перестал ходатайствовать за других. И вот однажды, когда я пришел к Лужкову с очередной просьбой, Юрий Михайлович вдруг говорит мне: "Слушай, Иосиф, ты уже достал меня со своими письмами. Ну, сколько можно таскать их?" Он был по- своему прав, потому что не было ни одного известного артиста (скажем, Леонтьев, Пугачева, Евдокимов и т. д.), который бы не обращался через меня к мэру по квартирным вопросам. Я должен был дать мэру

исчерпывающий ответ. И я сказал: "Мне очень жаль, Юрий Михайлович, что это действительно так. Но все дело в том, что мои коллеги и просто творческие работники знают о наших хороших отношениях, а я не могу делать вид, что это не так, и, как только можно, отбрыкиваться от их действительно "больных вопросов".

- Я тебя понимаю, — говорит Лужков. — Но пойми и ты меня: каждый раз ты приходишь ко мне с папкой писем… А на каком основании? Давай тогда мы назначим тебя хотя бы советником мэра по культуре?

- Давайте! — согласился я.

Поначалу, получив надлежащее удостоверение, я думал, что все это формально. Однако Лужков повернул дело так, что я получил не только официальное право просить за других, но и набор обязанностей, предполагавших мою ответственность за решение культурных задач, которые ложились на плечи Москвы… Чем не мудрый ход дальновидного человека, своевременно и правильно решившего, что Москве помогать людям искусства необходимо, но и людям искусства необходимо помогать Москве?!

Да! Я знаю многих великих людей, но среди них нет и близко таких, кого бы я мог сравнить с Лужковым. Даже среди великих он уникальный!

Несмотря на приличный возраст (а родился Юрий Михайлович 21 сентября 1936 года), не было случая, чтобы московский мэр не вышел на работу. Даже больной, с высокой температурой, уже в 8.20 Лужков на своем рабочем месте. Так он себя приучил. Ко всему этому — два раза в неделю футбол. Обязательно! Два раза в неделю — теннис. Обязательно! Так он поддерживает свою физическую форму. Хотя суставы болят, ноги болят, потянул где-то мышцу, еле ходит, но выходит из машины, разминается и… его уже не остановить! Он снова весь в деле!

Как-то и мне сказал: "Приходи играть в футбол!"

- Что я с ума сошел? — сразу обозначил я свою позицию. — Зачем мне смешить людей в моем возрасте?

Я действительно не представляю себя играющим в мои годы в футбол, а гляну на Лужкова и восхищаюсь, как он достойно умеет находить свое место на поле и по сей день.

Лужков обожает смотреть спорт, который показывают по телевизору, особенно теннис и футбол. По принадлежности он болельщик спартаковский и очень переживает, что теперь "Спартак" огорчает больше, чем радует.

Отношение Лужкова к женщинам может служить примером для многих. Бываем мы, скажем, на показах "Недели высокой

моды", где собираются самые красивые женщины Москвы и модели — "звезды" первой величины. С каким восторгом он смотрит на них, нескрываемо наслаждаясь их природной красотой. Но никогда я не видел, чтобы он встречал или провожал их похабными взглядами, которых, чего греха таить, хватает на подобных представлениях среди "крутых мужиков". Я не помню, чтобы, глядя на какую-нибудь потрясающую красавицу, он, смакуя, обсуждал ее формы, дескать: "Обрати внимание, Иосиф, какие у нее ножки!" Я же не могу, чтобы не сказать: "Ой… какая фигура, какие губы, а глаза, ну просто нет сил просто так на это смотреть!"

…Пускай не обижаются на меня хорошие столичные руководители, но среди них нет сегодня замены Лужкову. И, не дай Бог, Лужков уйдет — Москва это сразу почувствует. И не только Москва, но и те территории, с которыми у Лужкова есть деловые связи.

Тут я не мог не прервать откровения Кобзона вопросом "Иосиф Давыдович, тогда что будет делать сам Лужков? Такая активная личность и вдруг… завтра не мэр? Чем он станет заниматься? Огородом или пчелами, в которых он души не чает?"

- О-о-ой… Глупости. Глупости! Его личность сразу будет востребована. Любая самая крупная компания почтет за честь, чтобы ее возглавил Лужков!

- Да стыдно же будет ему заниматься даже крупнейшей компанией после такой масштабной деятельности! — не соглашаюсь я. — Для компании-то честь, но ему стыдно…

- Ничего не стыдно! — настаивает Кобзон. — Если Лужков возглавит РАО "ЕЭС" вместо Чубайса, ничего унизительного для Лужкова в этом не будет!

- Компания РАО "ЕЭС" от этого, несомненно, только выиграет, но сам Лужков… много потеряет. Хотя, конечно, через правильно организованные электросвязи всю экономику можно подтянуть… И все-таки это — не тот масштаб! Лужкову надо быть среди тех, кто миром командует! Поэтому, наверняка, и для Лужкова, и для его команды стоит вопрос "Что делать… потом?"

- Нет. Не стоит. И не будет стоять, — снова утверждает Кобзон. — Потому что отношение президента Путина к Лужкову достаточно прозрачное и уважительное.

- А что же тогда значил тот напряженный обмен намеками, когда Путин вручал Лужкову слишком маленький орден на фоне тех больших дел, которые сделал московский мэр? Что значили тогда, если не ошибаюсь, следующие слова Путина "Мы будем любить Москву, кто бы ею ни руководил!"? Впрочем, и сам Лужков перед этими словами президента не очень-то выражал

чувства признательности… Так что мне не кажется, что все так просто, как говорите вы.

- Во всяком случае, еще 8 мая 2000 года во время моей первой встречи с Путиным после его вступления в должность президента, когда я задал ему насчет Лужкова вопрос, Владимир Владимирович сказал: "Иосиф Давыдович, давайте на эту тему даже не говорить. Я очень уважаю Юрия Михайловича. И очень ценю его деловые качества. Поэтому мы будем с ним работать…"

- Однако, Иосиф Давыдович, вы, перешедший через вершины стольких эпох, эпохальная личность, не можете не понимать, что, если лидер страны так серьезно уважает Лужкова, то Юрий Михайлович автоматически должен быть Председателем Совета Министров, а не оставаться мэром…

- Знаете что? На эту тему шел разговор, но Лужков никогда не давал на это согласия. Потому что, как умный человек, Юрий Михайлович понимал, что должность Председателя Совета Министров — это временная должность. Случись первый серьезный хозяйственный обвал, заложенный даже не в его правление, все равно все свалят на него и с проклятиями сбросят с пьедестала. Так уже было, когда все грехи, накопившиеся за годы председательства Черномырдина, списали на полугодовое правление тщеславного, но все-таки не во всем виновного Кириенко.

А во главе Москвы Лужков практически при любых обстоятельствах оставался на своем месте, потому что московское хозяйство он начал с нуля, взрастил его до немыслимых прежде высот, и теперь, зная все его плюсы и минусы, знает, где и что надо делать, чтобы не пришлось нести тяжелую ответственность.

- В таком случае первая за последние десятилетия (среди политиков!) попытка теоретического исследования Лужковым вновь возникшего процесса развития капитализма в России — не есть ли это заявка на какую-то большую политическую деятельность, скажем, на создание самой влиятельной партии? Ведь даже само название книги перекликается с первым всемирно известным произведением Ленина "Развитие капитализма в России". Лужков, быть может, впервые после современного огульного отрицания Ленина пытается с высоты сегодняшнего дня разобраться, что было так, а что не так, как предсказывал наш знаменитый предшественник.

- Я не думаю, чтобы Лужков ставил себе такую цель, являясь одним из сопредседателей "Единой России". Думаю, критически оценивая теперешнюю деятельность этой партии, он стремится помочь ей избавиться от разного рода обывательских заблуждений и тем самым укрепить "Единую Россию".

- Однако заметьте! Происходит это, когда "Единая Россия" раскололась, когда дошло до того, что Слиска (одна из лидеров "ЕР") за то, чтобы памятник Сталину ставить, другие (ее однопартийцы) категорически против… Между тем, отношение к Сталину — лакмусовая бумажка политики. Стало быть, раскол налицо!

- Никакой это не раскол. Партия, которая допускает внутри себя критическое отношение к тому, что она делает, становится только жизнеспособнее, а не раскалывается. Если бы КПСС в свое время давала возможность для действенной нелицеприятной самокритики и необходимой при этом трансформации, то, наверное, не было бы и распада Советского Союза. Вот такой подход у Лужкова. А вообще-то он — радикальный, решительный социал-демократ. Он действительно очень критикует "Единую Россию". Чтобы лучше понять его направленность, надо обратить внимание на то, что именно старается он сохранить из прошлого.

Он продолжает многие начинания, которые достались нам от Советского Союза, например, студенческие строительные отряды, пионерию, бесплатные квартиры для малозарабатывающих семей и прочее…

- И все-таки Лужков не может не задумываться о своем будущем, — упорствую я. — Сам- то он что на этот счет говорит, когда вам доводится разговаривать по душам? Разве его не волнует его будущее? Неужели он готов после такой масштабной работы сосредоточиться на одном электричестве? Все-таки существует для него эта проблема или не существует? Как он это переживает?

- Ничего он не переживает. И нет у него никаких проблем. Он увлечен и поглощен делами настолько, что ему не до этого. Так что от него не услышишь: "Ах, что будет, если меня завтра снимут с работы?!"

- Тогда почему бы ему теперь, когда до отставки остался год, не согласиться на должность Председателя Совета Министров России?

- Знаете что? Хорошо бы было, если бы вы задавали эти вопросы Юрию Михайловичу, — неожиданно предлагает Кобзон.

- Я буду ему задавать, но интересно и то, как на это смотрите вы, — не отступаю я.

- Вот и задавайте, — вскипает Кобзон — Почему я должен говорить это за него? Как гражданин и как москвич я считаю, что он должен делать то, что он умеет делать и делает! А на пенсию, если его не снимут, он все равно не уйдет! Такие люди на пенсию не уходят. Они уходят из жизни раньше, чем уходят на пенсию! — категорически ставит точку в наших рассуждениях о будущем

Лужкова Кобзон и, подумав, продолжает. — Нагрузки, которые Юрий Михайлович испытывает на себе в течение дня, вряд ли проходят для него бесследно. А он еще целый чемодан бумаг увозит с собой, чтобы их подписывать дома до часу ночи. Проспав максимум четверть суток, Лужков снова едет на работу. Поэтому знающие люди не удивляются, когда он назначает им встречу на 8.20 утра…

Однажды я в течение недели пытался дозвониться до Ю.М. Тщетно. И вдруг повезло. Дозвонившись, сразу задал вопрос: "Дорогой Юрий Михайлович! Неужели для того, чтобы Вас увидеть, я должен опять заболеть и лечь в больницу?" На что он, рассмеявшись, сказал: "Нет уж… лучше дозванивайся! Мне гораздо приятнее видеть тебя здоровым…"

- Скажите, вам приходилось наблюдать, как Юрий Михайлович в целях разрядки от деловой напряженности лично занимается пчелами, лошадьми, садом и огородом, — перевожу я разговор на бытовые темы.

- Конечно, — подтверждает противоречивые слухи давний товарищ московского мэра

- А вас не тянет заодно с ним снять, таким образом, накопившуюся за неделю усталость? — интересуюсь я и добавляю. — Например, Сталин и Пастернак находили в садово-огородных работах способ отдохнуть от повседневных дел.

- Я не Сталин и не Пастернак. Поэтому, наверное, и не испытываю необходимости в физических нагрузках, чтобы получить расслабление за счет смены занятии, — отшучивается Кобзон. — И потом у меня просто нет на это времени. А если бы и было, я все равно бы потратил его более целесообразно — потратил бы на творчество и на то, чтобы решить какой-то общественный или чей-нибудь личный вопрос Удовлетворение, получаемое мною от этого, не сравнится для меня ни с каким отдыхом! Я вообще не люблю времяпровождение, которое бы отнимало у меня массу времени на то, что могут сделать другие. Мне нравится делать то, чего другие делать не умеют. Еще я не люблю рестораны. Не люблю посещение общественных мест, в которых жизнь моя пропадает впустую. Хотя, конечно, случается всякое… И все же я никогда не стану копаться в огороде. Вот Неля моя только что позвонила мне в поезд и сообщила радостно, что она вчера посадила грядки! Я ответил: "Очень хорошо. Приеду — посмотрю". И действительно, я приеду, посмотрю, пройдусь с ней вдоль ее грядок, похвалю… и все!

- Ну, хоть поливать-то будете?

- Не-е-е… Поливать не буду. Для этого есть люди, чтобы поливать. За это время, которое бы ушло у меня, чтобы полить

грядки, я лучше вместо вашей "разрядки" позвоню да попрошу за кого-нибудь… и таким образом гораздо более полезное дело сделаю. И испытаю от этого такую радость, какую мне ни одна "разрядка" не заменит.

…Лужков же — совершенно другой человек. У него в Молоденово целое поместье — такое колоссальное хозяйство, что никто даже представить не может. У него только лошадей штук 50 наберется. Чего только у него там нет: и бараны, и коровы, и птица разная… И во всем он хочет участвовать сам. Все это хозяйство он каждый выходной обходит, осматривает все внимательно, во все вникает и делает необходимые распоряжения. А когда доходит дело до пчельника, то тут он (обычно после воскресного тенниса) лично полдня обслуживает соты и в положенное время качает мед… лично! Лошадей тоже любит объезжать сам!

Собранный на своей пасеке мед Ю. М. раздает в детские дома и на религиозные праздники в храмы независимо от того, какую веру они проповедуют.

…Ошибается тот, кто думает, что по субботам мэрия не работает. Еще как работает! После футбола. Который, правда, начинается не в семь утра, как по средам, а в девять… Отзанимавшись футболом и съев традиционную после футбольную кашу, Лужков садится в машину и только тогда объявляет охране и водителю, куда собирается ехать, чтобы своими глазами увидеть, что делается, скажем, в Северо-Западном округе столицы. Сами понимаете, в каком напряжении все это время находятся районные начальники. И, можно сказать, до самого отбоя… в 12 часов ночи. Того и гляди — Лужок нагрянет! А кто согласится быть в дураках? Поэтому у него кто не умеет работать, долго не задерживается.

А каждый вторник после заседания правительства Москвы Ю.М. отчитывается перед москвичами по телевидению. Вот бы федералам так же!..

Вместе с тем он не забывает дни рождения друзей. И на свадьбу, и на крещение в их семьях успевает. И дочь Лизу теперешнего генерал-губернатора Московской области тоже крестил

Лужков. И не забывает о ней, несмотря на изменившиеся отношения с ее родителем…

Даже я, гордящийся умением успевать в течение суток гораздо больше, чем многие другие люди, не понимаю, как это у Лужкова хватает времени на все это? Не понимаю и искренне, по-дружески, завидую. Еще я завидую, что он знает английский и не нуждается в переводчиках, когда случаются особо важные

деловые переговоры. А я, наверное, так и умру, не покорив этот самый нужный мне после русского язык…

ТЯЖЕЛО ЛИ БЫТЬ КОБЗОНОМ?

…Кобзон впервые за последние дни завтракал не на скорую руку. Потом мы пили чай. Вагон поезда "Брест-Москва" приятно покачивало. Кобзон расслабился и, забыв про вчерашние обиды, готов был вновь предаться свободным воспоминаниям и размышлениям. Разговор наш опять происходил, что называется, на колесах. Другой возможности завершить первый том его мемуаров не было, и я благодарил судьбу даже за такую работу урывками и с большими перерывами.

…Пора было, как говорится, брать быка за рога, и мы приступили к делу. Вспоминая вчерашний бешеный день, когда толком еще не поправившийся после операции Кобзон остался без обеда и ужина, я начал с неожиданного вопроса:

- Тяжело быть Кобзоном?

- А Вы сами сделайте вывод! Ведь Вы вчера сами видели, как, выступая под дождем, при температуре 9 градусов, промокший и продрогший Кобзон хотел выпить чашку чая… И что из этого вышло? Это вылилось в безумие, когда, не обращая внимания на мое состояние, образовалась очередь за автографами. Поначалу я готов был вынести такое внимание, но, когда очередь превратилась в толпы, давящие друг друга, в том числе и меня, нахлынуло раздражение… Повышенное внимание со стороны людей радует до тех пор, пока это не выливается в бессмысленный ажиотаж, и все забывают, что надо уважать друг друга. В такие минуты не хочется быть Кобзоном! Тяжело осознавать, что стал причиной того, что люди забыли и про свое, и про мое человеческое достоинство!

Настоящее вдохновение и удивительный прилив сил я испытываю тогда, когда в естественной беседе ветераны войны и труда говорят мне спасибо за мою верность военным и патриотическим песням; когда воины-афганцы называют своим за то, что 9 раз прилетал в Афганистан и под пулями душманов пел им любимые песни; когда строители Братской ГЭС и других великих советских строек зачисляют меня в свои ряды…

- А когда Кобзон остается один на один с самим собой или перед тем, как лечь спать, говорит ли он себе: "Так… опять жизнь себе укоротил. Не нужно было в это ввязываться, потому что пустое это! Эх! Не так надо было действовать…"

- Конечно, взволновавшее меня обязательно анализирую. И ночью, бывает, проснусь и думаю, что так, а что не так… сделал?! Но я бы не сказал, что это случается каждый раз, да еще перед сном. Запрограммированности у меня нет. Обращать внимание на

все — жизни не хватит. Я не из тех, кто каждый день подводит итоги, как я мылся, как я ел, как я ‹…›, как я пел?… Нельзя себя так изводить! Зачем? Все, что делается не в меру, до хорошего не доводит. Да и потом все равно всего не успеешь и не предусмотришь. Так что осмысливаю, прежде всего, то, на чем споткнулся или могу споткнуться. Кобзон ведь тоже спотыкается… А вообще: Кобзоном быть и тяжело, и очень приятно! И особенно приятно сейчас… Ведь мне необходимо было полгода восстанавливаться после тяжелейших операций в Германии, а я начал работать больше, чем работал до болезни. Знаете почему?

- Почему?

- Да потому что хочу догнать время, упущенное на больничной койке. И это мне удается. И я испытываю от этого такой подъем! Ведь мой возраст не позволяет мне рассчитывать на большую перспективу. Я не из верующих. Так что мне нужно, как можно больше успеть на земле. Я не предполагаю, что, оказавшись под землей, попаду на небо и продолжу там то, чего не сделал здесь.

Кстати, певцы не уходят на пенсию — они падают, как деревья… Кажется, так сказал великий хореограф Юрий Григорович. Постоянно делать дело — это моя единственная болезнь, от которой я бы не хотел избавиться. К сожалению, с возрастом все чаще приходится бороться с болезнями, которые делать дело мешают. Я не сторонник лечиться за границей. Однако какие- то болезни где-то лечат лучше. Вот и оказываешься перед необходимостью ехать туда… Примерно в апреле 2004 года обнаружился у меня рак мочевого пузыря. Сделали в онкологическом центре на Каширке операцию. К концу года выяснилось: неудачно! И вот… не я, а наши светила из АО "Медицина" принимают решение оперировать меня в Германии, потому что лучший на сегодня специалист по этому делу профессор Петер Альтхаус находится в Берлине. Закончил он когда-то еще в Ленинграде Военную Медицинскую Академию. Альтхаус — гениальный хирург и… никакой доктор. Он умеет отлично оперировать и почти не умеет лечить после операции. Поэтому сразу после хирургии надо было бы вернуться на лечение домой. Лечащие врачи у нас — лучше! К сожалению, понял я это только тогда, когда в Германии "долечили" меня до повторной операции…

Как это произошло? Рассказываю. В конце 2004 года вопрос для меня стоял между жизнью и смертью. Конечно, не один врач точно не скажет: кто сколько протянет. Мне определили срок около полутора месяцев. Хотя были дни, когда буквально пять-

шесть дней могли решить судьбу. Начали лихорадочно искать выход из создавшейся ситуации. Пытались искать помощи у китайцев.

Но одно их светило, осмотрев меня, сделало вывод: "К сожалению, тибетская медицина помочь Вам уже не сможет. Нужна срочная операция!" По Интернету определили: лучшие результаты на сегодняшний день по такого рода операциям — у Альтхауса! Так я оказался в Берлине. И сразу понял, что легко германская медицина мне не дастся.

Началось с незнания языка Врачи и медперсонал не знали русского, а мы с женой не знаем немецкого. Это сразу осложнило мое положение: и с анализами, и с диагностикой, и с лечением, а главное — с настроением, когда тебя не понимают, и ты не знаешь, что от тебя хотят, и не можешь объяснить, что у тебя болит…

Осложняла положение и так называемая "немецкая скромность в медицине". В России сейчас много клиник, особенно частных, с хорошими, с человеческими условиями. У Альтхауса обыкновенная клиника с обыкновенными палатами. Все чистенько. Все стерильно. Хорошо оборудовано разными спецтехнологиями, прекрасное обеспечение всеми необходимыми лекарствами. Но, как мне представляется, нет человеческого отношения к больному. Нет сострадания!

Не больница, а какая-то машина по ремонту и восстановлению здоровья пациентов. Одним словом — клиника… Все время мною чувствовалась там какая-то ущербность! И не потому, что: "Ах! Они не знают Кобзона…" Ну и плевать. Это, может быть, даже лучше… с той точки зрения, что не переусердствуют. Однако то, что Альтхаус не имеет достаточного опыта в лечении после операции, сразу дало себя знать…

Сердце меня не подводило. И я категорически отказывался от эхокардиографии. Однако Альтхаус настоял. Я стал глотать эту "кишку". И у меня не просто шов разошелся, а разорвался живот… Живот просто в разные стороны разлетелся. И если бы только живот… Все внутренние швы тоже к черту полетели. Так что Альтхаус меня повторно всего перешивал…

Иначе и быть не могло. Швы-то были свежие. Врач, если он в лечении опытный, должен знать, что такая процедура может вызвать рвотный рефлекс и от рвотных содроганий привести к серьезным повреждениям результатов операции… Теперь-то — Альтхаус сказал — он будет это знать. А ведь сразу не прислушался. Хотя я умолял его не делать этого. Хорошо, если мой печальный урок послужит ему наукой. Ведь хирург-то он — гениальный!

Еще, что мне очень не понравилось, они очень "любят" иностранных больных. Потому что им в счет можно записать все: нитку или бинтик дали — в счет! Не говоря уже об уколах Их, сразу бегут включать в стоимость. Шагу не сделают без счета! Деньги сосут, как пылесос — пыль. Просто жуть в отношении иностранных пациентов. Своих, немцев, они так не "обштопывают", потому что своих лечат по страховке государства. А за счет государства у них особо не разживешься…

В итоге (меньше, чем за месяц) пришлось перенести два сильнейших наркоза Наркоз уже сам по себе не подарок. Нередко приводит к многолетним головным болям. Выручил мой сильный организм. К счастью, оба раза я вышел из наркоза нормально.

"Эксперимент с глотанием кишки" отобрал столько сил, что я потерял 18 килограммов веса, а непредвиденно огромный объем антибиотиков так сжег слизистую, что долгое время при приеме пищи я испытывал не только боль, но и безразличие и даже отвращение к еде. Смотреть на нее не мог. Произошла полная потеря аппетита. До неузнаваемости изменился, ухудшился и ослаб голос. Голос, главный инструмент певца, оказался на грани исчезновения…

Нужно было много пить и не двигаться. Ни то, ни другое практически было невозможно. Когда я начинал много пить, это вызывало тяжелую рвоту… Однако первое основательное ухудшение началось уже через четыре дня после операции. По легким ударила пневмония. Потом "наступил" сепсис правой почки. Затем "случился" этот злополучный "эксперимент", закончившийся разрывами швов, от которого я так отбивался, и который мне все-таки навязали. Вместе с тем (теперь, когда я уже могу называть себя здоровым человеком), кому бы я не показывался в нашем АО "Медицина", все говорят о ювелирности сделанной Альтхаусом операции. Говорят: "Если честно, у нас бы никто так не смог!" Это говорят такие знаменитые врачи, как Ройтберг, Грицай, Велиев, Матвеев… У нас, конечно, делают подобные операции. Сплошь и рядом делают. Но… с выводом мочеточников на внешнюю сторону, т. е. — через трубочку в боку. В результате, можно сказать, человек становится инвалидом, крайне ограниченным в движениях. А сделать так, чтобы чужой, искусственный, мочевой пузырь работал, как родной, у нас пока никто не умеет.

- Вы его искусственность чувствуете? — спрашиваю я.

- Конечно. Я еще не привык к нему, как к своему собственному. Поэтому, конечно, пока чувствую дискомфорт, — признается Кобзон.

- Я много раз убеждался, что Вы — сильный человек, —

восхищаюсь я и вдруг (внезапно даже для самого себя) интересуюсь. — А было ли у Вас отчаяние, когда все это произошло?

- Было! — одним словом, но как-то очень значительно отвечает Кобзон.

- И как это было? — удивляясь неожиданности такого ответа, уточняю я. — Вы что, в Бога поверили? Или что?

- Ни в какого Бога я не верю. Я верю только в свою жену и в себя! Просто не хотелось жить инвалидом. Я не знаю: выдержал бы я психологически эту травму?…

У нее, у жены, совершенно удивительный характер. В обычной жизни она человек очень разный, капризный. А вот в экстремальных обстоятельствах обладает уникальным хладнокровием, организованностью и стремлением к разумности во всем. Она сразу собирается и не дает спуску никому: ни врагам, ни друзьям, ни врачам (ни немецким, ни русским) — никому! И главное — мне!

"Ешь!" — говорит. Я говорю: "Не могу!"

- Ешь! — я сказала — Пей! — я сказала — Идем гулять! Тебе пора в туалет! Тебе пора лекарства принимать! (А я их тоннами принимал.) "Неля, — говорю, — отстань!"

- Не отстану!!! Ты мне не нужен инвалид! Ты никому не нужен инвалид! Поднимайся сейчас же и делай, что я тебе сказала!..

В общем, вот такой строгий деловой напор. Она сама едва не заболела, пока возвращала меня к жизни. Устала безумно. И я стал ее беречь… Как только я стал самостоятельно двигаться и самостоятельно питаться, я стал ее беречь. Чтобы она восстановилась после того, как столько дней и ночей выводила меня из отчаяния, когда я, ощущая и осознавая ухудшавшееся час за часом состояние, мучительно мечтал о смерти… Особенно после второй, нелепо случившейся операции. Надоело страдать! Хотелось, чтобы поскорее все это кончилось…

Помогали мне выходить из отчаяния и друзья. Больше всех — Юрий Михайлович Лужков. Два раза приезжал он ко мне в Германию. Потом звонил… Прилетал и Игорь Сергеевич Иванов (бывший министр иностранных дел России, а ныне секретарь Совета Безопасности РФ). Не один раз навещал посол РФ в ФРГ Котенев Владимир Владимирович со своей супругой Машенькой. Приходили наши люди, среди них — мои старые друзья, которые живут в Германии. Особое внимание уделили мне Александр Волков, Михаил Хубутия и Галина Романовская. Проведали меня Владимир Винокур и Валентин Юдашкин, Александр Достман и Руслан Аушев. Постоянно звонили Валентина Терешкова и Елена

Образцова. Не забыла меня и Алла Пугачева. Звонила, желала поскорее выздоравливать. Еще был с собственноручным посланием Патриарха. Всея Руси Алексия II (что бывает крайне редко) Прхаев из Софрино. Запомнились ободряющие звонки от Председателя Российского Правительства Фрадкова, и, конечно, от президента Владимира Владимировича Путина. Я не то, чтобы был конъюнктурно польщен этим, просто приятно было, что не забыли! Происходило это так.

…Просыпался я в берлинской клинике Альтхауса рано. Нас будили в половине седьмого. Давали утренние лекарства. В семь часов приходил профессор Альтхаус и делал обход клиники. И вот в один из таких дней где-то около двенадцати или даже часу дня приехали ко мне Игорь Сергеевич Иванов и посол Котенев. Они приехали с женами. Палата у меня была маленькая. И они стояли у стенки напротив моей постели. В Берлине, в отличие от Касселя, "жил" я, к счастью, в палате один. Точнее, с Нелей. "Жили", как два больных. Расспросили они меня, что и как? И вдруг Игорь Сергеевич говорит: "Я выполняю поручение нашего Верховного Главнокомандующего". И тут же по сотовому телефону, какими-то секретными кодами соединился с Кремлем "Владимир Владимирович, выполняю Ваше поручение и передаю трубку". Так случился разговор с Путиным. Президент старался подбирать наиболее добрые и сердечные слова, соответствующие моему положению. Напоследок сделал шутливое наставление: "Иосиф Давыдович, Вы сейчас не имеете права болеть. Мы здесь все готовимся к 60-летнему юбилею Великой Победы и без Ваших патриотических песен праздник не праздник. Так что Вы просто обязаны быстрее вернуться в строй!" Было очень приятно, что первое лицо нашей страны беспокоится о твоем состоянии и желает здоровья. Президент спросил: "Как проходит лечение?" Я пошутил: "Как раз сейчас принимаю новый препарат — "Путин-биотик"!"

В. В. рассмеялся… А двенадцатого июня на приеме в честь Дня Независимости России, поздравляя меня с возвращением в строй, улыбнулся и говорит: "Ну и как… помог "Путин-биотик"?" Улыбнулся и я: "Надо же… запомнили!" Приятное воспоминание.

…Минут через пятнадцать после разговора с Путиным Игорь Сергеевич неожиданно сообщил: "А теперь с Вами хотел бы поговорить Михаил Ефимыч". Сперва я даже не понял о ком идет речь. Думал, что это Швыдкой (бывший министр культуры РФ). Поэтому начал говорить: "Это хорошо, что культура интересуется своими бойцами…" В ответ слышу: "Фрадков".

- Ой, — говорю, — Михаил Ефимович, извините! (Они же со Швыдким оба Михаил Ефимычи!)

- Как себя чувствуете, Иосиф Давыдович? — спрашивает Фрадков.

Тут я вспомнил анекдот советского периода — ТАСС сообщает: "В Советском Союзе запущен космический корабль. Впервые в истории человечества корабль пилотирует летчик-космонавт СССР капитан ВВС… евреи Рабинович Мойша Израилевич. В двенадцать часов дня. Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев связался по телефону с первым евреем-космонавтом. Передаем запись беседы…

- Здравствуйте, дорогой Мойша Израилевич!

- Здрасьте, Никита Сергеич!

- Все евреи мира сегодня завидуют Вам — первому еврею, который вырвался на орбиту… Как Вы себя чувствуете, Мойша Израилевич?

- Спасибо, Никита Сергеич! Впервые чувствую себя хорошо…"

Рассказал анекдот Фрадкову и говорю: "Это я как бы отвечаю на Ваш вопрос как я себя чувствую? Впервые чувствую себя хорошо… за последние дни…"

Не могу сказать, что после двух этих звонков я сразу встал на ноги и стал пить водку от радости, но настроение на самом деле как-то улучшилось. Хотя, конечно, как был я больным, так им и остался. Это было до повторной операции…

…Вспоминая теперь, как все было там, в Германии, не могу забыть отношение обслуживающего медперсонала. Тяжелое отношение. Особенно со стороны "сестер". Никто у них милосердия не просил. Их просили выполнять обязанности. За деньги! Платили им, между прочим, во много раз больше, чем нашей отечественной медпрофессуре. Но они все равно делали все с каким-то вызывающим нежеланием. Особенно в часы ночного дежурства. Например, в Берлине так называемой "сестре милосердия" это очень не нравилось. Ну не нравилось ей лишний раз подняться, когда все спят. И она, тоже отдыхает. А тут опять этот тип из России. Опять ему плохо. Опять ему что-то нужно… Долго и тяжело встает, заходит: "Ну что? Шмерц?" (Шмерц — это больно.) Я говорю: "Шмерц…" (Я уже знал это и отвечал: "Шмерц…") А она: "А-а-а… Катетер — проблем, шмерц — проблем…" Все у нее было "проблем". Отсюда и настроение у меня ниже худшего. Если бы не было рядом Нели, я бы вообще с ума сошел. Единственным утешением было то, что они уходили за двери, и Неля говорила мне какое-нибудь ласковое слово. И я хоть как-то успокаивался…

Через полтора месяца после двух операций я отправился из Берлина в Кассель на реабилитацию. И пробыл в Касселе еще месяц. Там недоброжелательное отношение (уже другой "сестры

милосердия") оказалось еще более откровенным. Наслушался я там от нее возмущений и истерик, и особенно отказов подходить, когда возникали сложности с катетером. Дошло до того, что однажды русско-язычный доктор предложил мне: "Давайте скажу главному врачу кто Вы!" Я говорю: "Зачем? А вдруг он отнесется ко мне еще хуже, чем она, узнав, что я — член российского парламента. Пусть уж лучше лечат, как всех…"

Короче, если со мной что-то произойдет, и я буду в сознательном состоянии, я больше ни в какую Германию или Америку, или еще куда лечиться… ни за что и никогда не поеду!

Сама западная организация больничного процесса своей бесчеловечностью приводила меня в шок. Ну как можно было поставить унитаз в реанимационной комнате на двух человек? Когда два немца одновременно находятся в такой (размером с два железнодорожных купе) реанимации, один другому еще может сказать "не храпи" или "отвернись, пока буду справлять нужду". Но каково такому "немому" больному, каким был я? Мне ведь не разрешали даже шевелиться из-за осложнившегося состояния легких, а сосед-немец в это время крутил на полную громкость транзистор и после раздражающе всю ночь храпел. И потом звучно и удушливо опорожнялся. И все это прямо перед моим лицом, прямо перед моим носом… А крики возмущения медсестры, когда я пытался возражать, чтобы не открывали окно над моей кроватью? Двадцатиградусный мороз добивал мои легкие. Какая же она после этого медсестра? Она же отъявленная хулиганка! Как я там выжил — не знаю?! Уезжая, я написал главврачу, что такие люди не имеют права носить белые халаты и работать в медицинских учреждениях. Но, думаю, главврач ее лишь пожурил, а она, скорее всего, сказала в ответ, что ненавидит этих русских и ничего поделать с собою не может…

Что говорить о младшем медперсонале, если ведущие врачи относятся к больным, что называется, спустя рукава?! Так хирург-профессор, переправляя меня в Кассель, не поставил мне на такой дальний путь катетер, и уже через двадцать минут отделение мочи пошло в почки. Начались совершенно жуткие боли. Еще немного и я, наверное, бы, скончался от болевого шока прежде, чем отравился отходами собственного организма. Эта ошибка или забывчивость Альтхауса могла стоить мне жизни так же, как легкомысленное назначение мне процедуры эхокардиографии стало причиной тяжелейшей повторной операции под общим наркозом.

Немцы в таких случаях наверняка подали бы в суд и отсудили бы огромные деньги за нанесенный здоровью ущерб, способствующий явному укорачиванию жизни. Я же промолчал,

благодарный уже за то, что Альтхаус сделал удивительную операцию, вернувшую меня к полноценной жизни.

Тешу себя мыслью: "А может быть это только меня лечили так безобразно, действуя по принципу: главное — сделать основное, а остальное как-нибудь и само сложится?!" Хорошо, если так!

…Когда уже никто не думал, что я смогу петь, я вдруг запел. Произошло это так. Юрий Михайлович, поздравляя женщин с Днем 8 Марта, позвонил мне и говорит: "Иосиф, мы сейчас на встрече с женщинами Москвы. Отмечаем их праздник. Скажи что-нибудь нашим дорогим женщинам!" Я говорю: "Юрий Михайлович, а можно я ничего говорить не буду? Можно, я лучше спою?" Лужков: "Что? Споешь? Ну, давай!" И я запел: "Благословляя на праведный бой, женщина мужеству нас научила. И если на свете есть все-таки Бог, Бог — это женщина, а не мужчина!" Благодаря тому, что была включена громкая связь, раздались аплодисменты. И Лужков сказал: "Ну, слава тебе, Господи! Раз ты поешь, значит, с тобой все в порядке".

К сожалению, выздоровление мое оказалось кажущимся. После этого была поездка в Кассель со всеми своими осложнениями. Опять было подозрение на эмболию легких. И опять была реанимация, в которой я думал: скорее умру, чем выживу, задыхаясь от испражнений соседа по палате. Однако организм выдержал. И ко мне снова вернулся голос. И снова стало приятно быть Кобзоном

Я ПРИСЯГИ НЕ МЕНЯЮ

…Идет война с моей Родиной. Идет война Запада с СССР. Сколько сразу выявилось предателей! И… заведенных в заблуждение. Давали присягу служить Советскому Союзу, а теперь вольно или невольно служат совсем другой стране, возрадовавшись или смирившись, служат тому, что, на первый взгляд, невидимые захватчики оставили от СССР. Жизнь им судья!

Я — не предатель. Слов просто так не даю. И от слов своих не отказываюсь никогда. Поэтому присяги не меняю. Присяга ведь дается раз в жизни… Рано или поздно эти взгляды должны были проявиться и в отношениях с Кобзоном.

…Случилось, что договорились мы ехать с "Эшелоном Победы" в Брестскую крепость, в Белоруссию, которая теперь, как и Россия, — так называемое, с легкой руки предателей, "независимое государство". (Что, впрочем, противоречит интересам всех советских народов!) Начали оформлять проездные документы. Когда дошло до указания в билетах данных моего советского паспорта, дело зашло в тупик. Мой советский паспорт объявили недействительным. И моя поездка стала невозможной. Во всяком случае — с точки зрения навязанных теперь незаконных законов. "Что ж, — сказал я помощникам выдающегося певца, — я не буду своим присутствием в делегации Кобзона создавать ему проблемы…" Однако люди из московского руководства решили пойти навстречу моим принципам. Быть может, в связи с беспрецедентным празднованием 60-летия Победы великого советского народа над немецко-фашистскими захватчиками?!

Так 4 мая 2005 года оказался я на Белорусском вокзале. Не обнаружив Кобзона в купе, в котором он должен был ехать, звоню: "Иосиф Давыдович, как договаривались, еду на "Эшелоне Победы" в Белоруссию, а вас — нет…"

- Николай, я решил завтра догнать "Эшелон" в Бресте… на самолете. Но постойте! Мне сказали, что вы не едете, потому что не хотите менять советский паспорт на российский. Вы же интеллигентный человек и искусственно делаете себя "невыездным". Я не понимаю этого. В чем дело?

- Поскольку все решилось положительно, не буду занимать ваш телефон, но, если вам это интересно, при первом удобном случае все объясню.

- Мне это не просто интересно. Мне это удивительно…

На том и порешили. И вот теперь здесь коротко даю

объяснение.

…В наши дни идет тщательно спланированная невидимая ползучая война против СССР — война за пересмотр итогов. Второй мировой войны.

Евреи особенно знают, что это была за война…

То, чего Запад в лице Гитлера не смог сделать (согласно плану "Барбаросса") силой, "молниеносно", делается в наши дни через "агентов влияния" постепенно.

И вот, спустя 15 лет после Перестройки, войска НАТО, как и предупреждали ответственные политики, оккупируют СССР. Но СССР не распался! Идет его ползучая оккупация путем установления прозападных режимов вопреки воле всех советских народов сохранить Советский Союз. Кстати, выраженной подавляющим большинством на референдуме.

Обратите внимание! Никто не говорил о распаде СССР, когда Гитлер в открытую захватил Прибалтику (как сейчас — НАТО) и Украину с Молдавией (как сейчас — Запад). Почему же уверяют, что ныне имеет место распад СССР, в то время как происходит его уже фактический захват силами НАТО?! Ведь именно войска США и НАТО теперь хозяйничают или начинают хозяйничать на бывших советских базах и аэродромах в Прибалтике и на Украине, в Грузии и Узбекистане, в Азербайджане и Молдавии, распространяя эпидемию раскола советских народов в виде вновь изобретенной многоголовой гидры всюду ползающей змеи под сатанинским названием ГУУАМ. Сравните захваченные теперь территории СССР с тем, что планировали захватить Гитлер, США, Великобритания, Япония и Италия еще в 38–39 годах XX века, и вы убедитесь, что пересмотр итогов. Второй мировой войны в самом разгаре!

Наша задача — остановить захватчиков (кстати, ставших уже видимыми!) и восстановить страну в границах 1945 года! В связи с этим России и Белоруссии следовало бы объединиться в Союз безотлагательно!

Перестройка в СССР — была Перестройкой Запада в СССР… и не только силами "агентов влияния", внедренных в советское руководство с целью пересмотра итогов. Второй мировой войны, но и путем развала Варшавского Договора, потом развала Советского Союза (в первую очередь естественного союза России, Украины и Белоруссии) и, наконец, развала самой России. Вот главный итог Перестройки с точки зрения интересов НАТО и, прежде всего, США. Западу мешал не столько общественный строй в Советской России, сколько сама Россия в границах до 1917 года

Показательно, что и Первая, и Вторая мировые войны были

направлены именно на это! Третья мировая война (и холодная война как часть Третьей мировой) инспирированы, чтобы добить Россию…

Здесь уместно повторить уже опубликованное мною когда-то стихотворение о предателях.

Время предательств настало.
Слава предателям! Слава!
Слава навеки предателю первому.
Первый во всем — раелюб Горбачев.
Всех, кого мог только, душенька, предал он.
Так, словно сам вообще ни при чем.
Слава второму большому предателю!
Яковлев — номер, бесспорно, второй.
Он — идеолог сплошного предательства,
Запада тайный и явный герой.
Третьему слава — крутому предателю/
Нет Шеварднадзе хитрей и мудрей:
Так же, как Брежневу, льстил обаятельно,
Предал застенчиво верных друзей.
И… чтобы некого было винить,
Имя свое он решил изменить.
Слава, что, скромно и так обстоятельно.
Выдав секреты вскормившей страны,
Служит всемирным примером предателям
Сытый Бакатин, не выдав цены…
Слава тому, кто для старых приятелей
Русь захотел по частям распродать.
Слава ему — господину предателю:
Жаль умерла, а то б продал и мать.
Слава другим незабвенным предателям,
Предавшим мир в белорусском лесу:
Чувствуя, что… ждет их суд основательный,
С трепетом крестик Иудин несут.
Слава предателям! Слава!

Время предательств настало…

Вот почему я не меняю советский паспорт на российский, во-первых. А вот почему я не меняю его, во-вторых.

…Сменить советский паспорт на новый, российский, не могу еще и потому, что я, как известно из моих книг и публикаций в центральной прессе, материалист, а на новом паспорте изображена религиозная символика. Для меня поместить паспорт с крестом и Георгием Победоносцем, убивающим змия, в

нагрудном кармане то же самое, что с верующего снять крест! Уверения, что это всего-навсего исторический символ России, не соответствуют ни истории, ни сути дела. Это символ не просто России, а символ православной России до 1917 года, когда церковь еще не была отделена от государства и возводила православие во власть, низводя до граждан второго сорта тех, кто был представителем другой веры.

На словах, по нынешней Конституции, церковь отделена от государства, а на деле? На деле опять господствует православие! Господствует даже над неверующими, всячески принуждая их смириться перед своими символами.

Я не стану останавливаться на всех положениях, которые делают категорически невозможным для меня получить "религиозный паспорт". Вместе с тем материализм я никому не навязываю, но и во мне под любыми предлогами никто не имеет права насаждать религию в какой бы то ни было форме.

Не просто так в моей книге "Истерика" еще в 1991 году появилось стихотворение "Правда"!

Время ставит дурацкую пьесу,
Как сердца превращаются в лед…
Кто? Из пьесы той делает песню.
И той песней мне в душу плюет…
Я плюю… на себя и на Время.
Я плюю — на плюющий народ.
И считаю я лучшей из премий,
Что еще не заткнули мне рот!
Мы на всех (!), мы на все(!) наплевали.
Я завидую, люди, Христу.
Только в книжках Христа распинали.
Нам же всем наяву — по кресту!
Безучастные светятся звезды.
Бог от нас бы — давно издох.
Льем мы все — лицемерные слезы,
Будто есть и взаправду Бог…

Написано это 7 января 1990 года, а сегодня уже 2005 год в самом разгаре. И что же? Да то, что страна во многом отброшена в своем развитии на сто лет назад, когда разными путями преследовалась свобода совести или, проще говоря, не было не ущемленного права исповедовать любую религию или не исповедовать никакой…

Над страной снова довлеет православное самодержавие в ущерб свободам, провозглашенным еще Февральской буржуазно-

демократической революцией 1917 года, когда был, свергнут царь и власть впервые полностью перешла к Советам! Кстати, даже большевики не были против Советов…

Надеюсь, Иосиф Давыдович, вы не в обиде, что я не стал объяснять всего этого по телефону?

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

Возвращение Сталина в Москву

(Сталин на "Эшелоне Победы")

5 мая 2005 года. Вечером Лужков, Кобзон и я стояли на крыльце музея в Брестской крепости. Ждали приезда руководителя Белоруссии Александра Лукашенко. Лужков и Кобзон разговаривали. Я слушал, чтобы потом внести главное из услышанного в свои исторические записки. Они обсуждали разные проблемы (какие — уже не помню). И вдруг (такое запоминается) Кобзон говорит: "Юрий Михайлович, все с организацией эшелона к 60-летию Победы идет по плану. Но… есть одна ошибка. Мы осуждаем искажение истории, и тут же искажаем ее сами…"

- Что ты имеешь в виду? — насторожился Лужков.

- На паровозе, идущем во главе "Эшелона Победы", утопающий в цветах портрет солдата. А ведь, если мы решили повторить все, как было в 45-м, там должен быть портрет Сталина! — напоминает Кобзон.

- Да! Это надо исправить, — сразу соглашается Лужков. — Я дам команду!

И… мало-помалу разговор переходит на другие темы.

…Наступает 6 мая. Эшелон прибывает в Минск. Но на паровозе Победы — все тот же портрет. мая. Поезд Победы встречает Смоленск. И снова впереди — тот же портрет. Я осторожно спрашиваю: "Иосиф Давыдович, а что… не удалось Лужкову восстановить историческую правду?"

Кобзон вскипает: "Да железнодорожные чиновники из Москвы не хотят, боятся, как бы чего не вышло. И Людмила Ивановна Швецова, зам Лужкова, ответственная за проведение акции "Эшелоны Победы", никак не решается взять на себя эту ответственность. Но я это так не оставлю, и в Москву "Эшелон Победы" придет, как в мае 1945". С этими словами он выходит из своего купе и отправляется на переговоры в главный вагон. Возвращается нескоро, и я опять спрашиваю: "Ну что?"

- Еле добился своего. Дошло до того, что сказал: "Если что случится, валите на меня. Говорите, это Кобзон как

художественный руководитель акции все устроил". А они мне: "Да Вы хоть представляете, чем все это пахнет? С Белорусского вокзала, куда прибывает "Эшелон Победы", сразу на весь мир разнесется, что Сталин снова возвращается в Москву… Представляете, какая реакция будет на это у глав почти 60 стран мира, приглашенных в Москву вместе с нами отпраздновать 60-летие Победы над фашизмом? Из-за Вас и Лужкову достанется". А я им отвечаю: "Да Лужков не меньше моего хочет, чтобы не искажали историю. Потому и просил передать всем, что берет это дело под свою ответственность". Короче, они начали там что-то согласовывать, а потом вдруг заявляют: "Мы, вроде бы, готовы, да где взять портрет Сталина?" И тут меня выручили "союзники из Смоленска": "Иосиф Давыдович, мы найдем!" В общем, завтра посмотрим…

Вечером, опережая эшелон, мы с Кобзоном на его машине из Смоленска уехали в Москву (это 400 км), чтобы главный певец страны мог подготовиться к встрече эшелона на Белорусском вокзале. мая 2005 г. включаю телевизор. И… все каналы в новостях показывают: "Белорусский вокзал. Народу — видимо-невидимо. Все ликуют. Встречают "Эшелон Победы". Медленно приближается главный паровоз страны. И чем ближе, тем отчетливее просматривается на лобовой его части утопающий в цветах портрет Сталина…"

…Кобзон — человек очень выдержанный. Его трудно вывести из себя. Однако был случай, когда он обиделся на меня так, что даже называть стал по имени-отчеству, а потом все-таки не выдержал и говорит: "Вы меня, Николай Алексеевич, опекаете сильней, чем моя Неля после моей операции в Германии… И как только Ваша жена Вас переносит?" Я отшутился: "Она привыкла". Тогда я не сказал, отчего с моей стороны по отношению к нему имела место такая жесткая опека. Дело в том, что Неля Михайловна (супруга Иосифа Давыдовича), насмотревшись на то, как тяжело проходила у Кобзона та опаснейшая операция, и на то, какой ужас был с Кобзоном потом, мне как другу семьи сказала, как она теперь за него переживает и как заботится и боится, как бы чего не случилось из-за перегрузок и вообще из-за недальновидного отношения Кобзона к своему здоровью. Ведь уже на почве операции произошло такое ослабление организма, что и пневмония была, и правая почка не к добру воспалилась… Словом, ее откровения произвели на меня такое впечатление, что и я после операции старался быть предупредительным, чтобы… как бы чего не вышло, иначе… как бы я потом смотрел в глаза Неле Михайловне? Говорила же, как ему надо беречься! Хоть и

обиделся на меня Кобзон, но, думаю, зная все это, я не имел даже морального права поступить по-другому. В самом деле, после постоперационной пневмонии (а хорошие врачи знают, что это одно из предупреждений о возможности летального исхода) Кобзон, как ни в чем не бывало, вышел на вокзале в Бресте под ледяным дождем (накануне 60-летия Победы) петь перед ветеранами. Пиджак и рукава у него промокли, хоть выжимай. Я настоял, чтобы Кобзон снял пиджак и попытался, хоть так, просушить рубашку, а пиджак повесить поближе к обогревателю, который попросил организаторов найти обязательно. Потом настоял, чтобы организовали ему чай и суп без острых специй. Поначалу Кобзон подчинился, а потом, чуть ли не рассвирепел и заявил: "Я что, маленький, что вы все за меня решаете?" Это было, когда я уговорил его после второго выступления еще в худших условиях (к ледяному дождю добавился хлесткий ветер) пойти съесть что-то горячее и щадящее. Он с трудом согласился. Ему принесли горячую гречневую кашу с тушенкой (он ее, кажется, очень любит). Налили красное вино и чай.

Только Кобзон начал есть, как на него накинулись поклонники: "Дайте автограф! Дайте автограф!" Кобзон подписывал, вначале стоя. Потом — сидя. Писал, наверное, минут двадцать.

Любимая каша остыла. А чай… мало того, что стал теплый, так в него окружившая толпа еще и опрокинула бокал с красным вином. Получилось: не чай, не вино! Хорошо еще концертный костюм не залили. Успели защитить салфетками. А Кобзон все это время смиренно сидел и давал автографы на билеты, которым не было ни конца, ни края. Я же все это время периодически предлагал все-таки начать есть. И вдруг Кобзон шепчет: "У меня больше нет сил писать. Я дописываю вот эти билеты, которые вы подложили (действительно, был грех!), и ухожу". Сказал это и не уходит — продолжает подписывать новые: толпа-то желающих растет. И тогда я, осознав свою оплошность, бросаю еду, беру Кобзона под руку и говорю: "Иосиф Давыдович, пойдемте!" И тут Кобзон… как вскипит: "Оставьте меня! Что вы меня тащите! Я сам привык принимать решения и выполнять их, когда сочту нужным". Я, конечно, опешил. Чувствую, что вправду как-то нехорошо с моей стороны получилось. Как-то обидно для него, что ли? Подумав это, конечно, тут же извинился и… стою, жду, когда он допишет. И вот, выждав момент и сославшись на необходимость готовиться к новому выступлению, он наконец-то встал из-за стола, и мы быстро покинули это бестолковое застолье. Но я-то… хоть "перехватил" салатов. А он, как я его не уговаривал, остался, что называется, несолоно хлебавши… В

другое, то есть спокойное, место Кобзон идти категорически отказался. Сели мы в машину, и вдруг организаторша его выступлений в Бресте говорит: "Иосиф Давыдович, ну давайте все-таки поедем… хоть горячего чаю попьете!" Я сразу поддержал ее. "Нет, не уговаривайте! — говорит Кобзон. — А вам-то (это ко мне относилось) зачем опять за стол? Вы же вроде бы овощей и рыбы наелись… И правильно сделали! Я же теперь буду умнее. Не буду поддаваться никаким вашим уговорам и сам решу, куда и когда мне ехать и что есть…" Я почувствовал себя страшно виноватым. Как-то, видимо, по-другому надо было действовать по отношению к человеку, перенесшему такие страшные операции в области живота?…

…В машине по дороге из Смоленска в Москву (07.05.05) Кобзон вдруг признался: "Я не пьянею от славы. Я на этот счет очень трезвый человек. Когда собираются у меня друзья, идет застолье, и сами по себе у всех начинаются воспоминания, рассказываю и я то, что со мною было. Гости начинают говорить: "Слушай! Тебе бы надо про все это написать. Такая книга получится!" Я им отвечаю: "Да кому нужна еще одна книга? Их уже и так столько пылится на полках магазинов и библиотек! Я не хочу, чтобы еще и мою не читали… Песни мои — другое дело! Их и после меня на великих праздниках по случаю торжества, скорее всего, будут хотя бы иногда слушать, а сам Кобзон, да еще со своей книгой — кому он нужен? Так что я категорически против того, чтобы представлять свои мемуары в письменном виде".

И тут в жизни моей семьи появляется Добрюха… И так он стал нас всех напрягать, да еще год за годом, необходимостью обнародовать мои воспоминания не только среди друзей, но и на всю страну, что я оказался, вынужден периодически сдаваться. И тогда Добрюха, что называется, "нахрапом", начал выдавливать из меня все, что только мог… Неля (моя жена) не раз в сердцах говорила: "Иосиф, ну, сколько еще Добрюха будет тебя мучить??? Расскажи ты уже поскорее ему все. И снова (хотя бы на этот счет) заживем спокойно!" Что делать? Так я и поступил. Рассказал все, что он просил. И когда сам Добрюха сказал: "Все!" — я облегченно вздохнул… А Добрюха переждал мой вздох и продолжает: "Все! Первый том у нас готов!" Тут я понял, что это никогда не кончится — придется терпеть до конца. Ну и, наверное, терпеть придется и тем, кто решится все это читать… Ваш и не ваш Иосиф Кобзон".

После такого признания Кобзона сразу стало понятно, почему десятки, раз он откладывал наши встречи, а когда они случались, откладывал до следующего раза свои воспоминания. Видимо, уловив этот настрой хозяина, его подчиненные, особенно

костюмерша Лена и секретарши, делали все, чтобы отбить у меня охоту встречаться с "Папой" (так они называют между собой Кобзона). Доходило до того, что, когда меня по указанию Кобзона приглашали на какие-то мероприятия, то места они давали такие, что ничего не увидишь, и за стол сажали на таких задворках (за пределами основного зала, практически у выхода), чтобы я во всех отношениях ощутил себя в положении бедного родственника.

Однако, как известно, на эти проделки челяди, я смотрю так же, как Кобзон — на выходки ревнивой президентской администрации, которая под любым предлогом, пытаясь унизить Кобзона, всячески ограничивает его возможности встречи с Путиным, а Путин потом с удивлением спрашивает: "А почему это я Вас, Иосиф Давыдович, не видел там-то и там-то?" Так и Кобзон спрашивает меня, например: "А что это Вы, Николай Алексеевич, не приехали на юбилей Центра подготовки космонавтов?" Я отвечаю уклончиво. А зачем его напрягать тем, что его самодовольные помощники опять "забыли" включить меня в список приглашенных с Кобзоном?! Еще подумают, что мне мало тех официальных, да и чисто домашних приемов, которыми меня радуют другие знаменитости. Важно ведь для меня не это, не столы, ломящиеся от яств. Для меня важно то, что я могу услышать, увидеть и узнать благодаря людям, которые меня к себе приглашают. А любую еду я и сам в состоянии купить, хотя предпочитаю самые простые, а не экзотические царские и заморские блюда.

Поэтому я по-настоящему благодарен Иосифу Давыдовичу Кобзону за то, что он, несмотря ни на что, все эти годы сдерживал, свое слово по принципиальным вопросам и таким образом дал мне возможность помочь ему "родить" эти воспоминания и размышления. Теперь все смогут узнать, какой он, Кобзон, в действительности! Все остальное уйдет в небытие!!!

09.05.2005 Николай Добрюха

ОТКРОВЕНИЕ ОТ ИОСИФА СТАЛИНА

Знай! Окрылённый надеждой
Он, хоть никто он сегодня,
Всё равно неба достигнет.
Воля на всё есть Господня!

Часть IV

КТО ЕСТЬ КТО

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СЕСТРЫ

В 14 лет Иосиф поступил в горный техникум. Никому об этом не сказал. Сам забрал документы из школы и поступил. Это было самоутверждение. Чтобы не говорили, что он маменькин сынок из еврейской интеллигентной семьи. Он выбрал себе рабочую специальность. Чтобы в забой… с молотком… И направление взял в Воркуту…

ИЗ ПИСЬМА НАЧАЛЬНИКА

Трест "Артемуглегеология" Никитовская геологоразведочная партия Главный геолог ГРП 26 августа 1955 г.

Здравствуйте, уважаемые Михаил Михайлович и Ида Исаевна!

…Отмечая День шахтера, руководство Никитовской ГРП в своем приказе по партии среди лучших людей отмечает и Вашего сына Иосифа, как одного из лучших мотористов, выполнившего месячный план к 26 августа на 120 %.

Иосиф прекрасно сочетает работу на производстве с общественной работой в партии, принимая активное участие в художественной самодеятельности по подготовке концерта к Дню шахтера…

С дружеским приветом

Гл. геолог и заместитель председателя разведкома

Александровский

КАК КОБЗОН БЫЛ ЮРИЕМ ЗЛАТОВЫМ

Скоро уже полвека, как Аркадий Ильич Островский вывел меня впервые на сцену Колонного зала и объявил: "А сейчас мои песни исполнят молодые, талантливые, но пока еще не артисты, а студенты Института Гнесиных Виктор Кохно и Юрий Златов".

Я смотрю на сцену и не понимаю, что делать. Виктора Кохно Островский объявил правильно, а мое имя забыл что ли, или спутал с кем. А он показывает, мол, чего застыли — выходите на сцену. Мы вышли. Спели. В кулисах подхожу к композитору: "Аркадий Ильич, Вы забыли мою фамилию?"

Да ты что! Я тебя поздравляю! Я просто тебе придумал псевдоним. Будешь Юрий Златов.

Аркадий Ильич, это нечестно. Как я своей маме в глаза

посмотрю? И как я ей скажу, что имя, которое она мне дала при рождении, Вы изменили?

Ты рискуешь. С этим именем ты никогда не будешь известным артистом. Никогда.

И все-таки я останусь Кобзоном Навсегда.

ТАЛАНТ МОЩНОСТЬЮ 0,2 КОБЗОНА

Кинорежиссер Станислав Говорухин:

"Кобзон — это имя на слуху нескольких поколений, оно уже стало нарицательным. Его можно использовать как единицу измерения мощности таланта или вокальных данных. А что, неплохо бы звучала, скажем, такая фраза: "Талант мощностью 0,2 Кобзона".

ДЛЯ ИОСИФА ЭСТРАДА РАВНОЗНАЧНА ТРИБУНЕ

Для Иосифа Кобзона эстрада равнозначна высокой трибуне. Ибо в каждой новой песне он всегда старается выразить не только замысел композитора и поэта, не только самого себя, но и — обязательно — время, в котором все мы живем!

А еще Иосиф Кобзон обладает редчайшим для певца качеством: с годами он почему-то поет не хуже, а все лучше и лучше…

Роберт Рождественский

КОБЗОН И ГОСДУМА

Вносится депутатами Государственной Думы С.С. Говорухиным, Н. Н. Губенко Проект 14 марта 2001 года

Обращение Государственной Думы к Президенту Российской Федерации В. В. Путину о недопустимых действиях властей Соединенных Штатов Америки в отношении депутата Государственной Думы И. Д. Кобзона.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации обращается к Вам с убедительной просьбой оказать содействие в восстановлении справедливости в отношении депутата Государственной Думы, заместителя председателя комитета Государственной Думы по культуре и туризму Иосифа Давыдовича Кобзона.

Нет необходимости говорить о том, что И. Д. Кобзон — уважаемый гражданин Российской Федерации, внесший весомый вклад в развитие культуры и искусства, а в последние годы широко известный политический деятель и законодатель, активно работающий в сфере законодательства о защите чести и достоинства граждан Российской Федерации. Однако недавно Посольство Соединенных Штатов Америки в Российской Федерации в очередной раз отказало И. Д. Кобзону и его супруге в визах на въезд в Соединенные Штаты Америки, поскольку, по утверждению Посольства, они являются "нежелательными кандидатурами" на получение таких виз.

В то же время в ответах на запросы Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, полученных из Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации, не содержатся сведения об И. Д. Кобзоне или о его супруге, которые могли бы служить основанием для отказа им во въездных визах. Более того, Министерство иностранных дел Российской Федерации сообщает о том, что данное решение американской стороны связано с некими "подозрениями в противоправной деятельности", а также об отказе американской стороны давать конкретные разъяснения по этому вопросу.

По мнению Государственной, Думы, подобные действия

противоречат ряду основополагающих международных документов, в том числе:

Заключительному акту совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который устанавливает, что государства-участники признают всеобщее значение прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия;

Всеобщей декларации прав человека, которая устанавливает, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира;

Документу Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению, который устанавливает, что государства-участники подтверждают, что более свободное передвижение и контакты между их гражданами имеют важное значение в контексте защиты и развития прав человека и основных свобод.

На основании вышеизложенного Государственная Дума просит Вас, уважаемый Владимир Владимирович, предпринять шаги, которые Вы сочтете возможными, для решения данной проблемы и восстановления справедливости в отношении депутата Государственной Думы И. Д. Кобзона

Аппарат Государственной Думы Правовое Управление

15.03.2001 г.

Заключение на проект постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации В. В. Путину о недопустимых действиях властей Соединенных Штатов Америки по отношению к депутату Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации И. Д. Кобзону" и проект обращения.

Изучив по Вашему поручению от 13 марта 2001 года № 3.26-360/17 проекты вышеназванных постановления и обращения и руководствуясь статьями 94 и 112 Регламента Государственной Думы, Правовое управление сообщает следующее.

Как следует из проекта обращения, его предметом является вопрос, связанный с отказом в получении гражданами Российской Федерации И. Д. Кобзоном и его супругой разрешения на въезд в США. Решение данного вопроса относится к компетенции США как суверенного государства. В связи с изложенным полагаем, что обращение к Президенту Российской Федерации по данному вопросу является, вряд ли корректным. Кроме того, положение

проекта обращения о том, что "по мнению Государственной, Думы, подобные действия противоречат ряду основных международных документов", в том числе Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Всеобщей декларации прав человека и др. (с. 2 — 3), не содержит обоснований противоречия приведенным нормам международного права.

Результаты лингвистической экспертизы прилагаются.

Начальник Управления В. Б. Исаков

ПИСЬМО ДВУМ ПРЕЗИДЕНТАМ

(Опубликовано в "Комсомольской правде" 21 сентября 2002 года)

Президенту Российской Федерации Владимиру Путину

Нет необходимости доказывать, что имя народного артиста СССР И Д. Кобзона занимает далеко не последнее место в истории нашей страны. Им сделан заметный вклад в развитие культуры и искусства России и других республик бывшего Союза, а в наши дни он стал широко известен еще и как общественный и политический деятель. Вместе с тем на протяжении ряда лет вокруг личности этого человека ведутся такие компрометирующие разговоры, которые заводят общественное мнение страны в тупик и никого не могут оставить равнодушным.

В связи с этим обращаемся к Вам с просьбой раз и навсегда официально разобраться с "проблемой Кобзона" так, как это предлагает сделать он сам в своей "Исповеди", опубликованной в еженедельнике "Версия", а именно: назначить расследование по распространяемым в его адрес обвинениям и решить его судьбу в полном соответствии с законами

РФ. По результатам расследования просим сделать официальное сообщение и проинформировать об этом министерства иностранных дел других стран; и в первую очередь Президента США Джорджа Буша и Конгресс США с тем, чтобы они также имели возможность окончательно на законном основании решить проблему американских подозрений в отношении гражданина РФ И. Д Кобзона.

С надеждой и уважением к тому, что Вы делаете в интересах всех граждан России:

Руслан Аушев, Надежда Бабкина, Николай Басков,

Константин Ваншенкин, Аркадий Вольский, Александр Гомельский, Николай Губенко, Михаил Державин, Николай Добронравов, Николай Добрюха, Лада Дэне (Волкова), Владимир Жириновский, Геннадий Зюганов, Франц Клинцевич, Николай Дм. Ковалев, Александр Коржаков, Борис Краснов, Анатолий Кучерена, Алексей Арх. Леонов, Борис Моисеев, Андрей Ив. Николаев, Александра Пахмутова, Евгений Примаков, Николай Рыжков, Любовь Слиска, Валентина Терешкова, Валентина Толкунова, Давид Тухманов, Оскар Фельцман, Василий Шандыбин, Александр Ширвиндт, Михаил Шмаков, Сергей Юшенков.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Телеграмма

Уважаемый Иосиф Давыдович!

Сердечно поздравляю Вас с днем рождения! Весь Ваш долгий творческий путь — пример преданного служения музыке. На Ваших замечательных песнях выросло не одно поколение поклонников эстрады, и сегодня они по-прежнему современны и любимы слушателями.

Щедро делясь знаниями и навыками с молодыми исполнителями, Вы много делаете для создания высокопрофессиональной российской эстрады. Искренне желаю Вам крепкого здоровья, удач и успехов.

В. Путин.

11.09.2002 г.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ЖВАНЕЦКОГО

Иосиф Давидович!

Поздравляю! Это не возраст, это копейка. Люди смотрят с любовью не только тебе в глаза, но и вслед!

Ты — эпоха нашей сцены, нашей жизни. Нашего социализма и нашего капитализма. На таких гвоздях все и держится.

Здоровья, счастья и голоса! Мы с овацией не опоздаем.

Твой, с разницей во времени Жванецкий

10-11.IX-02 г.

ЦАРЮ ПЕСНИ

Иосифу Кобзону

Тают звуки и лики, пиры и корриды,
Обрывает листы календарь.
Вы на троне великом, Иосиф Давидыч,
Песни истинной Царь-государь.
Хриплый голос хулы и хвалебные горны
Было все — и восторг, и печаль.
Верный подданный — Зритель — слуга Ваш покорный,
Шел за Вами в смятенную даль.
Несмолкающим аплодисментов крещендо.
Вновь взрывается Зал-ураган.
Вы — Ла Скала для нас, Опера' и Сорренто,
Гранд-Мажор, многотрубный орган.
Там, вдали, оглушительных лет канонада,
Царство ясных и горестных дней.
Антологию нашей российской эстрады
Вы пропели душою своей.
Мир и счастье Творцу, Вашей светлой Капелле
Сыну, дочери, внучкам — цветов!
Благоденствия — женщине трепетной Неле,
Кто хранит и покой Ваш, и кров!
Прочь, лихие напасти, мирские обиды!
Нашей песни дыханье и плоть,
С днем рожденья, мой милый Иосиф Давидыч!
Долгих лет!.. Да хранит Вас Господь!

От сердца, Илья Резник. 11.09.2002

ШУТКА…

Дорогой Иосиф.

Посылаю тебе копию моей телеграммы. Жаль, что не мог присутствовать, да, собственно, мне и приглашение забыли послать… Шутка.

Выпью бокал за твое здоровье на своем юбилее.

Обнимаю, Муслим Магомаев.

13 сент. 2002 г. Уже в Москве.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Блиц-интервью с детьми в день серебряной свадьбы Иосифа и Нели Кобзон

- Наташа и Андрей, как вам кажется, повезло папе с мамой?

- Нет слов, как повезло.

- А маме с папой?

- Конечно, очень тяжело жить с таким человеком, но после того, как поживешь с таким мужчиной, с другим жить уже невозможно…

Кобзон и дети

Мне некогда было заниматься воспитанием детей. Я в основном занимался перевоспитанием. Жена воспитывала, а я перевоспитывал. Потому мама была и остается хорошей, а папа был и остается плохим

Мужской разговор

Однажды приезжаю с гастролей и вижу такую картину: Неля на кухне — заплаканная, Андрей виноватый такой стоит, понурый, в пионерском галстуке — как сейчас его вижу — смятый, перекрученный: с улицы пришел.

- В чем дело? — спрашиваю.

- Вот, посмотри дневник своего сына — пара, пара, тройка… — родителей вызывают в школу.

- Андрей, — говорю сурово, — отец все время работает, мотается по гастролям, мучается ради того, чтобы обеспечить вас, а ты что себе позволяешь? Кто тебе дал право позорить мою фамилию? Впредь забудь, что твоя фамилия — Кобзон, и не смей ее писать ни в тетрадках, ни в дневнике. Понял?

- Понял, — и ушел к себе в комнату.

Я сижу на кухне, закурил, переживаю.

Вдруг он подходит и говорит: "Папа…"

Я думаю: "Ну, все, воспитательный процесс удался, сейчас будет просить прощения, обещать там всякое…"

Я говорю:

- Слушаю тебя, сын.

- Папа, а фамилия Иванов подойдет?

Вот и поговорили.

Сын и отец

— Я хочу сказать, что папа — настоящий мужчина, каких сейчас мало осталось. Это пример для любого современного парня, — каким надо стать. Вот у меня вряд ли получится.

- Почему?

- Он красивый. Он серьезный. Он сильный. Талантливый. Он

молодец. Он — мужик…

- Уважаешь?

— Ну.

- Любишь?

- Конечно.

- Боишься?

- Да нет. Чего бояться-то? Уважаю!

СИЛЬНЫЕ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Певица Марина Хлебникова:

"Он добрый. Я больше скажу — он очень сентиментальный. Когда я училась у него в институте, был такой случай. Я пела "Каста дива" Беллини, и… Кобзон заплакал. Вы представляете себе — Кобзон, который кажется таким мощным, непробиваемым таким… а он просто сидел, и у него лились слезы. Это очень много говорит о человеке.

Он ранимый. Он страшно страдает, поверьте мне, страшно. Когда его предают, когда к нему относятся несправедливо. Он страдает от этого".

ЧЕЛОВЕК ПОБЕДЫ

Иосиф Кобзон — человек победы. Он побеждает во всех своих начинаниях и приносит удачу другим.

Анзор Кикалишвили, Глава Ассоциации "XXI век"

Это стихотворение, как бы предсказывая свою судьбу, Иосиф Джугашвили (ставший известным всему миру как Сталин) написал, когда ему было 16 лет

Свет, среди тьмы разрастайся!
Ты — как небесная совесть.
Тучи от света исчезнут.
Господа воля на всё есть!
Ждет твоей светлой улыбки
Мраком покрытое поле.
С неба ты песнею лейся.
Есть на всё Господа воля!
Знай! Окрылённый надеждой
Он, хоть никто он сегодня,
Всё равно неба достигнет.
Воля на всё есть Господня!
Нет ничего лучше света.
Свет среди тьмы окрыляет.
Милая, пусть, как и раньше,
Всё в тебе светом сияет!
Грудь распахну нараспашку.
Руки раскину — распятый,
Чтобы наполнился светом. Весь я!
На то и — луна ты…

Перевел с грузинского Николай Добрюха

СОН АЛЕКСЕЯ ЛЕОНОВА (Случай в Кремле)

С подозрением на воспаление легких космонавта Алексея Леонова поместили в 110-ю палату нового корпуса авиационного госпиталя, что на Поперечном просеке в Сокольниках. Я позвонил ему. "Хочу заехать…" Грех, думаю, не проведать самого легендарного из наших космических генералов.

Леонов сперва выразил сомнение: дескать, нет такой необходимости — не смертельно же болен; но затем сказал: "Впрочем, если не жалко времени, приезжай!"

Какой там жалко?! Леонов человек бывалый не только в космосе, но и на земле. Ему всегда есть что рассказать, причем, такое, чего не знает никто. И я с радостью ответил на его согласие коротким: "Еду!"

- Ну как дела? — спрашиваю с порога

- Да вот в пятницу Кобзон звонил. Тоже справлялся насчет моего здоровья. Звонил из Испании. Я ему: "Иосиф, а ты мне как раз сегодня снился. Лежу я, значит, в госпитале. И вдруг в палату входишь ты и спрашиваешь: "Алексей, сколько надо заплатить за твое лечение?" "Да ты что, — говорю, — Иосиф?! Это же госпиталь. А я все-таки человек военный. Так что лечение мне бесплатное полагается…"

Удивительное совпадение, правда? Приснится кто-то — просыпаешься, а он тебе тут же звонит и начинает выяснять, что да как? — вновь обращается ко мне Леонов.

- У Кобзона на это дело всегда особое чутье, — замечаю в свою очередь я и рассказываю, как недавно тяжело заболел сам Кобзон.

…Дело было в Кремле, во Дворце съездов. Захожу я к нему в артистическую. А его еще не было. Вдруг входит. Лица на нем нет. Говорит: "Николай, возьмите у меня интервью. Вы будете первым, кто это узнает. У меня… рак!!! Вот и все, — и хлопнул ладонью по столу гримерки. — Пришла, значит, пора с жизнью прощаться и мне".

- Да вы что, — говорю, — вы уже раз на том свете были и то выжили. Так что пока не время ставить точку!

Поговорили еще. И вдруг: "Николай, сходите вместо меня на банкет. Мне уже нельзя — собираться надо… Утром еду на операцию".

- Нет! — отвечаю, — для меня это кощунственно: идти есть да пить, когда с вами такое. Не участвую я в пирах во время чумы…

Кобзон говорит: "Тогда позвоните мне сразу после операции. Если все благополучно — решим, как дальше работать будем…" Дело в том, что я ему книгу воспоминаний писать помогаю.

…Звоню на другой день в назначенный час. Отвечает: "Только что пришел в себя. Большая опухоль… была. Теперь ее нет. Значит, все нормально".

Да… Кобзон привык за других платить. Он очень жалел, Алексей Архипович, что из-за той болезни не смог на Ваше 70-летие попасть.

Леонов вздыхает…

Николай Добрюха

ПИСЬМО ПАТРИАРХА

Патриарх Московский и всея Руси
119034 Москва, Чистый пер., 5

Многоуважаемый Давид Иосифович!*

Узнав о посетившей Вас болезни, хочу от души пожелать Вам скорейшего выздоровления.

Врачи сделают все возможное, чтобы болезнь отступила, но и Вам надо способствовать и помогать врачам. Только объединив усилия, болезнь будет побеждена.

С надеждой и уверенностью, что Вы скоро вернетесь в Москву и будете радовать всех своим талантом и исполнительским искусством. С уважением и благими пожеланиями,

Патриарх Алексий 19.1.2005

* Так у Патриарха. Наверное, очень волновался, когда писал…

ПИСЬМО САНЖАЙ ЛАМЫ Иосифу Кобзону!

Если ты считаешь себя разбитым, ты действительно разбит.

Если ты думаешь, что не посмеешь, значит, не решишься.

Если тебе хочется выиграть, но ты думаешь, что не сможешь, то почти наверняка проиграешь.

В битвах жизни не всегда выигрывает самый сильный или самый быстрый…

Но рано или поздно, тот, кто побеждает, оказывается тем, кто считал себя на это способным.

23.12.2003 г.

ПРИЗНАНИЕ БОРИСА МОИСЕЕВА

Я знаю Иосифа Давыдовича Кобзона, я думаю, с рождения. Если, говорят, первые звуки были услышаны мною от мамы в слове "сынок", то, я думаю, другие слова… такие, как мир, солнце, цветы, люди, я услышал благодаря голосам таких великих людей, как Людмила Зыкина, Марк Бернес и, конечно, Иосиф Давыдович Кобзон. И я благодарен, что Бог подарил мне счастье слышать много десятков лет этот великий голос. Говорят, как человек поет, так он и душу свою изображает. Вот этот великий голос и есть душа Иосифа. И, наверное, поэтому он всегда будет со мной и будет для меня всегда актуален в роли отца, брата и друга Моя дружба — это не навязывание меня кому-то или мною каких-то условий. Я никогда в жизни не подбегал специально, чтобы общаться с этим добрым человеком. Все происходило само собой. Я всегда знал, что в любую трудную минуту в стае кошек и собак (я имею в виду мою профессию), где никто никому не может желать добра, я всегда найду какое-то убежище или укрытие под крылом дома и души Иосифа Давыдовича. И в этом я никогда не ошибался…

У меня случай был, когда я только вернулся после довольно долгой жизни в Европе и в Америке, вернулся в Россию, и мне нужно было сыграть свой первый спектакль "Дитя порока" (нашумевший скандальный спектакль), я просто пришел к Иосифу Давыдовичу и сказал: "Иосиф Давыдович, позвольте мне сыграть мой шанс!? Может, что-то у меня получится". Он мне позволил. Он мне помог. Я сыграл. И отдал долг. И сделал себе имя. Благодаря ему… Я никогда не поверю ни в одну грязь, которую приписывают Иосифу. Никогда! Все эти страсти вокруг него разжигаются его врагами, которые играют роль его друзей…

КАК Я БЫЛА ЗАМЕСТИТЕЛЕМ КОБЗОНА

Алла Пугачева:

"Кобзон. Что-то властное есть уже в самой фамилии. Он действительно умеет владеть аудиторией.

А когда говоришь "Иосиф Давыдович", то образ намного смягчается. И вот эта мягкость и властность, сочетание имени, отчества и фамилии, собственно, и определили его имидж на сцене.

Ему не подходят даже такие слова, как "мэтр", "легенда"… К нему подходит — Вождь. Вождь Советской эстрады. Вот это ему подходит.

… Что, он за годы популярности не мог измениться? Мог. Что, не мог прыгать, как на моем дне рождения в песне "Все могут короли"? Мог. Что, ему кто-нибудь запретил бы? Нет. Он же сознательно был и остался советским певцом.

Его путь не столь уж гладок, как кажется многим. Он молчал какое-то время… Были свои сложности в первые годы перестройки, когда сметались все авторитеты… Но он нашел в себе силы, остался Кобзоном

Он был и остается единственным певцом, к которому можно всегда обратиться за помощью. Он очень многим помог. Он чувствовал себя хозяином, в хорошем смысле барином. Барин советской эстрады… К барину ходили все. Недавно вдруг позвонил мне известный артист — ему надо было в чем-то помочь. Я говорю: "Ну почему вы мне-то звоните?" А он отвечает: "Но Кобзона- то нет в Москве?" Мне было почетно помочь этому человеку, потому что я, вроде, как заместителем Кобзона побывала…

Поет Кобзон или не поет, он останется до конца дней своих Хозяином на эстраде.

Министром культуры ему надо быть! Кому еще? Я не вижу другой кандидатуры. Тогда и этот пост будет значительней, чем сейчас. А то мы, артисты, забыли о существовании Министерства культуры. Но и там должен быть хозяин!"

ПРИЛОЖЕНИЯ

Я вспоминаю детство. Еврейский хлопчик из Донбасса, которого, как Сталина, назвали Иосиф. И в школе, и в пионерском лагере, и на улице я всегда был первым. Улица звала меня Кобзя...

2

Моя мама и сестричка Гела

3

Я горжусь и буду гордиться, что служил в Советской, в Красной Армии, положившей на лопатки самого Гитлера... Старшина Лысько был для меня самым тяжелым человеком. Однако, как я был благодарен ему потом - он научил меня внутренней дисциплине, коллективизму, выдержке, терпению. Армия, конечно, - великое дело!

Свадьба с Вероникой Кругловой. Мама так не хотела этой свадьбы зря не послушался!

Потом поехали мы по жизни в одной телеге с А.М.Гурченко, но все равно разъехались в разные стороны...

5

Моя мама

Людмила Марковна могла высказаться так ярко, что... хоть свет туши. Настроение Гурченко передается всем сразу!

Гурченко еще рядом...

7

Нелька!
Красивая и неожиданная, как ранняя весна, вошла она в мою жизнь навсегда!

Будь счастлива, Неля!

Рождение сына Андрея

Внучки мои и Неля!

10

Неличка моя!..

Моя семья счастлива. Неля, Наташа, Андрей.

"Не боюсь я ребят, их крутых кулаков..."

Слова из песни не выкинешь!

Я знаком с Алимжаном Тахтахуновым. Я знал Отари Квантришвили. И не скрываю этого... в отличие от моих коллег по певческому цеху

Вездесущий Березовский

14

С Гагариным: веселые и серьезные

15

Хулио Иглесиаса, с которым я встречался, приняли за Фрэнка Синатру и этим породили новую волну слухов о коварном Кобзоне...

Рукопожатие в Ватикане. Папа Римский Иоанн Павел II

Я не удивлюсь, если белорусы выберут Лукашенко еще на один срок. Пусть даже в пику Америке. А вообще Лукашенко народ уважает. Недаром люди зовут его Батька...

Кто скрывается под маской Ельцина?

Слово Патриарха тоже помогло мне выжить

И все-таки наши взгляды не сходятся.
Эдуард Шеварнадзе

В разведку с Лужковым? Да хоть сейчас!

Черномырдин за словом в чужой карман не полезет

Не только гимны - его стихия! Михалков I - Сергей Владимирович!

21

Путин находит время встречаться со мной вопреки господам "щеголевым"

Великая пара.
Композитор Александра Пахмутова и поэт Николай Добронравов

Попробуй понять, когда Жванецкий говорит то, что думает?!

Великий Утесов

Утесов: "Иосиф, ну и как вам нравится эта рыжая лахудра? Это же с ума можно

сойти... Она - действительно потрясающая!"

Все могут короли???

Певец и Клоун. Юрий Никулин

Великие артисты: Никита Михалков и Олег Табаков

Учители талантов кино и театра - Владимир Этуш Алексей Баталов

Обмен взглядами. Владимир Спиваков

Нашли общий язык. Лайза Минели

Сощлись взглядами. Монсеррат Кабалье

О Растроповиче хочется рассказать особо!

Армянская звезда Франции. Шарль Азнавур

Мне памятник при жизни полагается?